РАЗЫСКАНИЯ

Выпуск седьмой

Департамент культуры и национальной политики Кемеровской области
ГУК «Кемеровский областной краеведческий музей»

РАЗЫСКАНИЯ

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск седьмой
Издается с октября 1990 года

Кемерово
ООО «АРФ»
2007

ББК 63.3 (2Р.53)
Р17

Составитель засл. работник культуры РФ Л. Ф. Кузнецова

Редколлегия: Л. Н. Винчина; Н. П. Гусева; Г. П. Калишева; засл. работник культуры РФ Л. П. Кравцова; М. В. Насонова; Л. П. Смокотина; канд. ист. наук И. Ю. Усков (отв. редактор); Т. Д. Чернова

Р17 **Разыскания:** историко-краеведческий альманах [Текст] / сост. Л. Ф. Кузнецова ; редкол. : И. Ю. Усков (отв. ред.) [и др.] ; Кемеров. обл. краевед. музей. – Кемерово: ООО «АРФ», 2007. – Вып. 7. – 220 с. – Тир. 500 экз. – ISBN 978-5-903546-01-5

В альманахе опубликованы новые материалы по истории Кузбасса. Представлены обзоры выставок, музейных коллекций. Авторы сборника – ученые, сотрудники музеев, краеведы.

Рекомендуется для историков, краеведов, а также широких читательских кругов, интересующихся историей родного края.

На лицевой стороне обложки: фрагменты выставки «Говорящие узоры»
На 4-й странице обложки: скульптура Л. Каменевой «Шахтерка с отбойным молотком». Фрагмент новой экспозиции отдела военной истории Кемеровского областного краеведческого музея

ББК 63.3 (2Р.53)

ISBN 978-5-903546-01-5

© ГУК «Кемеровский областной краеведческий музей», 2007
© Авторы, указанные в содержании, 2007

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

М. А. Шелковников,
ст. преподаватель Кемеровского
государственного сельскохозяйственного института

Экономическое развитие городов Кузбасса во второй половине XIX – начале XX века

Последние годы характеризуются значительным ростом интереса исследователей к истории сибирских городов. Выходит большое количество обобщающих работ и отдельных статей, которые освещают самые различные стороны развития городских поселений. Особенно активно изучается сибирский город периода капитализма, причем это относится не только к региональным центрам, но и к так называемым средним и малым городам. К сожалению, кузбасское краеведение значительно отстает от общесибирской тенденции изучения процессов урбанизации региона в период капитализма. Единственная серьезная научная статья по истории кузбасского города в обозреваемый период была написана ученым из Барнаула Ю. М. Гончаровым [1].

В данной работе нами сделана попытка частично восполнить этот пробел. По характеристике Ю. М. Гончарова, Мариинск являлся типичным уездным городом Западной Сибири смешанного типа, в котором наряду с торговлей значительную роль играли сельское хозяйство, отхожие промыслы и ремесло, а его социально-экономическое развитие протекало под воздействием процессов утверждения и развития капитализма в Сибири [2].

Мариинск возник как село Кийское в 1698 году. В декабре 1856 года село стало городом Кийском, но уже через полгода было переименовано в Мариинск. Одновременно был образован Мариинский уезд Томской губернии из земель восточной части Томского округа. Населенный пункт представлял собой небольшой, но последовательно развивающийся сибирский город. Ему не была уготована роль быстрорастущих сибирских центров; вместе с тем город развивается хотя и медленно, но достаточно динамично. В 1861 году его население составляло 3213 человек, в 1875-м – 5550, в 1885-м – около 13 000, в 1897-м, по данным первой всероссийской переписи, – 8216, в 1903-м – 15 859, в 1908-м – 21 068, в 1913-м – 25 500 [3].

Мариинск занимал выгодное географическое положение, находясь на пересечении Московско-Сибирского тракта на участке Томск–Красноярск [4]. Данный фактор послужил основой возникновения извозного промысла – в городе появляются многочисленные постоялые дворы, обслуживающие проезжающих, жители предоставляют им ночлег, питание, фураж, ямщицкую снасть и т. п.

Мариинск являлся центром золотоносного района, а следовательно, перевалочной базой для разного рода предпринимателей, искателей, авантюристов, центром найма рабочих, снабжения приисков продовольствием и различными товарами [5]. Уже в начале 60-х годов XIX века Мариинск «…славился в торговом мире своими базарами, оборотливостью и сметкой своих жителей» [6]. На этой основе в городе формировался слой буржуазии. Купцы и более мелкие предприниматели, оседая в городе, основывали здесь лавки, питейные дома, харчевни, открывали торговые заведения непосредственно на золотых приисках.

Значительным событием для города стало строительство Великой сибирской железной дороги. Мариинск являлся одной из станций на пути следования поездов из европейской части страны до Владивостока, а великое строительство стало еще одним фактором, способствующим развитию торговли. К 1913 году пассажирский оборот станции Мариинск составлял более 96 тыс. человек, грузооборот – 1,5 млн и более пудов различных грузов [7]. По данным показателям Мариинск опережал большинство станций, находящихся в пределах Томской губернии.

Строительство Транссиба активизировало золотопромышленность региона, несмотря на все факторы субъективного характера, тормозившие ее.

Относительно высокий уровень заработков приисковых рабочих увеличивал покупательную способность населения округа, а сезонный характер работ обеспечивал приток в центр уезда людей, готовых тратить заработанные тяжелейшим трудом деньги.

Одной из главных проблем экономического развития города была узость местного рынка. Вместе с тем, отмечая данное обстоятельство, авторы отчетов об экономическом состоянии города признают, что, в силу развития золотопромышленности, торговое значение Мариинска распространяется на Ачинский и Мариинский округа [8], а «хлебные и животные продукты» имеют значительный сбыт в Восточной Сибири и даже на Дальнем Востоке [9].

Торговля была основным занятием значительной части жителей города. В 1869 году по количеству выбранных торговых свидетельств (690), город уступал только Томску [10]. Журналы генеральной поверки торговли отмечают наличие в Мариинске в 1865 году 70 торговых заведений (включая харчевни, постоялые дворы, трактиры и т. п.), в 1880-м – 105, в 1892-м – 116 [11]. Если в 1892 году обороты торговых заведений Мариинска составляли 261 000 р., то на рубеже XIX – XX веков они выросли до 1 млн [12]. Данные переписи 1897 года показыва-

ют, что по процентному соотношению лиц, имеющих самостоятельные занятия и занятых в торговле, к другим группам населения Мариинск уступал только Томску, Барнаулу и Бийску – крупнейшим и наиболее развитым на тот момент в торговом отношении городам. Из 3198 «самостоятельных лиц» 299 указали в качестве основного занятия торговлю, что составило 9,3 процента от общего числа [13].

Промышленность города была представлена мелкими заведениями, удовлетворявшими потребности местного рынка. В 1866 году здесь функционировало четыре «завода» с суммой производства 2009 рублей, в 70-е годы XIX века – от 20 до 40, в начале XX века – 45–55 относительно крупных заведений и несколько десятков ремесленных мастерских с объемом производства в денежном выражении 30–50 тыс. рублей [14].

Уездный Кузнецк, как и два других «малых» города Томской губернии (Нарым и Колывань), представлял собой городской центр, который на протяжении всего рассматриваемого периода фактически не развивался. Кузнецк являлся городом лишь по названию, по своему административному статусу. По количеству населения, по своему торгово-промышленному значению он напоминал обыкновенное село. В 1861 году здесь проживало 1687 человек, в 1875-м – 3020, в 1885-м (по неподтвержденным данным) – около 5000, в 1897-м – 3117, в 1903-м – 4117, в 1908-м – 3100, в 1913-м – 3918 [15].

Газета «Алтай» на примере Кузнецка дала очень образную ироничную характеристику подобных городов: «Бывали ли вы, читатель, когда-нибудь в Кузнецке, этом маленьком, захолустном городке, живущем своей маленькой замкнутой жизнью… В Кузнецке нет ни гостиниц, ни постоялых дворов, и весьма редкие приезжие останавливаются у своих знакомых или на земской квартире, где кормят и плохо и дорого… Извозчиков в Кузнецке нет, да и, по правде сказать, и возить-то некого, да и неоткуда, а если кому надо, то и пешком пройдется, благо весь город-то квадратная верста…» [16]

Действительно, являясь административным центром Кузнецкого округа, город находился в стороне от большого Сибирского тракта, а развитие золотопромышленности не оказало существенного влияния на его рост. Железная дорога обошла город далеко стороной, река Томь была судоходной в районе города лишь в весеннее время, когда в Кузнецк осуществлялось несколько рейсов буксирного парохода из Томска [17]. Источники единодушно отмечают, что эти обстоятельства послужили причиной крайне незначительного развития в городе торгово-промышленной жизни [18]. Большинство жителей занималось сельским хозяйством.

Вместе с тем Кузнецк более или менее справлялся с функцией торгового центра сельскохозяйственной округи. Об этом говорит тот факт, что уже в середине XIX века в городе насчитывалось порядка 40 лавок, а в 1891 году было официально зарегистрировано 128 торговых и про-

мышленных заведений с оборотом в 285 тыс. рублей [19] Местные торговцы занимались куплей-продажей крестьянского хлеба, мяса, воска, пушнины.

Промышленность в Кузнецке практически отсутствовала. В 1913 году здесь находилось 29 промышленных заведений с суммой производства 24,5 тыс. рублей. По этому показателю город находился на последнем месте среди уездных центров Томской губернии [20].

В завершение необходимо отметить, что в 1911 году статус безуездного города получает железнодорожная станция Тайга. В 1913 году в городе проживали 10 306 человек [21]. Главной базой ее роста являлся железнодорожный узел с крупным депо. Благодаря этому обстоятельству Тайга занимала первое место в Томской губернии по вывозу лесных материалов [22].

Таким образом, города Кузбасса во второй половине XIX – начале XX века представляли три разных по экономическому типу центра. Мариинск являлся образцом города смешанного типа. В его экономике «смешались» торговля, ремесло, отхожие промыслы и сельское хозяйство. Кузнецк был типичным небольшим административным центром с ярко выраженной сельскохозяйственной специализацией. Город Тайга появился в результате развития и распространения капитализма на окраины, представлял собой довольно крупный по тем временам железнодорожный центр и своим рождением был обязан строительству Транссибирской магистрали.

Библиографические ссылки

1.Гончаров Ю. М. Уездный город Мариинск во второй половине XIX – начале XX вв. // Известия Алтайского гос. ун-та. (Сер.: История, философия, педагогика и филология). – Барнаул, 2000. № 4. С. 28–32.

2.Там же. С. 31.

3.Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1865. Т. 2. С. 147; Обзор Томской губернии за 1885 год. Томск, 1886. С. 16; Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1906 год. Томск, 1906. С. 181–182; То же на 1911 год. С. 191; Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 182.

4.РГИА. Ф. 1290, оп. 4, д. 33, л. 16.

5.История Кузбасса. Ч. I–II. Кемерово, 1967. С. 140; От Владивостока до Уральска. Путеводитель к путешествию Его Императорского Высочества государя-наследника Цесаревича. СПб., 1891. С. 26.

6.Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862. Т. 2. С. 147.

7.Сибирский торгово-промышленный ежегодник на 1914–1915. Пг., 1915. Отд. III. С. 227.

8.Экономическое состояние... С. 200.

9.РГИА. Ф. 1290, оп. 5, д. 246, л. 51.

10.Гончаров Ю. М. Указ. соч. С. 30.

11.РГИА. Ф. 573, оп. 20, д. 441, л. 5; ГАКО. Ф. 44, оп. 1, д. 49, л. 9–32 (подсчет наш); Там же. Ф. 22, оп. 1, д. 62, л. 2–22 (подсчет наш).

12.Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1996. Т. 3. Кн. 1. С. 79.
13.Шелковников М. А. Торговля г. Мариинска во второй половине XIX – начале XX вв. // Кузбасский родовед. Кемерово, 2001. Вып. 1. С. 38–39.
14.ГАКО. Ф. 22, оп. 1, д. 39, л. 11; Там же. Д. 424, л. 19; Гончаров Ю. М. Указ. соч. С. 29, 30; История Кузбасса… С. 205.
15.Алтай. 1913. 6 января; Завалишин И. Указ. соч. С. 144; Обзор... за 1885 год. С. 16; Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1906 год. С. 181–182; То же на 1911 год. С. 191; Скубневский В. А. Города Алтая второй половины XIX в. – центры торговли // Города Алтая. Барнаул, 1986. С. 137; Экономическое состояние… С. 177.
16.Алтай. 1911. 30 марта.
17.РГИА. Ф. 1290, оп. 5, д. 246, л. 36.
18.РГИА. Ф. 1290, оп. 4, д. 33, л. 13; Томские губернские ведомости. 1880. № 23; Экономическое состояние… С. 195.
19.Краткая энциклопедия… Т. 2. Кн. 2. Новосибирск, 1995. с. 116; Резун Д. Я., Бесендина О. Н. Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX в. // Ярмарки Западной Сибири. Новосибирск, 1992. С. 112.
20.Алтай. 1913. 6 января.
21.История Кузбасса… С. 203.
22.Протопопов Н. Н. Новосибирская область. Новосибирск, 1955. С. 86.

А. Н. Ермолаев,
канд. ист. наук, доцент КемГУ

Мариинск в период Русско-турецкой войны 1877–1878 годов

В 1874 году в Российской империи была проведена реформа комплектования вооруженных сил, с 1 января в действие был введен устав о воинской повинности, который предусматривал отмену рекрутских наборов и переход на всеобщую воинскую повинность. Призыву в армию подлежали лица всех сословий, достигшие к 1 января каждого года возраста 20 лет. Сам призыв начинался в ноябре каждого года. Уставом были предусмотрены льготы четырех категорий. Первая категория давала право на полное освобождение от воинской обязанности. Под такую категорию попадали лица с физическими недостатками; священнослужители; псаломщики, окончившие курс в духовных академиях или семинариях. По семейному положению под льготу первой категории попадали: единственный сын в семье или единственный трудоспособный член семьи (1-й разряд); единственный способный к труду сын при отце, также способном к труду, но при наличии одного и более

нетрудоспособных братьев (2-й разряд); лица, непосредственно следующие по возрасту за братом, находящимся по призыву на действительной службе, умершим на службе или пропавшим без вести на войне (3-й разряд). Льготные 1-го разряда (кроме евреев) полностью освобождались от службы и сразу зачислялись в ополчение, льготные 2-го и 3-го разрядов освобождались от службы условно, в том случае, если в их призывном участке окажется требуемое число новобранцев.

Вторая льготная категория давала право освобождения от военной службы в мирное время. Под эту категорию попадали медики, лекари, фармацевты, ветеринары, пенсионеры академии художеств, преподаватели всех публичных учебных заведений.

Третья категория льгот давала право на отсрочку от призыва в армию. Отсрочкой могли воспользоваться лица, перенесшие болезнь или физически слабо развитые; лица, самостоятельно управляющие принадлежащим им недвижимым имуществом или торговым заведением; лица, обучающиеся в гимназиях, университетах и академиях.

Срок службы солдат был определен шесть лет (на флоте – семь лет) плюс девять лет в запасе [1].

Для проведения военных наборов в каждом округе были созданы окружные по воинской повинности присутствия. Такое присутствие было создано и в Мариинске, оно подчинялось губернскому начальству. Налаживание новой системы комплектования армии заняло несколько лет. В губернские воинские присутствия то и дело поступали различные обращения из округов с просьбами решить тот или иной вопрос, связанный с комплектованием войск по новому закону. Количество призывников намного больше превышало потребности армии, поэтому после составления списков проводился жребий между призывниками, часть из них отправлялись на службу, другие же освобождались от нее.

Вскоре после принятия устава о всеобщей воинской повинности и начала комплектования армии на новой основе России пришлось на практике оценить эффективность действия новых законов. Восточный кризис 70-х годов XIX в. и национально-освободительное движение балканских народов требовали вмешательства Российской империи. Жестокое подавление Турцией восстания в Болгарии в апреле 1876 года заставило Россию готовиться к войне с этой державой: 1 ноября 1876 года в стране была объявлена мобилизация, в армию были призваны сотни тысяч солдат запаса.

На проведение мобилизации в мае 1877 года Томское губернское казначейство отпустило Мариинску 3 тыс. рублей, в июне – еще 7 тыс. рублей. Деньги были взяты из губернского земского сбора. Вскоре дополнительно было выделено еще 2,4 тыс. рублей. Из созданной внушительной суммы Мариинское казначейство отпускало деньги ответственному за мобилизацию начальнику местной воинской команды майору

М. М. Черемных. Судя по его отчетам, денег на проведение мобилизации было достаточно, не все средства были даже освоены [2].

В Мариинске мобилизация была проведена достаточно спокойно и в положенные сроки. Главной проблемой было то, что многие запасные солдаты, призванные в армию, оставили свои семьи без средств к существованию. В июне 1877 года губернское по воинской повинности присутствие обратилось к мариинскому городскому голове с просьбой, чтобы местные власти выяснили точное число всех нуждающихся в помощи семейств воинов запаса. В обращении было заявлено, что каждый зажиточный человек, кто бы он ни был, должен приютить у себя хотя бы одного члена бедствующих семейств [3].

Исполняя это поручение, в июле 1877 года мариинский городской голова Т. Т. Савельев объявил о добровольном сборе средств для содержания нуждающихся семей воинов запаса [4]. В тот же месяц был составлен список всех мариинцев, призванных из запаса в армию:

бессрочноотпускные рядовые (15 человек): Ведров Алексей Иванович, Прейсман Иван Михайлович, Григорьев Павел Иванович, Дубской Егор Тимофеевич, Жабин Осип Иванович, Захаров Павел Захарович, Карпов Григорий Акимович, Неупокоев Прокопий Васильевич, Половников Сергей Фролович, Семенов Иван Васильевич, Татаркин Елизар Клементьевич, Цымбалов Григорий Максимович, Черепанов Павел Тимофеевич, Чернов Абрам Ивлевич, Шульгин Михаил Савельевич;

временноотпускные рядовые (23 человека): Акимов Лаврентий Никитович, Бахарев Анфим Трофимович, Бурухин Дементий Николаевич, Волобаев Осип Ивлевич, Васильев Андрей Тимофеевич, Брасимов Прокопий Иванович, Еремеев Афанасий Родионович, Иванов Степан Григорьевич, Клюев Яков Евсеевич, Купавлев Петр Миронович, Карпоков Петр Кириллович, Кирганцев Ксенофонт Нефедович, Меньшиков Игнатий Иванович, Алчешев Петр Алексеевич, Непомнящих Степан Иванович, Пахомцев Афанасий Федорович, Попов Алексей Степанович, Пацуль Павел Казмович, Половников Сергей Степанович, Семенов Степан Васильевич, Степанов Василий Семенович, Суховских Митрофан Николаевич, Шишкин Роман Евдокимович. Унтер-офицеры, 4 человека: Васильев Петр Михайлович, Ларионов Иван Максимович, Хитров Гарукий Васильевич, Шеховцов Василий Иванович; денщик Бежецкий Ефим [5].

Проблема тяжелого положения семей воинов, призванных в запас, была настолько сложной и многогранной, что она рассматривалась в правительстве. По положению Комитета министров 9 июля 1877 года император Александр II утвердил «Временные правила об учреждении попечительств для пособия нуждающимся семействам воинов». Объявлено было, что создаваемое Главное попечительство состоит под августейшим покровительством государыни императрицы. Все члены этого попечительства назначались самой императрицей.

На местном уровне, в уездах и городах, разрешалось создавать местные попечительства. В каждое местное попечительство разрешено было вступать лицам обоего пола по желанию. Попечительство имело право: обследовать положение нуждающихся семейств; определять вид пособия для этих семей (продовольственная и материальная помощь); приискивать местные денежные средства и принимать добровольные пожертвования. Для учета распределения материальной помощи каждое попечительство должно было вести приходные и расходные книги. Предусмотрены были также периодические отчеты о деятельности попечительств.

Временными правилами разрешалось также создавать губернские попечительства, которые должны были действовать в пределах всей губернии. Они должны были осуществлять сбор добровольных пожертвований и помогать местным (уездным) попечительствам распределять материальную помощь [6].

Сразу после получения циркуляра мариинский городской голова Т. Т. Савельев обратился к чиновникам и влиятельным лицам города с просьбой принять участие в организации попечительства. Свое согласие на участие в благородном деле изъявили: купец Денис Моисеевич Прейсман, помощник начальника Томского губернского жандармского управления майор Константин Константинович Копченков, мариинский окружной врач Людвиг Казимирович Крейбих, командующий местной Мариинской командой Михаил Михайлович Черемных, мариинский окружной судья Александр Андреевич Худяков, мариинский окружной исправник Аполлон Михайлович Воронцов, окружной стряпчий Александр Петрович Гладков. Кроме того, в попечительство вошли: Яков Степанович Слащев, Яков Васильевич Битюков, Евгений Лазаревич Фальков, Адам Адамович Жуковский, Афанасий Васильевич Кафтанчиков, Дмитрий Васильевич Незчасов, Иван Артемьевич Золотарев [7].

8 сентября 1877 года в 6 часов пополудни в Мариинской городской управе состоялось первое заседание созданного попечительства. В короткое время Мариинскому попечительству удалось собрать 73 рубля добровольных пожертвований, кроме того, городская дума выделила на благородное дело еще 500 рублей. Все собранные деньги в октябре 1877 года были направлены в Томский местный комитет общества попечения о раненых и больных воинах [8].

В ноябре 1877 года в Мариинское попечительство было подано заявление помощника начальника Томского жандармского управления майора Копченкова. Чиновник уведомил членов попечительства, что, начиная с 1 декабря текущего года, он будет отчислять 2 рубля ежемесячно от своей заработной платы до тех пор, пока не кончится война. К заявлению Копченкова присоединились шесть унтер-офицеров: Ко-

лотов, Евтеев, Евдокимов, Никитин, Берестов, Черепанов. Указанные офицеры обязывались отчислять по 20 копеек ежемесячно. В случае их перевода в другое место они могли прекратить уплату взносов [9].

В последующее время пополнение средств попечительства шло достаточно медленно. За весь 1878 год было собрано всего 201 рубль 35 копеек. Городская управа отчислила 12 рублей 59 копеек, мариинский исправник внес 33 рубля 67 копеек, члены совета попечительства внесли 134 рубля 9 копеек, и от частных лиц поступил 21 рубль. Из указанных средств 197 рублей 45 копеек было израсходовано на оказание материальной помощи нуждающимся женам воинов, забранных из запаса в армию. Больше всех получила Анна Черепанова – 32 рубля 95 копеек; Прасковье Семеновой было выплачено 26 рублей, Фекле Лазаревой – 19 рублей 75 копеек, Прасковье Цимбаловой – 18 рублей 50 копеек, Александре Клюевой – 17 рублей, Агафье Бахаревой – 14 рублей 25 копеек, Авдотье Непомнящих – 12 рублей 75 копеек, Матрене Апчетовой – 11 рублей 25 копеек. Еще несколько жен получили небольшую материальную помощь в размере до 10 рублей [10]. С окончанием войны деятельность Мариинского попечительства была прекращена.

Призыв в армию военного времени в текущем порядке проходил в довольно сложной обстановке. Сверка призывных списков показала многочисленные нарушения. Так, в список призыва 1877 года была внесена фамилия Мовше Давыдовича Донца, возраст ему был показан 20 лет. Основанием для указания возраста являлся однолетний паспорт, выданный 3 марта 1876 года, где было указано, что Донцу от роду 19 лет. На самом деле Донец был не так уж молод, он был женат и воспитывал пятилетнюю дочь и двухлетнего сына. Когда мариинский мещанский староста переслал проживающему в Томске Мовше Донцу предписание об отправлении в армию, он был сильно возмущен. Мовше Донец написал заявление в Мариинскую городскую управу, где сообщил, что его отец был сослан по решению Динабурского общества в Сибирь в 1854 году, Мовше тогда было 5 лет, в августе 1867 года он женился. Для разбирательства Мовше Давыдович поехал в Мариинск и предъявил в городскую управу соответствующие документы, подтверждающие его возраст [11]. Донцу удалось доказать свой 27-летний возраст, и его не призвали в армию.

В призывные списки того же года были внесены бывшие крестьяне различных волостей уезда, перечисленные в мещан города Мариинска. Особенно много крестьян было перечислено из Дмитриевской волости. Волостное правление сообщило Мариинской городской управе, что родившиеся в 1856 году дмитриевские крестьяне Нил Иванович Пичугин, Петр Тимофеевич Малютин, Иов Иванович Банников, Петр Дмитриевич Иванов, Федор Васильевич Петров, Алексей Савич Поляков, Михаил Петрович Леднев, Никанор Данилович Денисов, Григорий Иванович

Николаев, Данило Иович Мазуренков были перечислены в мариинские мещане и должны были быть внесены в списки призывников по городу Мариинску [12].

Самым недисциплинированным из перечисленных дмитриевских крестьян оказался Никанор Данилович Денисов. В указанный срок к «вынутию жребия» для поступления в армию он не явился. Вместо него жребий тянул мариинский городской голова. Оказалось, что Н. Д. Денисову выпала участь отправиться в армию, но и в этот раз он не появился в городе и продолжал находиться в «неизвестной отлучке». В апреле 1878 года Никанор Данилович был доставлен в Мариинское окружное по воинской повинности присутствие и допрошен. Никаких уважительных причин отлучки ему не удалось предъявить, и было решено направить его на медицинское освидетельствование. Однако врач, осматривавший Денисова, обнаружил у него «паралич века правого глаза». Денисов был признан неспособным к воинской службе в постоянных войсках, но годным в ополчение. По постановлению Мариинского окружного по воинской повинности присутствия от 29 апреля 1878 года, согласно указу Правительствующего сената от 23 февраля того же года, Денисова зачислили в ратники ополчения, а за то, что он не явился вовремя к «вынутию» жребия, его посадили под арест на срок три недели в полицейском управлении [13].

Еще один непредсказуемый случай произошел с новобранцем Степаном Васильевым. Он был внесен в списки призывников, но не явился к призывному участку. Мариинский мещанский староста обвинил отца новобранца Тимофея Васильева в укрывательстве его сына. Однако последний объявил, что Степан с 1874 года находится «в неизвестной отлучке». Розыск не дал никаких результатов, даже объявление, размещенное в «Томских губернских ведомостях», не принесло пользу. Между тем дело было передано в Мариинский окружной суд, который только в 1884 году вынес решение «оставить Тимофея Васильева в подозрении» относительно укрывательства своего сына от армии. Кстати, сам Степан к этому времени так и не был найден [14].

В тот же военный призыв 1877 года один из мариинских мещан получил отсрочку от поступления в армию в связи с обучением в Томском университете. Мещанин Василий Антонович Камарницкий, 1857 года рождения, был внесен в списки призывников, но он написал заявление о том, что после окончания Красноярской губернской гимназии намерен поступить на обучение в императорский Томский университет. По решению Мариинского окружного по воинской повинности присутствия он был причислен к 1-му участку по воинской повинности г. Мариинска и получил отсрочку от поступления в армию [15].

Даже после окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 годов у местных мариинских властей были проблемы с призывом в армию. Из-

вестно, что в призыв 1879 года к «вынутию» жребия не явились три мещанина: Егор Федорович Наумов, Флегонт Гаврилович Хромов и Ефим Титович Васильев. Все трое находились в «неизвестной отлучке»[16].

Таким образом, несмотря на то, что Мариинск находился очень далеко от театра военных действий в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, жители города внесли определенный вклад в победу России в этой войне. Часть из них приняли участие в боевых действиях, другие оказали материальную помощь семьям военнослужащих.

Библиографические ссылки

1. Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 308–309.
2. Сведения окружного казначейства о различных кредитах по проведению мобилизации, 1877 г. // ГАКО. Ф. Д-34, оп. 1, д. 766, л. 16–17.
3. Канцелярия Томского губернского по воинской повинности присутствия – Мариинскому городскому голове, 15 июня 1877 года // ГАКО. Ф. 22, оп. 1, д. 18, л. 1.
4. Мариинский городской голова – Томскому губернатору, 20 июля 1877 года // Там же. Л. 2.
5. Список нижним чинам, временно и бессрочно отпускным, призванным на военную службу по г. Мариинску, 4 июля 1877 года // Там же. Л. 5.
6. Циркуляр министра внутренних дел начальнику губернии от 18 июля 1877 года № 6960/7068. Высочайше утвержденные «временные правила об учреждении попечительств для пособия нуждающимся семействам воинов», 9 июля 1877 года // ГАКО. Ф. Д-22, оп. 1, д. 18, л. 7а–7а об.
7. Отношения Мариинского городского головы к указанным лицам см.: ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 18. Л. 10-19.
8. Рапорт Мариинского городского головы – Томскому губернатору, 5 октября 1877 года // ГАКО. Ф. Д-22, оп. 1, д. 18, л. 23.
9. Помощник начальника Томского губернского жандармского управления Копченков – Мариинскому попечительству, 28 ноября 1877 года // Там же. Л. 37.
10. Отчет Мариинского попечительства за период с 1 ноября 1877 года по 1 января 1879 года // Там же. Л. 43; Список жен, получивших материальную помощь. См.: Там же. Л. 45.
11. Заявление Мариинского мещанина Мовше Даниловича Донца в Мариинскую городскую управу, 18 февраля 1877 года // ГАКО. Ф. Д-22, оп. 1, д. 17, л. 6–8.
12. Дмитриевское волостное правление – Мариинской городской управе, 7 августа 1877 г. // ГАКО. Ф. Д-22, оп. 1, д. 17, л. 17–17 об.
13. Доклад Мариинского окружного по воинской повинности присутствия, 29 апреля 1878 года // ГАКО. Ф. Д-22, оп. 1, д. 17, л. 97–97 об.
14. Решение Мариинского окружного суда, май 1884 г. // ГАКО. Ф. Д-39, оп. 1, д. 46, л. 63–63 об.
15. Заявление В. А. Камарницкого в Мариинское окружное по воинской повинности присутствие, 5 июля 1877 года // Там же. Л. 56–57.
16. Именной список не явившихся к вынутию жребия для поступления в войска за 1879 год // ГАКО. Ф. Д-22, оп. 1, д. 44, л. 29.

А. О. Кауфман,
ст. научный сотрудник
историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость»

Генерал И. О. Годлевский – представитель одной из старейших военных династий Кузнецка

Прежде чем говорить об Иване Осиповиче Годлевском, нужно сказать и о зарождении этой династии военных, и об отдельных ее представителях.

Годлевские – одна из старых кузнецких фамилий. Ее представители появились здесь еще в XVII веке, по окончании Русско-польской войны 1654–1667 годов.

В документе от 1667 года говорится, что в Кузнецкий острог направляется на «государеву службу» пленный поляк Федор Гатлевский [1].

В «Кузнецкой летописи» Ивана Семеновича Конюхова по этому поводу записано: «В последних годах 17-го столетия начали приезжать в Кузнецк из России добровольно или посланные, именовались сынами боярскими или сибирскими дворянами, и занимали разные в то время городовые должности, а именно по фамилиям Конюховы, Бутримовы, Буткеевы, Годлевсковы...» [2].

Федор был взят в плен под Смоленском и там же крещен в православную веру. Затем его отправили в Казань, где он был принят на русскую службу. В Казани Федор находился вплоть до окончания войны [3]. В 1667 году состоялся обмен военнопленными, которые были захвачены в ходе Русско-польской войны. Пленные поляки направлялись в Москву «для розмену», т. е. для обмена военнопленными. Интересно, что многие из них не захотели возвращаться на родину, а пожелали находиться «под высокою государевой рукой в вечном холопстве».

Федор тоже решил остаться в России и был поверстан в дети боярские по Кузнецкому острогу в 1668 году. Он прослужил здесь пять лет и умер. «В его место» был принят на службу сын Михаил [4].

В XVIII веке история военной династии Годлевских в Кузнецке продолжается.

В 1709 году из Кузнецка направляется большой отряд на устье Бии и Катуни для постройки первого русского укрепленного пункта на Алтае – Бикатунского острога. Отряд возглавлял сын боярский Яков Максюков. Вместе с ним в поход выступили 660 человек, в том числе и 30 детей боярских, среди которых был Леонтий Годлевский, видимо сын Михаила [5].

У Леонтия родился сын Дмитрий, а в 1744 году у Дмитрия Годлевского родился сын Осип. Он так же, как и его предки, находился на

военной службе, а после нее получил должность кузнецкого капитан-исправника с переименованием в гражданский чин титулярного советника. В 1809 году, когда ему было уже 65 лет, его осудили за лихоимство и отправили на каторгу в Нерчинск, лишив при этом чинов и дворянства [6].

Тяжела была бы его участь, если за него не «замолвил словечко» один из его сыновей – Иван, вернувшийся в 1811 году домой по ранению.

Иван Осипович Годлевский участвовал в Русско-шведской войне 1808–1809 годов, где и был тяжело ранен в правую ногу. По этой причине он был уволен из армии, получив при увольнении чин штабс-капитана, мундир и полный пенсион. За эту войну Иван Осипович был награжден орденом Святой Анны III степени [7].

Он сначала приезжает в Кузнецк, узнает о печальной судьбе отца, а затем отправляется в Нерчинск повидаться с родителем. После этого Иван Осипович едет в Петербург, где подает прошение на Высочайшее Имя об облегчении участи своего отца. В нем он, в частности, пишет, обращаясь к императору: «...дозволь, по долгу сына, принести в жертву, за свободу отца, мой чин, мой орден, мой пенсион и мою вольность!» [8]. Иван Осипович готов был пожертвовать всем, даже пойти на каторгу вместо отца, только бы тот спокойно прожил остаток своих лет.

Император Александр I написал в резолюции: «Простить и избавить от каторжной работы, но не возвращать ни чинов, ни дворянства» [9].

В уже упоминавшейся «Кузнецкой летописи» И. С. Конюхова есть еще такие строки о Годлевских: «От родителей своих я слыхал, что прежде в Кузнецке чай только имели в двух лучших домах – у чиновников Годлевского Дмитрия Леонтьевича, деда ныне живущего здесь г-на генерала Годлевского, и у другого чиновника же, Мельникова, которые имели у себя крепостных дворовых людей...» [10].

Как потом выяснилось, просящий за отца отставной штабс-капитан и «г-н генерал» – это один и тот же человек, И. О. Годлевский.

В прошении на Высочайшее Имя, которое мы приводили выше, говорится и о двух старших братьях Ивана Осиповича, находившихся и то время в действующей армии и разделявших «...славу оружия Вашего императорского величества, с храбрыми войсками Вашими, не щадя жизни...» [11].

В этом документе не указываются имена старших братьев Ивана Осиповича, но в приложении к «Кузнецкой летописи», вышедшей в свет в 1995 году в издательстве «Кузнецкая крепость», есть «Аннотированный перечень имен, упомянутых в летописи». В нем, в частности, упоминается Александр Осипович Годлевский – один из старших братьев Ивана Осиповича.

Александр Осипович являлся членом Кузнецкого земского суда (возможно, в 1832 г.) и кузнецким соляным приставом (ориентировочно в

1834–1850 годах). И еще здесь говорилось о том, что 5 ноября 1848 года его дом полностью сгорел и что это здание «соляному приставу Годлевскому стоит девяносто рублей серебром» [12].

Что касается Ивана Осиповича, то в Российском государственном военно-историческом архиве (Москва) нам удалось обнаружить его формулярный список в чине подполковника, датируемый 12 декабря 1842 года [13].

Иван Осипович Годлевский родился в 1787 году, происходил из дворян Томской губернии. Начал военную службу в августе 1802 года в Томском пехотном полку в звании подпрапорщика, где прослужил до декабря 1806 года. В июне этого же года был произведен в прапорщики. Затем был переведен в Минский пехотный полк. За время службы в полку стал подпоручиком (август 1807 года) и поручиком (декабрь 1807 года).

В составе полка участвовал в Русско-шведской войне 1808–1809 годов, в первой кампании 1808 года. 21 июня в сражении против «неприятельской гребной флотилии» в проливе при острове Пальве получил тяжелое ранение картечью «в правую ногу навылет с вырванием мягких частей икры и повреждение сухих жил».

Как уже говорилось ранее, за участие в боевых действиях против шведов был награжден орденом Святой Анны III степени. В мае 1810 года «по Высочайшему повелению согласно прошению его за полученною раною уволен от службы штабс-капитаном с мундиром и пенсионом полнаго жалования».

Когда началась Отечественная война 1812 года, Иван Осипович подал прошение о возвращении его в действующую армию.

13 июня того же года «по Высочайшему приказу.. был определен в 3-й украинский регулярный казачий... полк с переименованием в штабс-ротмистры». В составе полка участвовал в войне с французами в первой кампании (с 13 июня 1812 года), и в третьей (1813 года), в Пруссии, Силезии и Саксонии. В полку служил до февраля 1824 года. За время службы был произведен сначала в ротмистры (август 1816 года), а затем и в майоры (январь 1818 года).

В январе 1824 года Иван Осипович был прикомандирован к «3-му Бугскому... Уланскому полку для командования поселенными резервными эскадронами». А в феврале того же года его перевели окончательно в этот полк.

В первой половине XIX века в России при регулярных воинских частях, находившихся в боевой готовности, были созданы резервные подразделения. Эти подразделения строились по принципу военных поселений, где рекруты пахали землю и проходили военную подготовку.

В апреле 1829 года за отличие по службе И. О. Годлевский был произведен в подполковники. В декабре 1831 года его Высочайшим прика-

зом переводят в Гренадерский принца Евгения Виртембергского полк. В этом подразделении принял командование округом поселенного батальона этого полка, который затем был переименован в округ № 10 пахотных солдат. Здесь он прослужил до марта 1838 года.

С марта 1838 года по апрель 1839-го уже командовал округом № 1 пахотных солдат.

Последнее свое назначение Иван Осипович получил, судя по его формулярному списку, в апреле 1839 года, когда стал членом комиссии, учрежденной в Старой Руссе для заготовки бревен и дров в округи пахотных солдат Новгородского и Старорусского уделов.

К сожалению, нам удалось проследить прохождение военной службы Иваном Осиповичем Годлевским только до декабря 1842 года. Надеемся, что дальнейшие исследования позволят восполнить этот пробел.

Рассмотренный нами формулярный список был составлен для представления подполковника Годлевского к награждению весьма почетным в то время Знаком отличия беспорочной службы. Кроме того, он ожидал повышения в чине.

За 40 лет военной службы Иван Осипович, исходя из формулярного списка, был награжден высшим воинским орденом – Святого Георгия IV степени и орденом Святой Анны III степени.

За время службы он неоднократно поощрялся. В 1818 году, например, за отличную подготовку вверенных ему подразделений в верховой езде и в выправке был «поставлен в успехе примерным для прочих эскадронных командиров».

В этом же году состоялся смотр Его Императорским Величеством полков Украинской и Бугской уланских дивизий. Иван Осипович получил монаршее благоволение за проведенные маневры.

В 1826 году был произведен осмотр государем императором в округах военного поселения Бугской уланской дивизии резервных эскадронов. Годлевский получил монаршее благоволение «за отличное устройство... баталиона военных кантонистов (солдатских детей. – А.К.) и конского завода».

В 1828 году Ивану Осиповичу было объявлено Высочайшее благоволение «за заготовление назначенного количества муки и сухарей перевозкою в Одессу оконченные для продовольствия действующей Армии, находившейся в делах против Турок».

Из того же формулярного списка нам стали известны некоторые дополнительные сведения об И. О. Годлевском, не касавшиеся его военной карьеры. По состоянию на 12 декабря 1842 года Иван Осипович недвижимого имущества не имел, женат был вторым браком на дочери статского советника Ломачевского – Наталье Ивановне. В этом браке было у них три дочери – старшая Анна (8 лет 9 месяцев) и сестры-близнецы Наталья и Мария (по 4 года 6 месяцев).

По поводу образованности Ивана Осиповича было записано следующее: «Российской грамоте читать писать умеет, истории, географии и математике знает».

Таким образом, мы видим, что он специального образования не имел, а сделал блестящую военную карьеру исключительно благодаря своему природному таланту и добросовестному выполнению воинского долга.

Мы располагаем материалом об отдельных представителях династии Годлевских приблизительно до середины XIX века. Но уже эти источники представляются нам очень интересными и исследования по данной теме будут обязательно продолжены.

Библиографические ссылки

1.Первое столетие сибирских городов. XVII век. (История Сибири. Первоисточники.). Новосибирск, 1996. Вып. VII. № 43. С. 116.

2.Конюхов И. С. Кузнецкая летопись. Новокузнецк, 1995. С. 54.

3.РГАДА. Ф. 214, оп. 1, д. 716, л. 985–985об.

4.Там же. Л. 985об.–986.

5.Уманский А. П. Кузнецк и алтайские остроги // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 3. С. 6–7.

6.Бачинин А. Н. Криминальная летопись Кузнецка и его окрестностей // Кузнецкая крепость. Новокузнецк, 1999. № 2. С. 26–27.

7.РГВИА. Ф. 405, оп. 4, д. 3928, л. 35–36.

8.Бачинин А. Н. Указ. соч. С. 27.

9.Там же.

10.Конюхов И. С. Указ. соч. С. 72.

11.Бачинин А. Н. Указ. соч. С. 26.

12.Конюхов И. С. Указ. соч. С. 160.

13.РГВИА. Ф. 405, оп. 4, д. 3928, л. 33–42.

И. Ю. Усков,
канд. ист. наук, сотрудник
Института экологии человека СО РАН

Полосухины

В дни 60-летия победы советского народа над фашистскими захватчиками мы вспоминали имена многих наших земляков, вставших на защиту своей Родины. Среди них прославленный в боях на Бородинском поле командир 32-й стрелковой дивизии полковник Виктор Иванович Полосухин. К 100-летию комдива коллективом авторов была издана его

биография [1], в которую, однако, не вошел ряд материалов по истории рода Полосухиных. Мы попытаемся восполнить этот пробел.

Расселение рода Полосухиных

По материалам ревизских переписей, в 1763 году крестьяне Полосухины проживали в деревнях Афониной и Костенковой, а в 1834 году еще и в Черепановой и Черкасовой. Кроме того, из костенковской крестьянской ветви отделились мещане Полосухины, жители города Кузнецка. Родословная последних и представлена в биографии В. И. Полосухина.

Составленная родословная потомков Афанасия Борисовича Полосухина (возможно, родного брата Ивана Полосухина, родоначальника костенковской линии) позволяет определить расселение представителей рода из деревни Афониной в Черепанову и Черкасову. Приведем данную поколенную роспись [2].

I поколение

1. Афанасий Борисович Полосухин, *1712 +п. 1770, ж. Акулина Васильевна; кр-не д. Афониной (1760).

II поколение

2-1. Андрей Афанасьевич, *1740, ж. Марфа Яковлевна.

3-1. Михаил Афанасьевич, *1743, ж. Софья Андреевна.

III поколение

4-2. Прасковья Андреевна, *1760.

5-2. Марья Андреевна, *1761.

6-2. Евдокия Андреевна, *1762.

7-2. Василий Андреевич, *1763, ж. Марья, кр-не д. Черепановой (1834), б/д.

8-2. Осип Андреевич, *1765.

9-3. Алексей Михайлович, *1766.

10-3. Ефим Михайлович, *1767, кр-н д. Черкасовой (1834).

11-3. Прасковья Михайловна, *1769.

12-3(?). Аника Михайлович, *1798, кр-н д. Верх-Чумышской (п. 1834).

IV поколение

13-10. Михайло Ефимович, *1805, ж. Милодора.

14-10. Севастьян Ефимович, *1809, ж. Фекла.

15-12. Василий Никонович, *1829.

16-12. Егор Никонович, *1832.

17-12. Феоктиста Никоновна, *1834, м. 29.10.1854, Михаил Андреевич Пушкарев (д. Верх-чумышская), *1834.

18-12. Михаил Никонович, *п. 1834, ж. Марья Ивановна.

V поколение
19-13. Марфа Михайловна, *1825.
20-13. Филимон Михайлович, *1826, ж. Александра Игнатьевна.
21-13. Иван Михайлович, *1828, ж. Анна Сергеевна.
22-13. Родион Михайлович, *1831, ж. 10.01.1858, Пелагея Тимофеевна Самоковская (с. Прокопьевское), *1837.
23-14. Тимофей Севастьянович, *1827.
24-14. Татьяна Севастьяновна, *1834, м. 23.10.1854, Роман Петрович Пушкарев (д. Верх-чумышская), *1834.
25-14. Алексей Севастьянович, *1835, ж. 03.11.1854, Мария Константиновна Борменкова (д. Терешкина), *1836.
26-18. Евдокия Михайловна, *16(21).02.1870.

VI поколение
27-20. Иван Филимонович, *12(19).11.1850.
28-21. Николай Иванович, *29.04(10.05).1860.
29-22. Евдокия Родионовна, *02(13).03.1860.

Рождение Виктора Ивановича Полосухина

Дата рождения прославленного комдива – 28 февраля 1904 года (на прииске Веселом Кузнецкого уезда) – известна из его автобиографии, составленной в 1939 году. Документального подтверждения этой даты пока не существует. Положительный ответ позволит дать метрическая запись. Но сохранились ли источники?

Центральным среди приисков Балыксинской системы был прииск Неожиданный. По переписи 1926 года, прииск Неожиданный являлся центром Балыксинского сельсовета Горно-Шорского района Кузнецкого округа. На этом прииске находилась и церковь, закрытая решением президиума Кузнецкого окрисполкома от 16 августа 1929 года [3]. Решением президиума Горно-Шорского райисполкома Балыксинский сельсовет передан в состав Таштыпского района [4] Хакасской автономной области. Постановлением ВЦИК от 2 марта 1932 года селение на Балыксинской группе золотых приисков отнесено к категории рабочих поселков, с присвоением наименования «Балыкса». В состав Балыксинского поссовета Аскизского района входил прииск Усть-Веселый, ликвидированный в 1971 году. Однако на запрос, посланный в Центральный государственный архив Республики Хакасия, пришел отрицательный ответ.

Библиографические ссылки

1. Комдив Полосухин: Документальная биография / авт.-сост. Н. П. Шуранов [и др.] Кемерово, 2002.
2. ЦХАФ АК. Ф. Д-1, оп. 1, д. 74, л. 532 (Список приписных кр-н 1760 г.); Ф. д-2,

оп. 1, д. 8284, л. 128об.-129, 138об., 146об.-147 (РС Бачатской вол. 1834 г.), д. 8280, л. 234об.-235 (РС д. Черкасовой 1834 г.); ГАТО. Ф. д-263, оп. 1, д. 14, л. 803 (ИР Прокопьевской ц. с. Монастырского 1770 г.); Ф. д-170, оп. 9, д. 431 (1850 г.), л. 7об.; д. 556 (1854 г.), л. 23об., 25об.; д. 631 (1858 г.), л. 19об.; д. 680 (1860 г.), л. 4об.. 7об.; д. 983 (1870 г.), л. 6об. (МК Петропавловской ц. с. Афонинского).

3. ГАКО. Ф. р-18, оп. 4, д. 7, л. 81.

4. ГАКО. Ф. р-64, оп. 2, д. 175, л. 76.

Г. П. Калишева,
зав. отделом истории Кемеровского областного краеведческого музея

Большая история маленькой Каменки

Рискую навлечь на себя недовольство приверженцев строгого стиля изложения истории, но мне всегда хочется разбавить сухие факты свидетельствами очевидцев и участников событий. В этом нам помогают воспоминания, которые есть в музее. На воспоминания можно опереться, когда нет других источников. А когда есть, они могут существенно расширить и оживить тему, что для музейщиков немаловажно при работе с аудиторией. Кроме того, наличие имен и фамилий может стать отправной точкой для поисковой работы. Такой отправной точкой стала для меня папка «Февральская революция в Каменке», в результате чего документальный фонд пополнился фотографиями из истории населенных пунктов Промышленновского района Кемеровской области в 1920–1930-х годах. «*Воспоминание писалось в Чехословакии после окончания войны, совместно с моим товарищем Гуляевым Михаилом Павловичем. Он, как историк, натолкнул меня на эту мысль*», – так писал один из троих сыновей Владимира Афанасьевича Прокопчука, бывшего в Каменке руководителем потребительской кооперации и большим авторитетом. (Из текста мне удалось установить автора рукописи, поскольку фамилия указана не была.)

Деревня Каменка с 1909 года заселена украинцами. Они приехали тремя потоками из-под Киева, Херсона и Харькова и расселились, соблюдая территориальную обособленность: одни за школой, других разделяла речка Каменушка.

«Деревня не знала революционных событий. После Февральской революции еще три месяца висели “портреты царя в домах”, сидел староста (Сыса Степан Ульянович) и писарь. А в волостном селе Морозово – “старшина с царскими медалями на груди”».

Стоит: Яков Миронович Гладун

Просветил каменских мужиков Яков Миронович Гладун. Он работал учителем в селе Брюханово, «две зимы учительствовал в Каменке, служил в музыкальной команде г. Ишима», которую бросил и уехал в Томск. Оттуда с партийным поручением отправился в Красноярск и Иркутск передавать власть в «руки мозолистых тружеников». Гладун еще до приезда в Сибирь на Украине участвовал в волнениях 1905 года. Отец его, Мирон Ефремович, «втихоря» мужикам жаловался: «Никогда отца не слушает... Сколько раз меня терзали в полиции, а он не кается. И здесь ему больше всех надо».

Сельский сход по смене власти в Каменке прошел легко и даже весело. Бывший староста сдал полномочия своему куму Кондрату Кучеру. Вечером посидели, «выпивали самогонку, поздравляли с торжеством установления Советской власти». В волостном селе Морозово, что в нескольких километрах от Каменки, также, обошлось без эксцессов. Яков Гладун, Воробьев – сын морозовского священника, учитель Соколов Павел, еще пятнадцать фронтовиков провели митинг, выбросили из волостного правления царские портреты, повесили красный флаг. (Портреты «ночью кто-то унес из мусорной кучи, а флаг красный стащили. Нашли другой»). Старшина «дрожащими руками» снял «свои заслуги», отдал печать, а волостной писарь «улыбался и приветствовал». Полиция сдала оружие. Волостным милиционером назначили Федора Афанасьевича Губича, секретарем волисполкома оставили писаря Сафона Ивановича Махонько. «Священник предложил отслужить молебствие. Гладун долго хохотал над этим предложением и отказался от духовной трапезы». *«Село Морозово. Зима морозная. Рассказывал эту басню недоезжая Хабаровска в 1942 году, когда ехали под Сталинград на фронт».*

Гражданская война

Жители д. Морозово (стоит Я. К. Кураков)

«Наступила колчаковская власть. В селе Брюханово организовался карательный отряд. Прошла мобилизация в Каменке. Восемнадцать парней ушло служить в колчаковскую армию в г. Екатеринбург».

Далее из текста следует, что царила полная неразбериха. Каменские мужики не знали, куда приклонить свою голову, и тасовались как карты в колоде: то шли в ряды колчаковцев, то – в партизаны. Только в каратели идти не желали. «Карательный отряд во главе с Кузевановым (начальник Щегловской милиции) приехал верхами в Каменку проводить среди мужиков агитацию. Ни один человек не записался в отряд». Многие вообще дезертировали, предпочитая отсидеться, прячась по деревням, и переждать. Обнадеживало название Сибирского правительства – « временное». Значит – ненадолго.

Каратели лютовали. Весной 1919 года «ворвались в школу» в деревне Шипицыно и «прямо на уроке» арестовали Якова Гладуна. Увезли в Брюханово, оттуда « через деревни Мусохраново, Евдокино на Кольчугинский рудник». В одной камере с ним сидел сын священника из деревни Мусохраново. Он-то и рассказал о последних часах жизни Гладуна. О том, как чешский офицер предложил Гладуну исповедаться, а тот отказался. О том, как увели его из камеры, а «утром объявили, что Гладуна перепилили пилой за то, что он конвой назвал палачами». Это была первая каменская жертва.

Позже, в мирное время, ученики Гладуна часто пели его любимую песню: «Замучен тяжелой неволей, ты славною смертью почил».

«Жизнь настала: керосина нет – плошки на масле светят; спичек нет – выдумали кресить камень. Кучи навоза горят. Это огонь держится

для растопки печек в домах. Гвозди ковали в кузницах, одежда самотканая, и обувь сшита из чего попало». «Каменские мужики в недоумении: опять деньги появились новые, и в обороте теперь: царские, керенские, советские, колчаковские».

«Потеряли мужики уверенность в спокойной жизни». Народ «страхом кругом окружен, и не видно этому страху конца». «Самогоноварение приняло широкий размах в Каменке. Пили мужики… Старухи в один голос говорили: приходит конец света…».

«Восемнадцать подвод из Каменки уехали в Монголию. Прокопчук Иван, Овекин Кондрат, Белоконь, Мирончук Максим и другие на пароконных бричках тронулись в воскресенье летом». Возможно, с ними уехал и морозовский купец Поливцев, чей магазин и доныне украшает деревню Морозово. Старожилы до сих пор с теплотой вспоминают Поливцева: «Хороший был человек. Всем помогал, никому отказа не было».

Зима 1920 года особенно запомнилась автору, которому в то время было 15 лет. «В один из зимних дней с утра собаки подняли вой…как по команде смотрят в одну сторону, бесконечно воют». Пока мужики чесали затылки, рассуждая, к чему бы это, «на горизонте появилась кавалерия с белыми флагами, вооруженная пиками, шашками и винтовками». Все разбежались по домам. «Учительница Евдокия Афанасьевна Шалкова сразу распустила учеников».

Больших бесчинств Белая армия, идущая «за Байкал», в Каменке не творила, но добротную одежду взамен рваной, лошадей, овес забрала. «Пехота на санях в каждый двор заезжала без разрешения хозяина. В нашей ограде стояло 19 подвод. В избе солдаты лежали на соломе. Мать в печке варила пищу, а в кладовой обнаружила, что сливочного масла вместе с посудой уже нет…».

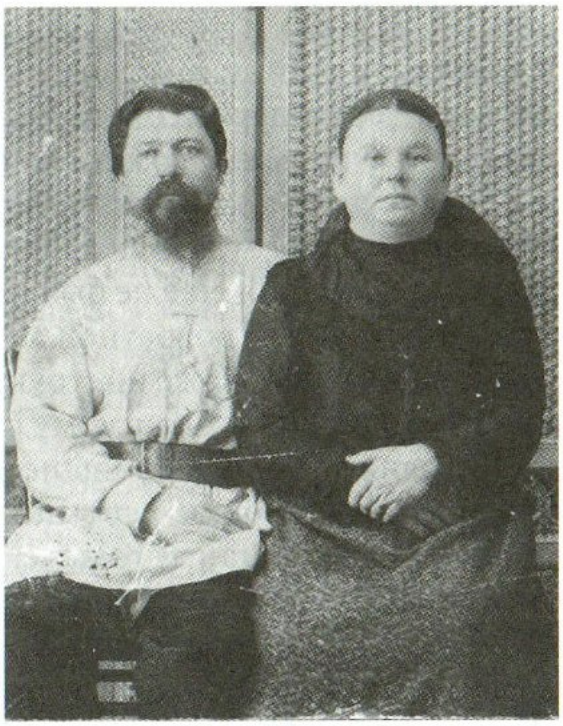
Белые прошли через Каменку двумя длинными обозами на Щегловск. Следом шли красные, вступая в редкие перестрелки. Иногда притормаживали, ожидая, когда белый обоз уйдет из очередного села. Никто не хотел лишних жертв. Что в белых, что в красных отрядах служили те же крестьяне: односельчане, знакомые, часто – родственники. «Шесть белогвардейских солдат попрятались у жителей Озерок и сдались красным. Комиссар проверил документы, отпустил их домой. Они из близлежащих деревень были мобилизованы в белую армию…».

Можно ли называть жену «товарищ»?

«Две недели Каменка была без власти. Потом из Морозовского волостного совета приехал уполномоченный Павел Лазаревич Плотников». Собрались в школе, избрали советскую власть: председателем совета –Григория Константиновича Петренко, а позже –Павла Ивановича Ревенко «как более активного и грамотного человека». «Из Каменского актива продвинулись: Махонько Сафон Иванович – секретарь волис-

полкома, Махонько Филипп Иванович – делопроизводитель, Хорунжий Владимир – продкомиссар, Хорунжий Антон – фельдшер Морозовской больницы, Прокопчук Алексей Афанасьевич, Долбня Афанасий, как бывшие унтер-офицеры, учат допризывников военному делу, Пич Иван – делопроизводитель ЗАГСа волисполкома».

«Активность пробудилась у крестьян ко всему новому». Старики с удовольствием рассуждали о понятии «товарищ». «Обращение у белогвардейцев "господа", "ваше благородие", "ваше высокоблагородие", а у красных одно – "товарищ"». «Теперь царей, князей, графов, господ не будет. Одно слово – товарищ, для всех бедняков и богатых». «Наш сосед Сыса Степан кричит через тын: "Товарищ Ладымыр (Владимир)!". Отец поправляет: 'Товарищ' надо называть фамилию, но не имя, товарищ Степан!'" Оба рассмеялись, что все так просто». «Моисей Малышко спрашивает: "Можно или нет называть жену 'товарищ'?". Долго все смеялись».



Ивачевы
Фома Трифонович и Прасковья Андреевна, жители Промышленновского района

Автор отмечает небывалый энтузиазм в первые годы советской власти. Работали, пишет автор, «в силу высокого сознания, для пользы будущего… Никто не требовал никакой зарплаты. Гордились друг перед другом, что исполняют долг, положенный советскому человеку». Своим трудом «от зари до зари» мечтали «проложить дорогу в справедливую общину без бедности, без богатства, без зависти, без жадности».

Жизнь вроде налаживалась. В общественном амбаре устроили народный дом, ставили спектакли, организовали библиотеку. С введением новой экономической политики (нэп) в 1924 году «Каменка увеличила посев в три раза больше, чем до революции.

В каждом дворе увеличилось поголовье лошадей, коров. Открылись кредитные товарищества. Получали в кредит… сенокосилки, грабли, лобогрейки, молотилки, плуги, бороны. С каждым годом бедняков становилось меньше, а богатых больше. Двадцать четыре новых дома появилось в Каменке. Настенные часы в домах, полы настилались деревянные. В воскресенье молодежь чисто одевалась. Даже старики начали брить бороды». Оборудовали школу. Днем в ней учились дети, вечером – взрослые. Преподаватель Закона Божьего тоже получал «хорошую зарплату».

Каменские мужики играли «культурные» свадьбы, «ликвидировали неграмотность». Много спорили на разные темы, в том числе о религии. Единодушно приходили к выводу, что «есть какая-то сила, человеком непознанная и никогда не узнается». К религии относились терпимо и жалели священников, расстрелянных в Камысле, Пушкино, Мусохраново во время Гражданской войны. Часто собирались за бутылкой самогона у Владимира Афанасьевича Прокопчука, чей сын и написал эти воспоминания. Не столько пили, сколько вели свои бесконечные разговоры о жизни. В огороде лаяли собаки Жучок и Черкас, «а молодежь на окраине пела: "На взморье мы стояли, на германском берегу…"».

Будущее казалось прекрасным. В 1926 году жители Каменки увидели первый трактор и первое кино «Черное сердце». (Старухи крестились и поминали сатану, а молодежь радовалась). В 1927-м широко отпраздновали десятилетие советской власти: «Верхами на лошадях ехали по деревне с флагами. В домах пели песни, в нардоме ставился спектакль».

Тогда еще только зарождались коммуны и колхозы – советские формы каторжного труда. Еще было чем накормить детей, и холодный ужас при слове «НКВД» еще не был знаком жителям Каменки.

«Морозовский волостной актив на всех собраниях ставил в пример Каменский актив. Даже инструктор Губкома из г. Томска и тот восхваления преподносил губернскому съезду о Каменском активе».

Сегодня немногие оставшиеся в живых дети «каменских активистов», уже глубокие старики, вспоминают своих отцов, бесславно и безвестно пропавших в страшные годы массовых репрессий, и, по прошествии десятилетий, не могут сдержать слез обиды и горького недоумения.

«Написано воспоминание в городе Братиславе, Чехословакия 1945 г., июль месяц, и часть стояла на окраине города, и делать было нечего. Эти воспоминания писались, чтобы друг друга помнить на долгие годы в гражданской жизни».

Е. В. Майорова,
старший научный сотрудник
Новокузнецкого краеведческого музея

«Дело – табак» (из истории табачных фабрик города Кузнецка в 1920-е годы)

1920-е годы – эпоха новой экономической политики… Что мы знаем о нашем городе в этот непростой для России период? Несмотря на довольно обширное количество литературы по данной проблеме, существующей в целом по стране, в краеведении до сих пор нет ясного представления о том, каким был Кузнецк нэповский. Стремительное индустриальное развитие нашего города после начала строительства Кузнецкого металлургического комбината (КМК) привело к тому, что период 1920-х годов в исследовательском плане оказался в тени. В советское время внимание историков в основном было приковано к вопросам развития тяжелой промышленности и формированию рабочего класса. Переход от темы революции и Гражданской войны к разделу Кузнецкстроя всегда настораживал и заставлял задуматься о том, какие события происходили тогда в Кузнецке. Почему-то совсем не хотелось соглашаться с выводами посетившего город в 1923 году журналиста А. Кручины о том, что «НЭП к Кузнецку не привился», а «жизнь в этой захолустной дыре тянулась сонная, вялая, нудная» [1].

К сожаленью, для выяснения поставленной проблемы мы не могли опираться на большое количество документальных архивных свидетельств того времени. Однако в фондах Новокузнецкого краеведческого музея хранится, быть может ни в чем не уступающий официальным сведениям, совершенно уникальный источник. Речь идет о комплексе воспоминаний старожилов города, который кропотливо собирал на протяжении трех десятилетий замечательный новокузнецкий краевед Владимир Петрович Девятияров [2]. Мемуары более 300 жителей содержат бесценную, насыщенную бытовыми подробностями информацию о прошлом Кузнецка с конца XIX века до конца 1920-х годов. В достоверности фактов, изложенных старожилами, сомневаться не приходится ввиду убедительного подтверждения отдельных событий большим количеством рассказчиков. Мемуары, записанные В. П. Девятияровым, неоднократно помогали музейным сотрудникам в ответах на вопросы, касающиеся самых различных сторон жизни Кузнецка, в том числе и сложного периода 1920-х годов. С наиболее интересными фактами воспоминаний мы стараемся знакомить горожан и жителей края на страницах историко-краеведческих и массовых изданий. Сегодня читателям

сборника «Разыскания» предлагается рассказ-исследование, пожалуй, о самом ярком явлении в социально-экономической жизни Кузнецка эпохи нэпа – табачных фабриках. Факты, изложенные в статье, публикуются впервые и дают возможность представить неизвестную, но увлекательную страницу из прошлого Новокузнецка.

Одним из основных положений новой экономической политики, объявленной Лениным в марте 1921 года, являлось допущение частного капитала в мелкую и кустарную промышленность, которая должна была создать фонд сельскохозяйственных и промышленных товаров для налаживания рынка. 23 марта 1921 года Сибревком рассмотрел ряд мероприятий по развитию и регулированию кустарной промышленности и обратил внимание местных органов на необходимость оказания ей помощи [3]. В Кузнецке в июле 1921 года прошла партийная конференция, на которой с докладом «Сельскохозяйственная и кустарно-промысловая кооперация» выступил зав. политпросветом Кузнецкого укома И. Г. Бекиш. Как объяснял новые положения партии докладчик, «сразу восстановить крупную промышленность невозможно, поэтому мы должны дать развиться мелкой и кустарной промышленности, которая выработает сельскохозяйственный инвентарь и материалы, необходимые для крестьян». Коммунистов призывали «содействовать кооперативным органам при организации различного рода мастерских, артелей, товариществ». Участники конференции заслушали сообщение о предполагаемом в ходе создания многоукладной экономики разделении предприятий на три группы: государственные, кооперативные и частнособственные [4].

По рассказам старожилов, одно из первых частных предприятий возникло в Кузнецке еще на заре нэпа – в 1921–1922 годах. Это была организованная китайцами табачная фабрика, которая от горожан получила название «Шанхай». В то трудное и голодное время подобная предприимчивость была равна чуду. Дело в том, что продразверстка, которая отбирала последнее, на территории Кузнецкого уезда закончилась только к марту 1922 года, а свободная торговля и деловая активность нэпа тогда еще не успела набрать силу. Каким же образом оказались жители Поднебесной в отдаленном от центров Кузнецке, к которому в то время даже не была проведена железная дорога?

Стоит заметить, что китайская миграция в Россию, Сибирь имеет свою историю. Представители этой удивительно трудолюбивой и энергичной нации начали селиться на территории России, Дальнем Востоке еще в 30-е годы XIX века. Проникая сюда в качестве искателей женьшеня, охотников и купцов, они проводили здесь лишь лето, а с наступлением холодов возвращались на родину [5]. Во второй половине XIX века, после принятия «Правил русско-китайской торговли», в Сибирь въехало множество китайских торговцев. По переписи 1897 года, основная масса китайцев – более трех тысяч – находилась в Забайкалье,

Вид Кузнецка, 1920 год

в Иркутской губернии было зарегистрировано 73 китайца, в Томской губернии – всего пять [6].В начале XX века аграрное перенаселение китайских провинций и бурное развитие городов и промышленных предприятий на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири стали привлекать сюда многие тысячи китайских рабочих. Они являлись дешевой рабочей силой на приисках, шахтах, при строительстве железных и грунтовых дорог, переносчиками тяжестей [7].

С началом Первой мировой войны ситуация с китайской миграцией в России меняется. В страну за эти годы царским правительством и различными фирмами был завербован и привезен 100-тысячный контингент китайских рабочих для выполнения тяжелых военно-оборонительных работ, на лесозаготовки, шахты, каменоломни [8]. Известно, что на угольных копях Кузбасса в годы Первой мировой трудились завербованные китайцы. В частности, в 1916 году на Кольчугинском руднике из 2432 рабочих 96 человек были китайцами. В 1917 году из почти 12 тыс. рабочих предприятий «Копикуза» 658 были китайцами [9].

Революция 1917 года и Гражданская война перевернули судьбы всех народов, проживавших на территории бывшей Российской империи. Не обошли стороной эти события и китайцев, большая часть которых осталась без постоянной работы. Лишившись возможности вернуться на родину, китайцы вынуждены были, чтобы не погибнуть от голода и холода в чужой стране, перебиваться случайными заработками или службой в армии (как в Красной, так и в армии Колчака) [10].

Как вспоминает один из старожилов города Денис Быков, принимавший непосредственное участие в Гражданской войне, «…в 1920 году китайцев в Кузнецке было много, они служили в красноармейском ка-

раульном батальоне, который прибыл из Новониколаевска». Видимо, с окончанием военных действий демобилизованные бойцы остались в Кузнецке, а начинающаяся новая экономическая политика помогла им проявить себя в другой, более приемлемой для них области.

Необходимо уточнить, что в начале 1920-х годов устойчивые, хотя и немногочисленные китайские колонии сформировались во многих городах и населенных пунктах Западной Сибири. В Новониколаевске, Рубцовске, Славгороде, Бийске, Барнауле китайцы одними из первых воспользовались относительной либерализацией экономической политики страны пребывания, начав заниматься лоточной торговлей, бытовым обслуживанием местного населения, кустарным промыслом и т. д. [11].Как выяснилось, в нашем городе наблюдалось такое же явление. «Кузнецкие» китайцы смогли точно уловить потребности и возможности местного рынка. Еще с конца XVIII века жители города и уезда достаточно активно занимались выращиванием табака, сбывая его купцам, которые, в свою очередь, увозили и продавали этот товар на табачные фабрики в Томск и Бийск [12].Китайцы, видимо, быстро поняли: сырье можно перерабатывать на месте, без особых усилий изготавливая конечный продукт – пачки с махоркой, которые пользовались постоянным спросом.

Созданная китайцами табачная фабрика размещалась в несохранившемся ныне деревянном доме в районе Советской площади (Кузнецкий район города Новокузнецка). Трудилось там человек 10–12 китайцев, которые закупленный у населения табак рубили топорами на чурках, обитых жестью. Жительница города Анна Кропотова вспоминает: «Кузнечане, в том числе и Кропотовы, высевали на участках много табака, обрабатывали его и сдавали на фабрику китайцам. Работы по уходу за табаком было очень много. После высадки его надо было поливать, полоть, два раза пасынковать, обламывать шишки, листы, уметь складывать их, рубить стволы, расстилать в кучах на землю. После просушки табак укладывали в папуши, связывая шпагатом за кончики стебельков. Кропотовы наготавливали и сдавали на фабрику целую телегу сушеного табаку, но цена была низкой». Еще одна кузнечанка Ольга Аредакова рассказывает: «Имея два огорода, мы с сестрой и отцом почти всю землю засевали под табак. Работы по его выращиванию и обработке было много. Отец то и дело на таратайке с Томи возил воду, а мы изматывались в огороде, не зная отдыха».

Ввиду отсутствия в городе промышленности некоторые из жителей нанимались к китайцам в качестве надомников делать пачки под махорку, однако оплата их труда также была низкой. Например, Валентина Шабаргина две зимы подряд клеила этикетки для фабрики «Шанхай». Кроме нее, этим делом занимались другие женщины и ребятишки Кузнецка. Кто-то из рабочих развозил надомникам бумагу, клей и приспо-

собления. Готовые изделия Шабаргина сама отвозила в контору в деревянных ящиках.

Помимо изготовления махорки, китайцы торговали в Кузнецке шелковыми платками и блузками. Жили китайцы на частных квартирах, а для удобства общения брали себе русские имена. Например, заведующего фабрикой звали Алексей Алексеевич, рабочих – Иван, Владимир... Некоторые китайцы даже успели жениться на кузнечанках и обзавестись детьми. Следует отметить, что подобная демографическая интеграция китайцев в местный социум происходила в Сибири без каких-либо проблем. Дефицит местных мужчин, преимущественно мужской состав китайцев-иммигрантов, их работящий имидж «положительных» людей, традиционное китайское чадолюбие (даже по отношению к приемным детям) позволили им легко адаптироваться в принимающем обществе [13].

Несмотря на дальнейшее успешное существование китайских общин в Сибири, судьбы китайцев в Кузнецке не сложились. Работа табачной фабрики «Шанхай» – одного из первых частных предприятий нашего города в период нэпа, продолжавшаяся от силы года два, была приостановлена властями. Как вспоминают старожилы, все китайцы, проживающие в городе, были выселены за пределы Советского Союза. Что послужило истинной причиной для выселения, нам, к сожаленью, неизвестно, но в качестве возможного объяснения следует рассматривать два следующих политических момента:

1) переброска могла быть связана с тем, что в начале 1920-х годов вожди новой России вынашивали планы по разжиганию пожара мировой революции. В ходе этого предполагалось установить в Поднебесной советскую власть силами китайских рабочих и демобилизованных китайских красноармейцев [14]; 2) выселение китайцев из Кузнецка могло произойти в ходе развернувшегося ужесточения политического режима в СССР. Известно, что в сентябре 1924 года советским партийным и государственным органам было дано тайное указание не поддерживать союзы китайских рабочих за их «враждебность к Советской власти и пролетарской революции», «национализм». Китайцы, сохранявшие свое государственное подданство, начали подвергаться административным и даже уголовным наказаниям (за нарушение визового режима, подделку документов и т. п.) [15].

Так или иначе, но в 1920-е годы в Кузнецк китайцы больше не вернулись. Однако китайская идея о табачной фабрике в нашем городе продолжала жить, прибыльное дело было подхвачено другими людьми. Из многочисленных рассказов старожилов известно, что чуть позже, в середине 1920-х годов, в Кузнецке возникли и работали еще две табачные артели.

Первая из них – фабрика «Надежда» – была организована ссыльными спецпереселенцами, сведенья о которых весьма скудные. Старожилы называют их евреями, приехавшими в количестве 5–6 человек то ли из Ленинграда, то ли из Москвы. Бывшая работница «Надежды» Елена Миляева, к сожаленью, плохо запомнила фамилии своих руководителей-частников, в ее памяти сохранились лишь следующие имена: Николай Моисеевич Шапиро, Александр Львович и Олег Сергеевич. Благодаря справке, которую выдали руководители «Надежды» Елене Николаевне, нам известны некоторые подробности из истории этой фабрики. Данные документа, зафиксированные рукой В. П. Девятиярова, свидетельствуют: 1 августа 1925 года Миляева устроилась работать бандерольщицей на табачно-махорочную фабрику производственно-промышленного объединения «Надежда», где служила вплоть до 25 августа 1926 года. На справке стояли подпись «Шапыро» и штамп.

Фабрика «Надежда» располагалась в бывшей усадьбе владельца кузнечно-слесарных мастерских Н. А. Степанова (лишившись права голоса в 1925 году, он был вынужден продать свои мастерские и выехать из Кузнецка). По рассказам старожилов, владельцы «Надежды» скупали у местных жителей табак (по 5 рублей за пуд), сами его рубили и держали несколько наемных рабочих. В качестве надомницы по наклейке этикеток здесь трудилась кузнечанка Елена Ковырзина, вместе с которой работали еще несколько жителей. «Мы собирались часто для клейки этикеток вместе, пели», – вспоминает она. Старожил Илья Мясоедов трудился на «Надежде» сушильщиком табака. «Это был вредный цех, работали всего по 6 часов, каждому выдавали за счет фабрики молоко, платили по 46 рублей в месяц. По тем временам это были большие деньги». Бывший ученик сушильного отделения Владимир Попугаев рассказывает, что платили на фабрике хорошо, и после одной из получек он смог купить себе бобриковое пальто.

Расцвет табачной промышленности в Кузнецке в 1920-е годы привел к возникновению здесь наряду с фабрикой «Надеждой» еще одной табачной артели под названием «Труд». Доказательством одновременного существования двух однопрофильных предприятий в городе являются следующие факты. По воспоминаниям Елены Миляевой, после ликвидации «Надежды» в августе 1926 года все ее имущество, машины и рабочие кадры были переданы *уже существовавшему в городе* производственно-промышленному кооперативу «Труд».

Помимо сведений старожилов, в нашем распоряжении находятся статистические данные 1926 года, из которых узнаем, что в Кузнецком округе числились две табачные фабрики с валовой продукцией 120 тысяч рублей и количеством рабочих 15 человек (табл.) [16].

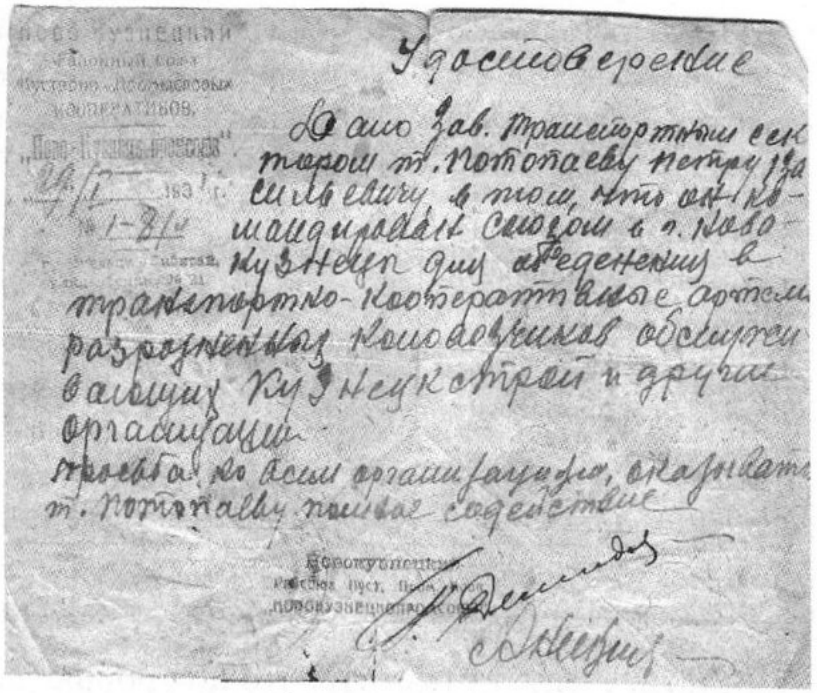
Наименование предприятия	Число предприятий	Число рабочих	Валовая продукция, в рублях	Предполаг. продукт. р-на 1926–1927 гг.
Мельниц	3	12	34473	50000
Хлебопекарен	4	30	74071	80000
Колбасных предприятий	1	5	26371	30000
Табачная фабрика	2	15	120000	180000
Пивной завод	1	10	9570	45000
Кожевенное производство	1	6	6300	7000
Типография	2	60	57556	200000
Всего:	14	138	328541	592000

Кстати, следует отметить, что по уровню доходности табачные фабрики опережали все остальные предприятия мелкой промышленности округа, что также служит подтверждением относительно высокого развития табачной отрасли. Несмотря на прибыльность табачных фабрик, на них в полной мере отразилось свертывание новой экономической политики, начавшееся со второй половины 1920-х годов.

Ликвидация «Надежды», а именно ее насильственное объединение с кооперативом «Труд», явилось сигналом к будущим переменам. Закрытие этой фабрики, видимо, объяснялось борьбой с частным элементом, в ходе которой государство использовало самые различные меры – налоговое наступление, административные меры, политику запрещения, закрытия, насильственного объединения. Ситуация с «Надеждой» в Кузнецке – пример подобной политики, в результате которой в стране к 1929 году произошло сокращение кустарно-ремесленного производства.

После закрытия «Надежды» контора реорганизованной в 1926 году фабрики «Труд» была перенесена на бывшую усадьбу Степанова. По воспоминаниям работницы фабрики Елены Миляевой, «вобрав в себя от "Надежды", "Труд" экономически усилился». Как и предыдущие артели, «Труд» осенью скупал сырье у жителей города, которые по-прежнему засевали табаком по нескольку соток земли. Из рассказов старожилов известно, что председателем артели, созданной на паях, был некий Георгий Андриянович Демидов. Профессиональный состав рабочих фабрики включал в себя такие специальности, как заготовители, сушильщики табака, набивщики махорки, которые трудились на станках по набивке махорки, наклейщики этикеток, бандерольщики, в задачу которых входило оклеивать пачки с махоркой тонкой бумагой для защиты товара от подделки.

Этикетка для пачки махорки



Удостоверение Р. Г. Тагаева, написанное на оборотной стороне табачной этикетки

Кроме воспоминаний старожилов, работу кооператива «Труд» иллюстрируют еще два интересных документа, которые удалось обнаружить в фондах краеведческого музея. Первый – это цветная этикетка для пачки с махоркой с изображением дамы бубен [17].Этикетка заказывалась в Новосибирской типографии и была выпущена 21.11.1927 года. Интересно, что она попала в музей в качестве своеобразного удостоверения 1931 года, принадлежащего участнику Гражданской войны, жителю города П. В. Потопаеву, которое он получил, являясь работником Новокузнецкого районного союза кустарно-промысловых кооперативов. Личный документ этого человека был выполнен на оборотной стороне этикетки. Как вспоминает старожил Елена Михайлова, владелица еще одного такого удостоверения от 1932 года, ввиду нехватки бумаги исполком всякие справки, удостоверения печатал на обратной стороне этикеток, оставшихся после закрытия работы фабрики «Труд». На этикетке с удостоверением Потопаева напечатаны: полное название предприятия – «Махорочная фабрика промыслово-кооперативного товарищества "Труд"», название товара – «курительная махорка», его вес – «50 грамм», предупреждающая надпись – «Продажа по цене выше обозначенной карается по закону. Ц. $7^1/_2$ к.», тираж 200 000. Еще одним свидетельством, рассказывающим о деятельности фабрики «Труд», является протокол № 6 заседания бюро Кузнецкого РК ВЛКСМ от 7.09.1927 года [18].В нем зафиксировано решение комсомольцев Кузнецка о разделении городской комсомольской ячейки на две части: городскую и производственную при табачной фабрике «Труд». По рассказам бывших работников этого предприятия, среди ко-

торых большинство составляла молодежь, они развернули настоящее соревнование, наклеивая этикетки: кто больше? Екатерина Шестерина вспоминает: «Норма на день была четыре тысячи штук. Активисты создали специальные комиссии, ежедневно учитывали: как быстро и кто больше. Потом об этом печатали в стенных и городских газетах».

По воспоминаниям Дениса Быкова, в период экономического кризиса 1929 года образовалось много излишков махорки (затоваривание), и артель была ликвидирована. К этому времени в Томске и Бийске были созданы государственные советские табачные фабрики. При ликвидации кузнецкой артели «Труд» остатки табака были переданы на Томскую табачную фабрику.

Окончательное прекращение работы табачной отрасли в Кузнецке в 1929 году произошло не случайно. Это был объявленный Сталиным год великого перелома, когда официально завершилась эпоха нэпа и начался отсчет социализма по-сталински. Смею предположить, что относительно высокий уровень развития табачной промышленности, достигнутый к 1929 году в Кузнецке, говорил о возможном самостоятельном пути развития нашего города с опорой на традиционные формы хозяйственной деятельности. Однако свертывание новой экономической политики не позволило Кузнецку, как и всей стране, реализовать этот вариант, а форсированные индустриализация и коллективизация настолько изменили лицо города, что оставили от прошлых занятий кузнечан одни воспоминания.

Библиографические ссылки

1. Кручина А. В глухом углу, в Кузнецке // Повествование о земле Кузнецкой. Кемерово, 1992. С. 103.
2. НКМ. НФ-Д, оп. 1, р. 8, д. 33–37, 39 (Все цитаты в тексте приведены по материалам этих дел).
3. Дудукалов В. И. Деятельность партийных организаций Сибири по развитию советской торговли в первые годы нэпа (1921—1923 гг.). Томск, 19765. С. 33.
4. НКМ. НФ-Д, оп. 1, р. 8, д. 4, л. 6.
5. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. II. С. 686–687.
6. Дацышен В. Г. Проблемы китайской миграции в Сибири: история и современность // Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии: материалы междунар. науч.-практ. семинара. Новосибирск, 2002. С. 205.
7. Сибирская советская энциклопедия… С. 687.
8. Ларин А. Красноармейцы из Поднебесной // Родина. 2000. № 7. С. 56.
9. Очерки истории партийной организации Кузбасса. Кемерово, 1973. Ч. I–II. С. 59, 75.
10.Дацышен В. Г. Указ. соч. С. 206.
11.Бойко В. С. Миграционные связи Азиатской России и Зарубежной Азии как фактор социально-экономической жизни и безопасности региона (на примере Алтайского края) // Миграция и опыт взаимодействия регионов…. С. 199–200.

12.Резун Д. Я., Беседина О. Н. Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск, 1992. С. 111.
13.Бойко В.С. Указ. соч. С. 200.
14.Ларин А. Указ. соч. С. 59.
15.Бойко В.С. Указ. соч. С. 200.
16.НКМ. НФ-Д, оп. 1, р. 5, д. 17, л. 60.
17.НКМ. ОФ. ДФ. 951.
18.НКМ. НФ-Д, оп. 1, р. 3, д. 14, л. 13.

М. А. Пермина,
педагог дополнительного образования.
Топкинский район

О некоторых изменениях социально-демографической структуры Топкинского района в 20–50-е годы XX века

Топкинский район расположен в центральной части Кузнецкой котловины, на севере Кемеровской области. На территории района находится город Топки областного подчинения. Общая площадь города и района – 2,7 тыс. квадратных километров, из них сельхозугодья – 64,3 процента [1]. Общее население единого муниципального образования в 2004 году – 49 707 человек.

В XIX – начале XX века на части Топкинского района существовала Тарсминская волость, которая совпадала с зоной степей с черноземными почвами [2], что вместе с природно-климатическими условиями способствовало повсеместному развитию земледелия. Так, в источниках первой половины 1920-х годов указывалось, что это «…давнее место колонизации и земледельческой культуры…», «…однородный по условиям природы и сельского хозяйства степной регион…» [3].Промышленность района связана с переработкой сельского хозяйства и обслуживанием потребительских нужд населения [4].

В 1930-е годы Топкинский район (с 1924 года) относился к так называемой Кузбасской группе районов [5].

Некоторые документы того времени ведут отсчет начала формирования Топкинского района от строительства железнодорожной станции Топки. В частности, там отмечается, что «…до 1915 года территория района была покрыта непроходимым сплошным лесом. В 1915 году появляются первые переселенцы из западных областей России и вместе с ними первые небольшие селения…» [4]. Однако мы не согласны с этой точкой зрения. Аргументом в пользу нашего мнения выступает то, что

корреспондент конца 30-х годов не воспользовался материалами переписи 1926 года, которые приводят частичные данные об основании селений на территории района. Город отстает в возрасте от первого крестьянского поселения на 252 года [6].

Топкинский район начал формироваться в XVII веке, и к 1926 году были образованы его основные населенные пункты. Однако в то время его территория была поделена на Топкинский и Усть-Сосновский районы. По переписи 1926 года, в составе Усть-Сосновского района числилось 40 селений, 32 из которых находятся в пределах современного Топкинского района; в Топкинском районе начала XX века – 62 селения (из них 47 входят в современный Топкинский район). Сельское население этих районов (без станции Топки), *с учетом выбывших на сегодняний день селений*, по переписи 1926 года, составляло 31 301 человек (подсчитано нами по [7]).

В 1929 году Усть-Сосновский и Топкинский район были объединены. И в современных границах на это время существовали: старожильческие села и деревни – 40 названий; новосельческие поселения – 57 названий; хуторские хозяйства – 22 названия; три улуса (вероятно, после 1912 года стали частью русских старожильческих селений); железнодорожные разъезды по линии Юрга–Кольчугино; рабочий поселок Топки. В количественном отношении к 1929 году преобладали новосельческие поселения: 79 (в том числе хуторские хозяйства с незначительным количеством жителей) против 40 старожильческих.

Характерной чертой заселения района является то, что в период с 1861 года по начало XX века на его территории фактически не было основано ни одного нового селения. Переселенцы причислялись главным образом к сельским старожильческим обществам. Массовый выход из единых сельских обществ (хутора, выселки) наблюдался в начале 20-х годов и продолжался на территории района до 1928 года. Это время можно считать не только периодом образования новых территориальных и хозяйственных единиц, но и периодом предколхозного разрушения единства крестьянства.

В 1920-е годы происходит значительное увеличение численности населения Топкинского района за счет массовых переселений. Учет миграции в 1920 годы производился Западно-Сибирским краевым переселенческим управлением (1921–1931). Так, на 1.01.1926 года только механический прирост в Усть-Сосновском и Топкинском районах составил 3512 «едоков» [8].А по материалам переписей 1923, 1926 годов динамика численности населения составила 5954 человека (подсчитано нами по [8, 9]).

К этому времени на демографическую структуру района стали влиять ускоренные процессы урбанизации Кузбасса, начавшиеся в первой половине 20-х годов прошлого века [10].Эти процессы затронули и

Топкинский район. Изменения в численности населения в сторону увеличения городского состава связаны с развитием инфраструктуры железнодорожного транспорта, который становится ведущей отраслью в Топках. На станцию перебирались крестьяне окрестных деревень в поисках работы. С освоением железнодорожной станции Топки, будущего города, происходят изменения в численности в ряде сельских территорий района. Так, в 1923 году по численному составу населения на первом месте стоит территория Усть-Сосновской сельской администрации (максимальное удаление от города), на втором месте – Топкинская сельская. А к 1926 году, за три года, численность населения этих территорий передвинулись на 2-е и 11-е места. Число жителей на станции Топки уже превосходит численность Усть-Сосновской территории, несмотря на то, что оба поселения были в тот период административными и экономическими центрами. К этому же времени резко увеличилось количество населения на самой ближней к городу территории – Соломинской сельской администрации – с 2064 до 4685 человек (подсчитано по [7, 9]).

Большое количество переселенцев из Центральной России также оседало в новом железнодорожном поселке. В 1933 году рабочий поселок Топки преобразуется в город. В этом же году в состав Топкинского района вошли часть ликвидированного Краснинского района и до 1935 года – некоторые селения современных Промышленновского, Юргинского районов. Численность населения крупного Топкинского района составляла в 1935 году 47 300 человек [11].

В период с 1935-го по 1938 год общая численность городского и сельского населения уменьшается на 12 600 человек [12]. Одним из факторов, повлиявшим на уменьшение численности, было то, что незначительная часть селений отошли к образованным Титовскому, Промышленновскому и Юргинскому районам. И вместе с тем число городских жителей существенно не увеличивается. Начиная с 1939 года, численность сельского населения убывает (за исключением военного времени, когда рост наблюдался за счет эвакуированного населения), и к 1960 году она составила 30 970 человек [13]. С волной ликвидации «неперспективных деревень» городское население стало постепенно преобладать над сельским.

В 1920–1950 годах происходят гендерные изменения. В 1926 году перевес в численности женского населения составлял всего 515 человек (104 процента женщин от мужского населения). К 1938 году по сельской и городской местностям эта цифра увеличилась до 2 600 человек (110 процентов). Во время Великой Отечественной войны на полях сражений погибли 4 835 топкинцев [13].Это в основном мужчины, что впоследствии замедлило не только демографический рост, но и привело к дисбалансу мужского и женского населения. К 1953 году женская часть населения превосходила мужскую уже на 3 215 человек (131 процент).

А в 1960 году разница составляла 2238 человек (116,4 процента) [5, 7, 14, 15].

В исследуемый период можно проследить изменения в национальном составе населения района. Наиболее полные данные находим в отчетах местных статистических органов за 1925 год. Тогда из 14 проживающих национальностей наиболее распространенными были чуваши, мордва, украинцы, зыряне, латыши. На территории района проживал один серб и один китаец. В Зарубино проживала семья австрийцев [16, 17]. Расселение национальностей проходило землячествами, т. н. «группами компактного проживания». Наблюдался процесс консолидации отдельных национальностей. К 1926 году чуваши проживали в шести, украинцы – в трех, латыши – двух, мордва и белорусы – в одном селении района (по [7]). Например, «чувашскими» поселениями были Щелкина и Терехино. В 1930-х годах там существовал колхоз с чувашским названием «Канаш» («Совет»). Выделялись чуваши и из сельских обществ деревень Черемички, Топки, Усть-Сосново.

Массовое отселение украинцев проходило в пределах Лукошкинской сельской администрации. Так, даже в 1990-х годах в памяти жителей хранилось название «краев» д. Козлово. Один из них – «Кубань» (Грабко Марфа Лукьяновна, 1901 г. р., с. Лукошкино). В старожильческой д. Шишино вновь поселившихся из Украины называли общим для переселенцев центральной части страны именем – «рассейская сторона» (Некрасов Михаил Терентьевич,1912 г. р., д. Шишино). Воспоминания подтверждаются и архивными материалами. Например, при разделе землепользования 21.10 1928 года в Списке Ново-Кубанского земельного общества д. Козлово учтено 58 домохозяев. Весь же состав д. Козлово по национальностям был следующим. Преобладали украинцы – 707 человек, затем русские – 434, поляки – 18, венгры – 9, чехи – 8, мордва – 8, белорусы – 3 человека [18].

Интересен вопрос о количестве немецкого населения. Если в 1925 году учтена одна семья (четыре человека), проживающая в Каменке, то в 1926 году в материалах Переписи немцы не упоминаются вовсе [19]. Временем массового появления немцев в районе следует считать 1941–1942 годы. Тогда депортированными немцами из Поволжья заселяется исправительно-трудовая колония на территории Шишинского сельсовета. Название – д. Листвянка – колония получает только в 1960 году [6].

Прилив немцев на территорию района в период военных депортаций наблюдался и на территории Верх-Падунского сельсовета. Еще в 1946 году фельдшер участковой Усть-Сосновской больницы М. А. Колчина находила немецкое население д. Тыхта в большинстве случаев живущим в землянках. А по воспоминаниям бывшей рабочей совхоза № 58 А. К. Перминой, в пос. Центральном проживали и сосланные армяне.

Имеющиеся в наличии данные о социальном составе Топкинского района в 20–50-е годы XX века позволяют сделать некоторые выводы. В 1920-е годы учет населения производился не только с целью налогообложения, анализа экономической и политической ситуации в стране. На первый план после войн, революций, с началом разрушения общин и перед сплошной коллективизацией выступали проблемы обеспечения населения продовольствием и передела земли между государством и «индивидуалами». В демографической терминологии прочно оседают понятия «едок» и «кулак».

Хотя доля сельскохозяйственного дохода в совокупном доходе России составляла перед Первой мировой войной более 50 процентов против 14 процентов от промышленного дохода [20], такому налоговому прессу не подвергалась никакая другая категория населения. За счет крестьянских хозяйств росли города и строились железные дороги, развивалась торговля и промышленность, перепахивались новые земли, вырывались котлованы шахт и рудников. Только в одном Топкинском районе в годы военного дефицита рабочей силы 5200 человек крестьян кормили себя, своих детей и 3400 человек рабочих и служащих только сельской местности района [21]. А в 1946 году на 316 630 колхозников Кузбасса приходилось 290 838 «прочих» категорий населения сельской местности всей области [22].

К концу 1930-х годов было коллективизировано основное сельское население (в Топкинском районе в 1936 году – 88,9 процента; в 1938-м – 93,4 процента) [5].Были ликвидированы антагонистические классы советского общества. Оформилось колхозное « крепостное» право. Исконные имена селений заменяются наименованиями колхозов. (Возврат к историческим названиям происходит в 1960-е годы с образованием совхозов и вторичным наименованием крестьянских селений) [6]. Деление по социальному составу стало происходить по четким «дружественным» социально-классовым определениям: рабочий, колхозник, служащий.

Но все же рассмотрим крестьянство конца 1929-го – начала 1930-х годов по классово-социальному составу на примере двух селений Топкинского района: новосельческому поселку Казанский Юрьевского сельсовета и старожильческой деревне Козлово Лукошкинского сельсовета.

Казанский образован в 1912 году переселенцами из Уфимской и Казанской губернии в количестве семи семей. К 1933 году в поселке уже 25 семей, 117 жителей. Средний состав семьи 4,7 человека. В это время рассматривался вопрос о выселении семей поселка и выселка Займищенского с земель крупного государственного хозяйства – Топкинского совхоза № 58. По заключению «поверочной комиссии», проведено деление поселка по «классовой категории двора»: батраков и бедня-

ков – 15 дворов; (разделение бедняцко-батрацкой группы на категорию «лишенцев» – три семьи и «твердозаданцев» – три семьи); середняков – три двора; зажиточных – пять дворов; чернорабочих – один двор (на станции); без определения категории – три двора [23]. Критерии отбора населения не совсем понятны: при наличии почти одинакового имущества, инвентаря и тяглового скота крестьянские дворы относились к различным социальным группам. В 1933 году на примере пос. Казанский определяются четыре основные группы крестьян, подлежащих коллективизации. Бедняцко-батрацкая группа в новосельческом поселении в два раза превышает середняков и кулаков.

Деревня Козлова Тарсминской волости была основана между 1782-м и 1795 годами [6]. В 1923 году в деревне проживал 891 человек [9]. К 1928 году население деревни увеличилось на 294 человека (до 1185 чел.). В этом же году была проведена перепись населения Козловой «по экономической мощности»:

бедняки 80 дворов – 320 едоков; середняки 111 дворов – 553 едока; зажиточные 41 двор)– 275 едоков; кулаки 5 дворов – 37 едоков (вписано другими чернилами); всего 237 дворов – 1185 едоков [24].

К февралю 1929 года единство земельного общества деревни Козлово было разрушено – появилось четыре самостоятельных образования. В каждом были выделены следующие «группы населения» с подсчетом в них дворов и едоков:

- в Ново-Каменском земельном обществе: бедняки 9 дворов – 31 едок, середняки 56 – 307, зажиточные 3 – 19;
- в Старо-Козловском: батраки 2 двора – 6 едоков, бедняки 15 – 57, середняки 18 – 114, маломощные 12 – 47, маломощные середняки 30 – 102, зажиточные 5 – 35;
- в Ново-Кубанском земельном обществе: батраки 5 дворов – 16 едоков, бедняки 5 – 19 (лишенцы), 19 – 91, середняки 29 – 162, 2 – 4 (лишенцы);
- в поселке Игнатьевский: батраки 13 дворов – 49 едоков, бедняки 25 – 127, середняки 4 – 22, бездомовые батраки – 21 человек.

30 сентября 1929 года сделана «сводка» д. Козлово по « классовости» (двор – едок): батрак 5–16, бедняк 50–222, маломощный середняк 29–126, середняк 76–460, крепкий середняк 35–238, зажиточный 4–31, индивидуал 5–37, всего 208–1070, на исключение 20–67, не приписанных 9–48, всего 237 дворов, 1185 едоков [24].

В год коренного переустройства крестьянского уклада деление деревни происходит не только по трем основным категориям. В Козлово, старожильческой деревне, в противоположность новосельческому Казанскому, группа середняки-зажиточные-кулаки вдвое превышает бедняцко-батрацкую группу.

Если вспомнить, что в районе новосельческих поселений было в два раза больше, то можно понять, что большинство «новоселов» были единомышленниками коллективизации. И в том, и в другом селении средний состав семьи увеличивается с увеличением «экономической мощности» хозяйства. В семье крепкого середняка и зажиточного кулака семья на 3–4 человека больше.

Таким образом, рассмотрев в общих чертах вопрос о социально-демографической структуре Топкинского района, мы можем сказать, что процессы, происходившие в районе в 1920–1950-е годы, в целом являются отражением «угасания» аграрного, земледельческого населения в пользу урбанизации страны. Изменения в количественном, гендерном, национальном, социальном составе населения Топкинского района – яркий пример, неотъемлемая и закономерная часть общих тенденций развития не только Кузбасса, но и всей России.

Библиографические ссылки

1.Соловьев Л., Ильичев А. География Кемеровской области. Кемерово, 1994.
2. Скрябина Л. Русские старожилы Притомья. Кемерово, 1997. 108 с.
3. Сибирь в 1923–24 гг. Новониколаевск, 1925.
4. ГАКО. Ф. 946, оп.1, д. 6. л. 1–3, 7.
5. Новосибирская область. Экономико-географическое описание. Новосибирск, 1939.
6. Пермина М. Ономастика Топкинского района 17–н.21 вв. Кемерово, 2003.
7. Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1928.
8. ГАКО. Ф. 178, оп. 1, д. 7, л. 33.
9. Список населенных мест Томской губернии. Томск, 1923.
10.Реховская Т. Демографическая ситуация в Кузбассе в XX в.: сб. тр. обл. науч. конф. «Молодые ученые Кузбассу. Взгляд в XXI век». Кемерово, 2001. Т. 1. С. 91.
11.Западно-Сибирский край: города и районы. Новосибирск, 1936.
12.Сибирский край: статист. сб. Новосибирск, 1939.
13.ГАКО. Ф. Р-304, оп. 1, д. 15, л. 83.
14.ГАКО. Ф. Р-304, оп. 1, д. 9.
15.ГАКО. Ф. Р-304, оп. 1, д. 15.
16.ГАКО. Ф. 240, оп. 1, д. 1.
17.ГАКО. Ф. 206, оп. 1, д. 3, л. 2, 11.
18.ГАКО. Ф. 178, оп. 3, д. 35, л. 14, 23(об), 33.
19.Кимеев В. Народы Кузбасса за 30 лет. Кемерово, 1994.
20.Вайнштейн Л. Советская экономика 20-х годов. М., 2000. Кн. 2. С. 232.
21.ГАКО. Ф. 946, оп. 1, д. 5, л. 3(об).
22.ГАКО. Ф. р-304, оп. 1, д. 1, л. 16.
23.Генина Е. К вопросу о проведении коллективизации в Кузбассе // Актуальные проблемы аграрной истории Кузбасса. Кемерово, 2001.
24.ГАКО. Ф. 178, оп. 3, д. 35, л. 14, 23(об), 33, 28, 133.

Л. Ю. Галкина,
канд. ист. наук

АИК «Кузбасс» – конкурент Кузбасстреста

В 20-е годы XX века в Кузбассе действовали две крупные организации, занимавшиеся разработкой и разведкой месторождений угля – Государственное объединение каменноугольной промышленности Кузнецкого бассейна (Кузбасстрест) и Автономная индустриальная колония (АИК) «Кузбасс».

Кузбасстрест первоначально подчинялся Главному управлению по топливу ВСНХ и размещался в Новониколаевске (Новосибирске), а в 1923 году перешел под контроль Главного горного управления ВСНХ и переехал в Анжеро-Судженск. В ведении треста, руководимого в то время В. М. Бажановым, находились 12 шахт, 11 штолен и два разреза, расположенных в Кемеровском, Анжеро-Судженском, Южно-Кузбасском, Кольчугинском, Гурьевском и Минусинском районах.

Учитывая возраставшую потребность страны в кузнецком угле из-за разрухи в Донбассе, Совет Труда и Обороны (СТО) делал все возможное для увеличения его добычи. Было принято постановление о восстановлении угольной промышленности Кузбасса, объявлено ударным строительство Кольчугинских и Прокопьевско-Киселевских копей, в Кузнецкий бассейн перебрасывались врубовые машины и оборудование из других угледобывающих районов страны. Одной из предпринятых мер стала организация АИК «Кузбасс», самого крупного и важного проекта иностранных специалистов в России того времени.

Суть замысла американского техника Герберта Кальверта и голландского инженера Себальда Рутгерса, возглавившего АИК, заключалась в создании в Кузбассе, имевшем необходимые ресурсы, современной угольной промышленности на основе использования ударных отрядов рабочих, знакомых с передовым производством, администраторов, технических специалистов и поступающего из-за границы оборудования и машин.

Официальная дата рождения АИК «Кузбасс» – 1 октября 1922 года. Тогда на Кемеровском руднике трудились 40 горнорабочих-иностранцев. Первоначально производительность их труда была ниже, чем у русских рабочих, но уже через две недели после передачи шахты «Владимирской» под полный контроль АИК она возросла в четыре раза.

Фактически деятельность колонии началась 4 марта 1923 года, когда, по постановлению СТО, из ведения Кузбасстреста были изъяты и переданы АИК рудники северного района Кузбасса: Кемеровский, им. 25-го Октября, бывшая Порывайка, Мазуровский, Ишановский, Верхне-Том-

Шахтеры шахты «Центральная»

ский, Крапивинский и Алтайский. Ввиду бездействия некоторых из них к колонии отошли только Кемеровский (с химзаводом), Порывайский и Мазуровский рудники, причем последний был закрыт уже в мае как экономически невыгодный вследствие удаленности от Кемеровского рудника.

Кемеровскому руднику предстояло стать показательным. На первых порах поднять производительность труда и снизить себестоимость угля намечалось не столько за счет введения механизации и электрификации, сколько путем правильной постановки работы. Это объяснялось тем, что, с точки зрения показательного значения, механизация добычи представляла тогда наименьший интерес, т. к. при ее осуществлении иностранцами другие рудники не смогли бы перенять что-то для себя за отсутствием средств.

Большинство работавших на предприятиях колонии составляли местные рабочие, привлекавшиеся на равных с «американцами» (фактически в колонии трудились представители более 20 национальностей) основаниях и условиях труда. Все ответственные посты занимали иностранные специалисты.

Техническое оснащение предприятий, сокращение управленческого аппарата, совершенствование организации труда и системы его оплаты дали положительные результаты. Во втором полугодии 1922/23 опера-

ционного года (операционный год начинался с 1 октября) добыча на шахтах колонии выросла, по сравнению с тем же периодом предыдущего года, почти на 35 процентов. При этом общее число рабочих сократилось на 7,5 процента, а число забойщиков увеличилось на 18 процентов. Производительность труда забойщика фактически превышала показатели предыдущего года, т. к. колонии пришлось выполнить большой объем капитальных работ. В мае они составили 41 процент к производственной программе, тогда как при прежней администрации в октябре 1922 года – только 9 процентов. Себестоимость угля в АИК и Кузбасстресте была примерно одинаковой и равнялась 17 червонным копейкам за пуд. Комиссия СТО отмечала, что динамика всех производственных показателей в АИК была лучше, чем в Кузбасстресте (табл. 1).

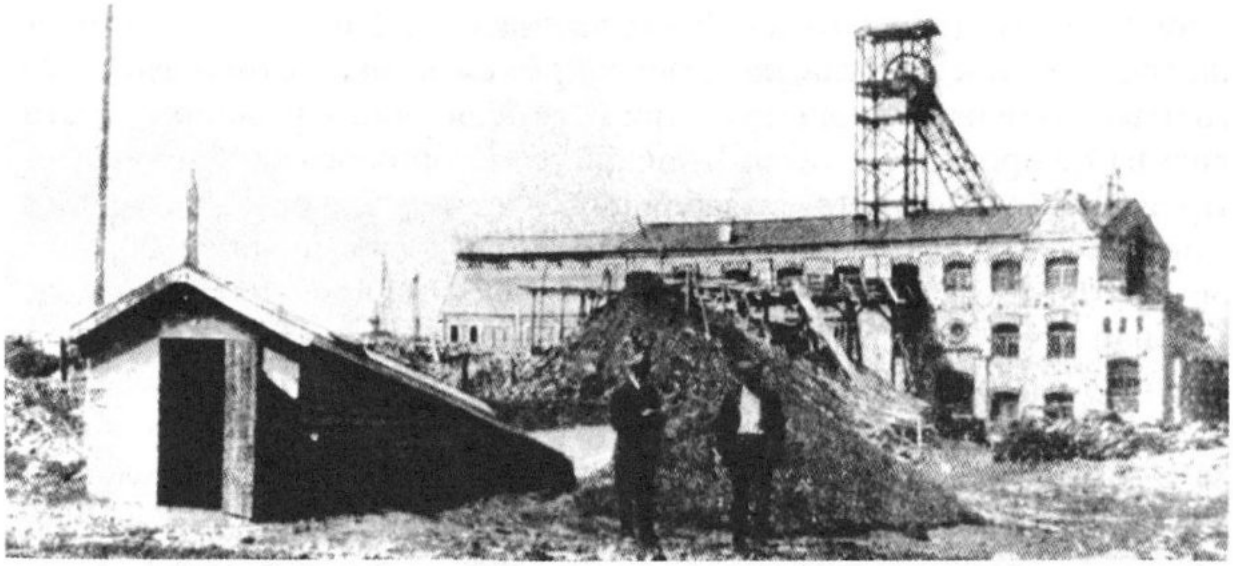
Таблица 1

Динамика производственных показателей в АИК и Кузбасстресте

Производственные показатели	Период	АИК	Кузбасстрест
Сменная выработка горнорабочего, в пудах	1921/22 г.	33,3	30,9
Среднемесячная производительность труда горнорабочего, в пудах	1923/24 г. (по июнь)	998	787
Рост производительности труда горнорабочего, в %	1921/22 г.- конец 1924 г.	50	28
Рост производительности труда забойщика, в %	1922/23 г., 1923/24 г.	153,7 197,3	170,5 165,5
Выходы горнорабочих на работу, в %		93	62-74
Увеличение жилплощади, в %	1921/22 г.- 1923/24 г.	90	13

Учитывая успехи колонии в угледобыче, налаживании крупного промышленного производства кокса и химических продуктов (с пуском 1 марта 1924 года коксохимического завода), в ноябре 1924 года СТО принимает постановление о передаче АИК с 1 января 1925 года Кольчугинских, Прокопьевских, Киселевских копей и Гурьевского завода.

В отдельную самостоятельную хозяйственную единицу выделился подконтрольный Кузбасстресту Анжеро-Судженский район. Копи Минусинского бассейна были переданы в распоряжение Красноярского губисполкома, а позднее – Хакасского окрисполкома. Это решение рассматривалось как первый шаг к объединению управления всем Кузнецким каменноугольным бассейном.



Шахта «Центральная»

С принятием новых районов АИК вынуждена была взять на себя и половину задолженности Кузбасстреста (900 000 рублей), поскольку передаваемые районы составляли половину всей его территории. Положение на копях было сложным: в 6-метровых кучах лежали на грани возгорания почти 2 млн пудов угля, в течение трех месяцев не выплачивалась зарплата, производственная программа треста по всем предприятиям не учитывала рыночного спроса и предусматривала большую добычу. АИК прилагала все усилия для стабилизации обстановки и сохранения квалифицированных кадров.

Кризис сбыта угля ввиду сокращения поставок главному потребителю – транспорту вынудил резко снизить его добычу. В Южно-Кузнецком районе она сократилась на 45,3 процента. Возникли трудности с реализацией прокопьевского угля в связи с отказом от него Балтфлота и Севтреста.

Следует отметить, что в Кузбассе, постоянно испытывавшем острый дефицит квалифицированных рабочих рук, сокращение впервые коснулось опытных рабочих. Так, в конце 1924 года на Анжеро-Судженском руднике почти каждый третий уволенный являлся кадровым рабочим.

Не хватало инженерно-технических кадров. Поэтому большое значение придавалось помощи работавших в АИК специалистов-иностранцев.

Ее первым техническим директором стал известный американский горный инженер-механик из Толидо (США, штат Огайо) Альфред Пирсон, считавший возможности Кузнецкого бассейна уникальными. До приезда в Сибирь он продолжительное время работал главным инженером и заместителем управляющего угольной компанией «Консолидэйтед Коул Компани», главным инженером «Пенсильвания Мэй Коул Компани». Пирсон также активно занимался теоретическими разработками, публикуя материалы на страницах отраслевых журналов.

В конце 1924 года в колонии работали уже два горных инженера-горняка: договор с АИК «Кузбасс» (по рекомендации Пирсона) заключил потомственный шахтер, член Института горных инженеров Америки и Канады Джон Пауэль, отдавший работе на шахтах этих стран более двадцати лет. Первоначально он отвечал за эксплуатационные работы на Кемруднике, тогда как Пирсон занимался разработкой планов и расчетов для всех шахт. После отъезда Пирсона Пауэль был назначен главным горным инженером АИК. Не жаловавшие иностранцев в последний период существования колонии советские руководители признавали, что Пауэль «дает колоссальную пользу». Даже во время отпуска Джон много занимался делами колонии, собирая любую полезную для Кузбасса информацию на крупнейших шахтах и заводах США. Заметный след в деятельности АИК оставил горняк Джон Прейкшас, впоследствии разделивший участь репрессированных россиян.

Вопреки всем трудностям предприятия развивались и имели определенные достижения. Хотя число шахт в Кузбассе по сравнению с 1924 годом сократилось более чем вдвое, их годовая производительность повысилась. Три крупнейшие из 15 тогда действовавших шахт давали 5 млн пудов угля в год.

Во второй половине 1920-х годов в Кузбассе реконструировались старые и строились новые угольные предприятия: Центральная штольня и шахта № 5-6 (Прокопьевский рудник), «Журинка 3» (Ленинский рудник), велась разработка будущей шахты «Пионер» на левом берегу Томи, проектная мощность которой (6 млн тонн) должна была возрасти к 1935 году до 25 млн тонн угля. Разрабатывалась и реализовывалась программа разведки угольных запасов, хотя ее финансирование было скудным. Так, с октября 1925 года по октябрь 1926 года в АИК на изыскания израсходовали 3769 рублей. С этой целью из Сибирского отделения Геологического комитета (Томск) был приглашен профессор М. Усов.

Во втором полугодии 1925/26 хозяйственного года в АИК увеличилось число действовавших угольных предприятий. В июле работали 9 шахт и 6 штолен. Однако возросшая угледобыча стала резко падать. Одной из причин были прогулы. По словам русского заместителя Рутгерса Коробкина, во втором квартале «пропили» около 1 млн пудов угля. Пьянство было бичом и на предприятиях Анжеро-Судженского рудника.

Процент выполнения планов добычи угля на предприятиях Кузбасстреста был выше, чем в АИК, но имел тенденцию к снижению, тогда как в колонии он неуклонно возрастал. Развертывание добычи по Анжеро-Судженскому руднику треста шло более интенсивно, чем по Кемеровскому руднику. Это объяснялось не только тем, что Анжеро-Судженский рудник был крупнейшим в бассейне, но и ограничением в ряде случаев механизации угледобычи и ведения взрывных работ в Кемерово, чтобы получить более чистый уголь для производства кокса (табл. 2).

Таблица 2

Выполнение плана угледобычи Кузбасстрестом и АИК, в процентах

Предприятие	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г. (I квартал)
Кузбасстрест	89,8	128,7	118,6	100,7
АИК	77,4	97,4	102,8	107,9

Производственный план АИК на 1926/27 операционный год предусматривал увеличение добычи угля до 83 млн пудов. Все выделенные валютные средства было решено направить на закупку врубовых машин и конвейеров в Германии и Америке. Однако планам не суждено было осуществиться. Курс руководства страны на централизованное управление ее хозяйством, усиление вмешательства бюрократических учреждений в дела колонии, сокращение числа иностранных рабочих ниже уровня (5 процентов), позволявшего поддерживать свойственную американским предприятиям интенсивность труда, не давали АИК возможности развиваться эффективнее российских предприятий и сделали бессмысленным ее существование с экономической точки зрения. Ликвидации колонии в немалой степени способствовали и негативные явления в жизни ее коллектива.

19 ноября 1926 года СТО вынес постановление о реорганизации АИК с подчинением ее ВСНХ СССР при сохранении и использовании на предприятиях иностранных рабочих и специалистов. 22 декабря того же года СТО постановил считать договор с АИК «Кузбасс» расторгнутым. ВСНХ было предложено разработать и представить на утверждение проект устава треста, объединявшего предприятия колонии, назначив временное правление.

За время существования АИК доля колонии в угледобыче Кузбасса выросла примерно в 8,5 раза. В первом квартале 1926/27 года, последнем в деятельности колонии, ее шахты выдали почти на 68 тыс. тонн угля больше, чем шахты Кузбасстреста. Средний заработок трудящегося по Кемеровскому району всегда был выше, чем по Кузбасстресту, и превышал заработок горняков на Урале и в Донбассе.

Своей недолгой, но насыщенной деятельностью АИК «Кузбасс» внесла ценный вклад в подъем и развитие Кузнецкого бассейна, ускорив электрификацию и оснащение шахт современными машинами и оборудованием и способствуя подготовке местных кадров. Являясь конкурентом Кузбасстреста, АИК стимулировала рост производительности труда в угольной промышленности края, содействовала введению методов хозяйствования, основанных на четкости, деловитости, организованности, которых так недоставало российским рабочим и инженерно-техническим работникам.

В. Ф. Похабов,
канд. ист. наук

Календарно-обрядовые традиции села Курск-Смоленка Чебулинского района (1930–60-е годы)

Календарно-обрядовые традиции русского населения Сибири в этнографической литературе – традиционная тема изучения и исследования. Исчезающие календарные обряды, ритуалы и поверья, праздники, песни (в связи с развитием научно-технического прогресса) в этнографической науке приобретают важное место в их изучении. В середине XX века к этой теме обращается множество исследователей: В. И. Чичеров, В. Я. Пропп, В. К. Соколова, М. М. Громыко, Н. А. Миненко, Ф. Ф. Болонев, Л. Н. Виноградова и многие другие.

Особый интерес проявляется к образующимся локальным традициям в условиях освоения Сибири. Культура русского населения Сибири формировалась на протяжении нескольких столетий – начиная с XVI века. При этом в ней сохранился богатый пласт христианских и дохристианских представлений и верований [1, 2, 3, 4]. В условиях адаптации русского населения к природным условиям Сибири возникали новые формы календарно-обрядовых традиций на основе интеграции (трансформации) [5, 6]. Они представлены разными элементами культур переселенцев, старожилов и аборигенов. Анализируя эти элементы, мы можем определить механизм интеграции, а значит, выявить принципы становления общесибирской народной культуры. Чем больше исследованы локальные традиции и их варианты, тем больше раскрывается внутренний механизм их становления.

Народный календарь Кемеровской области в этнографической литературе изобилует белыми пятнами, и исследование календарной обрядности района или отдельного села является для научной литературы новым вкладом в науку [5, 7,8 9].

Наша статья посвящена календарно-обрядовой традиции села Курск-Смоленка Чебулинского района Кемеровской области. Наша задача – осветить особенности бытования народного календаря переселенцев курян и смолян, проживающих в данном селе.

В основу наших исследований положены архивные материалы и опубликованные статистические источники, памятные книги ходоков, переписи населения и другая литература.

Возникновение села Курск-Смоленки произошло не в одно время. На первых порах это были разные села, хотя находились поблизости друг от друга. Их основали переселенцы из европейской России. Поселок Курский (переселенческий участок № 27) находился на свободных

землях старожилов Дмитриевской волости Мариинского уезда Томской губернии, а поселок Смоленский (переселенческий участок № 34) разместился на свободных землях Алчедатской волости этого же уезда.

Поселок Курский образован в 1887 году 27 семьями – переселенцами из Курской губернии. Основателями поселка были крестьяне из деревни Алябьевой Троицкой волости, деревень Канаревой и Шумаковой Колоденской волости. 12 июня 1887 года они выехали на лошадях и подводах в сторону Тюмени, а оттуда водным путем на пароходе прибыли в Томск. На нужды переселения им были выделены пособия от государства в размере 150 рублей на каждую семью. Переселенческий пункт в Томске направил их на свободные земли в Мариинский уезд. На территории Мариинского уезда им были предложены земельные участки в Дмитриевской, Алчедатской и Боготольской волостях. Предложенный земельный участок на месте нынешнего села переселенцам понравился, и 17 августа 1887 года они прибыли на отведенное место. Поселок расположился на берегу реки Серты при впадении в нее речки Дидилии. Застройка поселка происходила одною широкою улицей. Сегодня в селе проживают потомки с фамилиями Алябьевы и Конаревы [2, 5, 10, 11, 12].

Поселок Смоленский образовался в 1887 году из числа переселенцев – крестьян Мясоедовской волости Вяземского уезда Смоленской губернии, из деревней Максимковой, Бабосовой, Менеке, Прудиловой, Денисовой и позднее (в 1890 году) – крестьян из деревни Гостевой Старковской волости Курской губернии. Причиной переселения крестьяне указывают недостаток доброкачественной земли. Мысль о переселении возникла под влиянием писем земляков, переселившихся в 1852 году в с. Судженское Томского уезда. Они писали о хорошей жизни на сибирской земле. В мае 1887 года партия переселенцев выехала в Тюмень. После поездом приехали в Томск. Предложенный переселенческий участок крестьянам понравился, и они решили принять предложение переселенческого комитета. Поселок расположен по реке Серта, выстроен в одну улицу [10].

Социально-экономическое положение переселенцев было неодинаково. Куряне славились как люди богатые, зажиточные, они приехали из родных мест с достаточными накоплениями денежных средств, что позволило им быстро обжиться и построить избы из добротного материала. В отличие от курян переселенцы из Смоленской губернии были не так обеспечены, им приходилось даже голодать, так как не хватало денежных средств на покупку семенного зерна, а у некоторых даже не было и изб [5, 10, 11, 12].

По мнению информантов нынешней Курск-Смоленки, смоленские переселенцы отличались неуживчивым характером, слыли неряхами и лентяями. Между жителями Курского поселка и Смоленского нередко возникали потасовки. Разногласия возникали из-за покосов, посевных

угодий и пастбищ – разрешались обычно на меже, на мосту реки Дидилии. По словам информантов, «курские парни раньше никогда не сватали смоленских девок, считали это плохим делом. Лучше сватать старожилок, если нет своих!». Позже отношения стали налаживаться, вместе справляли календарные праздники и даже стали родниться, «только хоронить покойных по обычаю было принято на своих кладбищах, по своему порядку, эта традиция сохранена и до наших дней» (*Дюкарева Ольга Даниловна, 1932 г. р. с. Курск-Смоленка, Чебулинский район).*

Захоронения на кладбищах указывают на разную историю возникновения селений. Захоронения покойных в поселке смоленских переселенцев не отличаются от других старожильческих захоронений, связанных с официальным православием. У курских переселенцев традиции захоронения указывают на свою уникальную традицию, связанную со старообрядчеством. По словам информантов, в их поселке проживала группа беспоповцев – старообрядцев. Эта конфессиональная группа вносила в духовную жизнь населения поселка важную религиозную функцию [13]. «Был у нас дед Игнат, уж сильно веровал. Даже нас, маленьких, приучал к своей вере – учил молитвам и духовным стихам. Наши молитвы ведь хоть и имеют те же тексты что и у всех, но все же отличаются своим напевом и последовательностью исполнения молитв» (*Конарева Мария Александровна, 1929 г. р.; Волохова Прасковья Константиновна, 1915 г. р., с. Курск-Смоленка, Чебулинский район).*

Объединение сел произошло в 1930-е годы в связи с коллективизацией, но оно было формально, так как традиции куряне и смоляне сохраняют свои. Процесс объединения культур шел постепенно, на основе создания родственных связей. В 1980 годах смоленских переселенцев осталось мало, по словам информантов «смоленские выродились и не помнят своих традиций, перешли на курские» (*Алябьева Анастасия Ивановна, 1926 г. р., с. Курск-Смоленка, Чебулинский район).*

Таким образом, календарно-обрядовые традиции с. Курск-Смоленки формировались на протяжении 80 лет, в них отразились не только привезенные традиции, но и старожильческие, так как совершались браки со старожильческим населением. Не последнюю роль играли и трудовые связи с близлежащими старожильческими селами.

Народный календарь упорядочивал жизненный цикл крестьянина. Он по приметам природы и верованиям определял необходимые обряды и ритуалы, совершаемые крестьянином в течение земледельческого года. Безусловно, что в каждой местности и регионе свои природные условия, поэтому календарная обрядность складывалась исходя из этих условий. В Сибири у переселенцев не было четких ориентиров на природные условия. Они перенимали опыт у старожилов, при этом приспосабливали привезенные календарные традиции к местным условиям, включая в них старожильческий народный календарь [5, 6, 14].

Календарно-обрядовые традиции курск-смолян не отличаются от этой схемы и принципов. Они построены на основе общерусской календарной традиции и имеют те же периоды: зима, весна, лето, осень. Эти периоды определяют и календарные праздники, но имеют свой вариант их проведения [5].

Зимний период праздников открывает праздник Кузьмы-Демьяна, который имеет свой вариант в этом селе. «На Кузьму-Демьяна петухов рубили и убирали в хлев кур, а коренного петуха сажали в закром вместе с ними. Петухов рубили и соблюдали обычай мерять курицей от порога до стола, при этом приговаривали: Кузьма-Демьян, тебе – рога, а мне – петуха! Садились под стол, на порог избы вместе с курицей и также приговаривали: как порог на месте лежит, так чтобы и курочка на место садилась, цыплят выводила лохматых-хохлатых». (*Волохова П. К,1915 г. р.).*

После этого дня уже готовились к зимним основным праздникам. Начало зимы в этом селе считают Николу зимнего – 19 декабря, который, собственно, и открывал предзимние празднества. На этот случай исполняли календарный духовный стих, посвященный Святителю Николаю Чудотворцу, – «Освященная обитель». Этот стих заимствован у старообрядцев, его исполняли повсеместно. Николу зимнего праздновали особенно [13].

Основные зимние праздники не отличались чем-то особенным от общесибирской традиции, в них мы находим те же обряды и ритуалы – колядование, славления и гадания и т. д. Необходимо отметить, что южнорусские традиции прославления «щедрого вечера» у курск-смолян отсутствуют (здесь мы усматриваем влияние традиций старожилов и переселенцев-смолян, проживающих в этом селе), тогда как у других южнорусских переселенцев они хорошо сохранились. Тем не менее в святочных праздниках отсутствуют старожильческие вечерки. Здесь традиции курских переселенцев сохранились. В этом селе не записано ни одной вечерочной песни.

Приведем пример интересной традиции ворожбы: «Наставят много крынок среди горницы, в них положат какие-нибудь предметы (кольца, ленты, луковицу), насыплют в них гречиху или зерно. После девушка заходила в горницу с завязанными глазами и рукой попадала в какую-нибудь крынку. Что вытащит, то и сбудется: луковица – горькая жизнь, кольцо – замужество, зерно – богатство» (*Алябьева А. И., 1926 г. р.).* Заканчивались зимние Святки праздником Крещения, или водосвятием.

В весенних праздниках необходимо отметить местные обряды, связанные с ритуалами «чистого понедельника» и с закликанием весны, куликов-жаворонков. «В чистый понедельник, как все в доме уберем, вымоемся в бане, ходили на горы. Катались в последний раз! Обязательно

катались на донцах прялок. Скатимся и песню специальную для этого случая запеваем и идем домой. Для этого случая только одна песня "А во поле лен, лен", чтобы лен долгий родился!»:

А во поле лен, лен,
А во поле белый.
О-лё, лё, лё, лё
А во поле белый (припевная строка повторяется после каждого куплета).
А под лен ветер вея,
Вея, сподвивая,
Вея, сподвивая,
Макушки срывая.
Макушки срывая,
С верхушки макушки.
С верхушки макушки,
Сестрицы-подружки.
А куда с горя деться?
А куда прикачнуться?
А я кинусь, брошусь
К батюшке в колени.
К батюшке в колени,
К батюшке на сене.
К батюшке на сене,
К матушке в колени.
А у батюшки хлеба-соли много,
А привета нету.
А привета нету,
Ласкового слова.

(*Алябьева А. И., 1926 г. р.; Волохова П. К., 1915 г. р.; Дюкарева О. Д., 1931 г. р.; Конарева М. А., 1929 г. р.; Кутепова А. С., 1917 г. р.).*

Праздник Масленицы отмечался в Сибири особо.

«Куликов пекли! Делали им шапочки, носики, глазки. Женской птице подкосник – женский головной убор сделают. Мужику шапку или шляпу снарядют. После раздавали детям, а они на зароды лазили и кричали – закликали – и съедали их. Закликали так:

Уж вы, кулики, жаворулики!
Прилетите к нам!
Принесите нам
Тепло летичко!
Мягко местушко!

Или:

Кулики, жаворулики!
Прилетели к нам !
Сели на дорожку.
Отморозили ножку.

Съедим и прыгаем с зародов вниз» (*Алябьева А. И., 1926 г.р.; Волохова П. К., 191 г.р.; Дюкарева О. Д., 1931 г.р.;Конарева М. А., 1929 г.р.; Кутепова А. С., 1917 г.р.).*

Особенно ярко проходили летние праздники – Вознесенье, Троица и Петров день. Центральным праздником была Троица. Она отличалась широким размахом и отмечалась всеми – от мала до велика. Особенностью в данном селе был ритуал похорон кукушки, который в этнографических материалах Сибири большая редкость. Такой обряд мы встречаем только в материалах М. В. Красноженовой, записанный в 1914 году в селе Большая Покровка (нынешний Тяжинский район) от переселенцев-курян [7]. Жители этого села сохранили этот ритуал. «Сделают тряпичную куклу из тряпок, ноги обычно разные цветом: одна белая, другая черная. Платье ей сошьют. Сделают гробик из картонной коробки и кладут в гробик эту куклу. В гробик также клали цветы, чаще – кукушкины слезки. В пятницу на троицкой неделе гробик ставили на окно, и он стоял до воскресенья (до Троицы). В субботу выкапывали ямку в березнике за селом. В воскресенье кукушку хоронили, ребята несли гробик, а девки голосили по ней, как по покойнику. Приносили в лес и закапывали кукушку. После жарили яичницу, поминали кукушку и кумились » (*Алябьева А. И., 192 г.р.; Волохова П. К., 1915 г.р.; Дюкарева О. Д., 1931 г.р.; Конарева М. А., 1929 г.р.; Кутепова А. С., 1917 г.р.).*

Заканчивались летние праздники Петровым днем. Этот праздник состоял из обычая ездить на покосы и скашивать траву – делать «закосы».

Осенние праздники у курск-смолян отсутствуют, хотя в южнорусских традициях они широко бытуют. В этом мы усматриваем влияние старожильческих традиций на традиции переселенцев.

Таким образом, календарно-обрядовые традиции курск-смоленских переселенцев формировались на основе слияния привезенных и местных традиций, что позволяет отметить их узколокальный вариант.

Библиографические ссылки

1. Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – нач. XX вв). Новосибирск, 1978. – 159 с.

2. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1976. – 285 с.

3. Громыко М.М. Трудовые традиции крестьян – старожилов Сибири. М., 1975. – 350 с.

4. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев в поселках и приселениях Мариинского округа. СПб., 1895. Т. 1. – 348 с.
5. Любимова Г.В. Заметки о сибирской Масленице (взятие снежного городка) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4. С. 131–137.
6. Миненко Н.А Экологические знания и опыт природоиспользования русских крестьян Сибири XVIII – пер. пол. XIX вв. Новосибирск, 1991. – 209 с.
7. Памятная книжка Томской губернии на 1912 г. Томск, 1912. – 419 с.
8. Переселение в губернии: Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую в 1907 г. СПб, 1907.
9. Похабов В.Ф. Живые родники Кузнецкого края. Кемерово, 1994; Похабов В.Ф. Зимние Святки на северо-востоке Кузбасса // Народная культура Сибири: Матлы IX научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2000. – С. 59-62.
10.Похабов В.Ф. Культурное наследие русских Кузбасса (Семейно-обрядовый фольклор северо-востока Кемеровской области). М., 2000.
11.Похабов В.Ф. Истоки формирования локальной традиции в селах Мариинского уезда Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Народная культура Сибири: Мат-лы X научно-практического семинара сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2001.
12.Похабов В.Ф. Обрядовые традиции русского населения Мариинского уезда Томской губернии конца XIX-XX вв.: автореф. канд. ист. наук. Новосибирск, 2004.
13.Фаттахова Л.Р. Традиции духовного пения старообрядцев Кузбасса: автореф. канд. искусствоведения. Новосибирск, 2002.
14.Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Вып. 2. М., 2002.
15. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.

М. В. Белозерова,
канд. ист. наук, ст. преподаватель КемГУ,
с.н.с. лаборатории этносоциальной
и этноэкологической геоинформатики
ИУиУ СО РАН-КемГУ

К истории деятельности Томской колонизационно-переселенческой партии в Кузнецком округе (20–30-е годы XX века)

Ранее нам уже приходилось обращаться к проблематике, связанной с переселенческой политикой советского государства в 20-е – начале 30-х годов XX в. Однако исследования касались главным образом территории Горной Шории [1]. Цель настоящей работы – рассмотреть деятельность Томской колонизационно-переселенческой партии в реализации переселенческой политики 20–30-х годов прошлого столетия на территории Кузнецкого округа.

Источником для написания данной статьи послужила делопроизводственная документация Томской колонизационно-переселенческой партии, отложившаяся в Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО), в фондах Кузнецкой окружной плановой комиссии за 1925–1933 годы (Ф. Р-214, оп. 1). Это планы работ, отчеты, переписка между руководством партии, заведующим водворением переселенцев и администрацией ОкрЗемуправления (ОкрЗУ) и Сибкрайисполкома.

В историографии достаточно хорошо рассмотрены причины, вызвавшие переселение, вначале стихийное, а затем взятое государством под контроль. Отметим основные: последствия Гражданской войны и голод начала 20-х годов, а начиная с середины 20-х годов – развернувшаяся индустриализация и промышленное освоение сибирского региона [2]. Последний фактор был особенно актуален для Кузнецкого округа. Уже в начале 1927 года руководство Кузнецкого окружного земельного управления рассматривало возможность открытия переселения в округе не только с целью развития сельского хозяйства, но и для его промышленного освоения. Рабочая сила необходима была для развития горно-рудной промышленности и лесозаготовительных работ. Отметим, что ранее (июль 1926 года) ОкрЗУ поднимало вопрос о прекращении в этот регион переселения [3]. К 1926 году Народным Комиссариатом Земледелия (Наркомземом, НКЗ) был разработан 10-летний план «колонизации» Сибири на период с 1926-го по 1935 год На основании этого плана Наркомземом и местными органами земледелия определялись пятилетние и годовые планы [4] с конкретными заданиями на каждый операционный год.

Работы по формированию так называемого «колонизационного фонда» должна была выполнять *Томская колонизационно-переселенческая партия.* По документам нам удалось выявить фамилии ее руководителей. Заведующим партией был Бехарев (инициалы в документах не указаны. – М. Б.), временно заведующим партией – М. С. Полюгов, заведующим дорожно-мелиоративными работами – С. Соколов, заведующим мелиоративными работами – инженер А. Быков [5].

Надо отметить, что Томская колонизационно-переселенческая партия начинала свою работу в труднейших условиях. Дело в том, что на начало работ в январе-феврале 1926 года аппарат состоял всего из шести сотрудников, из которых двое были канцелярскими работниками, т. е. налицо недостаток квалифицированных кадров. Поэтому приходилось экстренно создавать штат сотрудников партии. Формирование кадров постоянных сотрудников началось с конца февраля 1926 года. В результате на 1 октября состав партии состоял из 65 сотрудников постоянного штата и 30 человек временного состава. Всего в Томской колонизационно-переселенческой партии насчитывалось 95 сотрудников. Постоянный штат набирался из специалистов по отводу земель и состоял из заведующего, его заместителя, инженера по дорожным работам, землемеров (38 чел.), гидротехника, дорожного техника, чертежника, бухгалтеров и др. Временный состав – это канцелярские работники, землемеры на временной основе, практиканты. Сотрудники-специалисты набирались как из Томска, так и за его пределами. Например, из Кузнецкого округа в составе партии работало 34 человека (или 46,2 процента [6], как указано в «*Кратком оперативном отчете за 1925/26 г.*», или около 35,8 процента, по нашим подсчетам).

Несколько слов следует сказать о техническом снаряжении партии и о разработке плана проведения экспедиций. Здесь выявилось такое же положение, как и с кадрами. На начало работ ощущался недостаток инструментария. Полностью укомплектовать отряды снаряжением удалось только в течение первых 1,5–2 месяцев. И хотя отряды выехали на места работ с полным снаряжением, но в основном геодезические инструменты были устаревшие, за исключением доставленных из Москвы, но с большим запозданием (в июле) и в недостаточном количестве. Поэтому удалось снабдить только те отряды, которые работали недалеко от Томска. Со старыми и подержанными инструментами были связаны недостатки в работе в других отрядах: приборы ломались, зачастую фиксировались неточности в показаниях [7]. Спешно вырабатывались и планы экспедиции.

Определенные трудности были и при финансировании. По мнению руководства партии, оно было несвоевременно и осуществлялось в недостаточном количестве. Так, по данным «*Краткого операционного отчета за 1925/26 г.*», за первый, второй и третий кварталы было полу-

чено 7400 рублей [8]. И это в период, когда формировался аппарат партии, проводились подготовительные работы, оснащение походным снаряжением и инструментарием. Из этого же кредита часть денег должна была пойти на заготовку лесных материалов для колодезных работ. А в результате задержки финансирования за третий квартал было поздно открыто авансирование оперативных отрядов, поэтому их отправка на места была задержана.

Для работ по зачислению и водворению переселенцев в 1925 году *в Кузнецком округе* была введена должность *заведующего водворением переселенцев*, который непосредственно подчинялся заведующему Томской колонизационно-переселенческой партией при непосредственном наблюдении со стороны Окружного земельного Управления. Эту должность занимал Петровский (инициалы в документах указаны неразборчиво. – *М. Б.*). К апрелю 1926 года была введена и ставка делопроизводителя. Таким образом, аппарат, занимающийся водворением переселенцев, состоял из двух человек. Ежемесячные расходы составляли: зарплата двум сотрудникам – 143 рубля 60 копеек, наем отапливаемого помещения – 40 рублей, канцелярские и почтово-телеграфные расходы – около 20 рублей [9]. Итого 203 рубля 60 копеек. Средства на содержание службы водворения переселенцев выдавала Томская колонизационно-переселенческая партия, но не всегда своевременно. Это, несомненно, сказывалось и на качестве работы.

Для приема переселенцев устраивались *переселенческие пункты* [10]. Первоначально (до середины 1926 года) в Кузнецком округе действовало два переселенческих пункта – при станциях Кольчугино и Кемерово. По данным заведующего водворением переселенцев, летом 1926 года Кольчугинский пункт был закрыт, т. к. основная «*...волна переселенцев через него прошла и осела на ближайших к Ленинску...*» [11] переселенческих участках, поэтому был создан новый на станции Кузнецк, т. к. именно там предполагалось увеличение количества переселенцев, что было связано с планами индустриализации и заселением Кондомско-Мрасского района. На переселенческие пункты выделялись вагоны (7 вагонов – в Кольчугино, 4 вагона – в Кемерово), в которых переселенцы могли жить определенное время до отбытия их на новое местожительство. Переселенцам предоставлялась информация о состоянии колонизационного фонда в Кузнецком округе и выдавались льготные билеты на проезд по железной дороге. Создавались пункты питания, на станции Кольчугино для переселенцев было организовано медицинское обслуживание, на станции Кемерово – баня. То есть проявлялась элементарная забота о человеке.

В пределах Кузнецкого округа переселение должно было осуществляться в четырех районах – Кемеровском, Крапивинском, Кузнецком и Кондомском. В «*Отчетном докладе Заведующего водворением в Куз-*

нецком округе за 1925/26 год» [12] приведен список участков с указанием свободных долей. Так, в Кемеровском районе был определен 51 участок (например, Верхне-Барзасский, Нижне-Барзасский, Кемеровский, Сергеевский, Шурчаковский, Сосновский, Барановский-Яранский, Березовский и др.), в Крапивинском – 33 участка (например, Баклановский, хутора Крапивинские, Крутинские, Нагорные и др.), в Кузнецком районе – 9 участков (например, Антроповский Этап, Бакаевский, Луговой и др.) и в Кондомском – 32 участка (например, Силинский, Карнагольский, Понзасский и др.). За десятилетний период в Кузнецком округе партия должна была подготовить колонизационный фонд в 65810 наделов для заселения [13].

Колонизационный фонд складывался из следующих земельных участков: 1) из излишков землепользования коренного населения; 2) из «свободных пространств лесного и земельного фонда»; 3) из так называемых «старых» переселенческих участков (это земельные участки, образованные до революции, имели свободный фонд); 4) путем проведения «сплошной» регистрации земель. Колонизационный фонд в первых двух случаях содержал участки, как правило, находящиеся в таежной зоне (их залесенность доходила до 95 процентов, особенно в Кондомо-Мрасском районе), и они попадали под категорию трудноосваиваемых. В этих районах необходимо было произвести ряд подготовительных исследований и строительных работ. Общая стоимость всех работ выражалась в сумме 2 459 286 рублей [14]. Это детальное обследование 322 350 гектаров земель и 1092 километров грунтовых дорог, строительство (или достройка) и ремонт, в том числе и капитальный, 1500 километров дорог: например, Осиновка–Кокаревская (24 км), Верхне-Барзасская (16 км), Кедровка-Алексеевская (48 км), Руслово-Банная (38 км) – в Кемеровском районе; Кузедеево-Каз-Кондома (86,2 км) – в Кондомо-Мрасском районе. Планировалось произвести мелиоративные работы: буровые изыскания, изыскания водохранилищ, построить 181 колодец и произвести ремонт 59 действующих колодцев, пробить 127 водных скважин. На дорожно-мелиоративные работы отводилось 1 316 212 рублей [15].

Кроме вышеперечисленных работ, проводились землеотводные, землеустроительные работы, а также мероприятия по обустройству переселенцев. Что имеется в виду? Власти должны были гарантировать минимум условий, при которых переселенец мог бы осесть и иметь возможность вести и развивать свое хозяйство. В таких работах, как раскорчевка лесов, принимали участие и сами переселенцы. Например, в 1926 году в Кузнецком округе было намечено произвести раскорчевку леса на 2000 га в 1400 хозяйствах, в 1928 году в Крапивинском районе надо было расчистить 500 га, столько же и в Кондомско-Мрасском [16]. Привлечение переселенцев было вызвано тем, что в таежной полосе не

хватало расчищенных площадей для пашни. Данный вид работы производился, как правило, в год заселения, и переселенцы получали определенную премиальную оплату.

При формировании колонизационного фонда в двух последних случаях картина менялась. Здесь можно было провести мелиоративные и работы по отводу земель частично. Например, зав. партией Бехарев отмечал, что в результате земельной регистрации «*...даже в густо заселенных районах выявляются некоторые излишки от землепользования... Фонд этот особенно ценен тем, что... находится в прочно обжитых районах и не требует больших мелиоративных работ...*» [17]. Подобные работы намечались в Кузнецком, Краснинском и Усть-Сосновском районах.

Рассмотрим более подробно деятельность Томской колонизационно-переселенческой партии на территории Кузнецкого округа. Она делилась на отряды. В Кузнецком округе работало три отряда – Мариинско-Чулымский, Кондомо-Мрасский [18] и в районе Салаирского кряжа и севера Кузнецкого округа.

Вначале несколько слов о том, в каких условиях приходилось работать отрядам. В своем оперативном отчете заведующий колонизационно-переселенческой партией Бехарев отмечал, что, как правило, землеотводные и дорожно-изыскательские работы проводились в труднодоступных и малообжитых районах. Зачастую сотрудники отрядов работали в непроходимой заболоченной местности, при скудном питании, заболевшие не могли получить своевременно медицинской помощи, т. к. медпункты находились на значительном отдалении. В частности, труднейшие условия работы отмечались в Кондомско-Мрасском отряде, который работал на территории Горной Шории. Руководством Томской колонизационно-переселенческой партии обозначалась не только трудность, но и опасность работы в этом районе, в условиях непроходимой тайги: высота травостоя превышала рост человека, буреломы, заросшие ягодниками и малиной. Обувь и одежда в тайге изнашивалась быстро. Даже в относительно благополучных районах, таких как северная часть Кузнецкого округа, не все обстояло хорошо. В документах отмечается, что здесь землемеры часто болели простудными заболеваниями, не могли своевременно получить медицинскую помощь. В результате были простои в работе [19].

Определенные трудности, которые тормозили работы, были и при найме рабочих на местах. В оперативном отчете Томской колонизационно-переселенческой партии за 1925–1926 годы [20] зафиксировано, что местные жители, особенно это касалось жителей заимок, были обеспеченными людьми. Поэтому они с большой неохотой соглашались работать за ту плату, которую им предлагали, и из-за перебоев в питании. Те же, кто все-таки нанимался, проработав несколько дней, бросали работу и уходили домой.

Какие же задания были выполнены? Мариинско-Чулымский отряд проводил работы в Анжеро-Судженском районе. Обследовалось 4664 гектаров земель [21]. Здесь проводилась съемка и отграничение переселенческих участков. Все задания были выполнены.

Большой интерес для нас представляет работа, проводимая в районе Салаирского кряжа и на севере Кузнецкого округа. Об этом мы имеем сведения более подробные. Отряд, работавший в данном районе, состоял из руководителя работ и шести землемеров. Выехал 3 июня 1926 года. Работы продолжались до 1 ноября 1926 года. В этом районе переселенческие участки образовывались из оброчных статей северной части Кузнецкого округа. В большинстве своем они представляли степные равнинные (без лесов, без водоемов) ландшафты с черноземными почвами (мощность гумусовых покровов составляла 16–30 см). Климат сухой, поэтому существовала и проблема – небольшое количество осадков. Целинные земли составляли 20–40 процентов [22]. Район был хорошо обеспечен дорогами. Таким образом, он выгодно отличался, например, от Горно-Шорского, с его горным рельефом, практически полным отсутствием дорог, значительной залесенностью [23]. В ходе работ было произведено обследование 170 000 гектаров земель, при этом выявлено пригодного для заселения фонда до 50 000 гектаров и образовано 40 переселенческих участков [24]. Вот на эти образованные участки и следовало заселять переселенцев.

Существовало две формы зачисления. Это *зачисление* вновь прибывших (как правило, с 1926 года). Оно проводилось по так называемым «ходаческим» свидетельствам и без свидетельств. Вторая форма – это *водворение,* то есть зачисление переселенцев, которые прибыли ранее 1926 года и уже проживали на местах. Но они, в сущности, ничем не отличались друг от друга. Ранее прибывших, по сведениям заведующего водворением в Кузнецком округе, насчитывалось 22 079 человек (по нашим подсчетам, 21 913 человек). По архивным данным, всего было зачислено и водворено переселенцев на колонизационном фонде к концу 1926 года 4296 семей (21 811 едоков) [25]. Однако по нашим подсчетам цифры несколько иные – 5690 семей (32 903 едока).

Из каких регионов прибывали переселенцы? Из западных губерний (Брянской, Витебской, Гомельской, Минской, Могилевской и др.), северо-западных (Новгородской, Псковской, Северо-Двинской, Ленинградской), центральных (Калужской, Курской, Орловской, Рязанской и др.), из районов Поволжья (Нижегородской, Ульяновской, Саратовской губерний, Чувашской АССР), с Урала (из Пермской губернии), из Сибири (Томского округа, Бурят-Монгольской республики). Всего из 39 губерний и округов [26].

Для ведения хозяйства переселенцам отпускались кредиты. По Кузнецкому округу было запланировано 58 000 рублей. На 1 ок-

тября 1926 года переселенцам на руки было выдано 107 ссуд на сумму 14 100 рублей. Невыданные кредиты распределялись по соответствующим кредитным обществам для выдачи в последующие месяцы. Так, в октябре было выдано 199 ссуд на сумму 29 850 рублей; в ноябре – 293 ссуды на сумму 43 950 рублей; в декабре – 172 ссуды на сумму 25 800 рублей) [27]. Как видим, всего к концу 1926 года была выдана 771 ссуда на сумму 113 700 рублей, т. е. сумма кредита была превышена на 55 700 рублей. В среднем ссуда по Кузнецкому округу составляла около 130–150 рублей на одно переселенческое хозяйство. И это было ниже, чем в целом по Сибири (300 рублей) и даже в районе Горной Шории (215 рублей 80 копеек) [28]. Несомненно, это было связано с большим потоком переселенцев в этот регион: спрос на землю превышал возможности обеспечения ею. Зачастую желающие получить землю не имели представления об условиях проживания в этом регионе, о качестве и количестве земли, о количестве кредитов. Большую роль в усилении переселенческого движения играли и такие факторы, как освобождение от единого сельскохозяйственного налога (в 1926 году было освобождено 437 домохозяев) и получение отсрочки от воинской службы (38 человек) [29].

Подводя итоги, отметим, что в основном заселение должно было проходить на обширных малозаселенных пространствах таежной полосы, главным образом расположенных на севере. Сравним, к примеру: в период с 1926 года по 1935 год в Томском округе планировалось расселить 798 000 человек, Новосибирском – 68 000, Кузнецком – 66 000, Ойротии – 42 000; при этом нужно было провести изыскательские работы: в Томском округе на 3 950 000 га, в Кузнецком – 700 000 га, в Новосибирском – 300 000 га, в Ойротии – 500 000 га [30]. Южные же округа, более заселенные, а также обжитые районы северных округов рассматривались лишь в качестве «подсобных» фондов.

Анализируя архивные документы, можно констатировать: перед Томской колонизационно-переселенческой партией при проведении изыскательских работ и подготовке земельных участков к заселению было поставлено, по сути, несколько задач. Одна из основных – *создание инфраструктуры*: проведение дорожных коммуникаций (пути сообщения должны были прежде всего связывать переселенческие участки с ближайшими культурно-экономическими и административными центрами), гидротехнических работ (сооружение колодцев и скважин), мелиоративных работ.

Вторая задача – *определение и рекомендации о сельскохозяйственной специализации* того или иного района, т. к. первоначально предполагалось развитие их как сельскохозяйственных. Так, в Кузнецком округе рекомендовалось заниматься животноводством и полеводством, в притаежной зоне – животноводством, пчеловодством и кустарными промыслами.

В связи с этим Томская колонизационно-переселенческая партия должна была оказывать практическую *помощь в работе по кооперированию переселенцев* – это третья задача. Сотрудники партии помогали организовывать трудовые артели и коммуны на переселенческих участках, т. е. речь шла о создании низовой сети, затем, при наличии не менее 10 кооперативов, объединить их в районные союзы, в дальнейшем включить в систему Сельхозсоюза. При этом упор должен был делаться на сельскохозяйственную специализацию. В то же время в качестве подсобного предусматривалась и возможность ведения кустарного промысла. В каждом районе планировалось провести по одному показательному мероприятию по производству какого-либо вида продукции, преобладающего в данном районе, например, по выгонке пихтового масла, смолы, производства валенок, бондарному производству и т. п. Но возможность заниматься кустарными производствами рассматривалась только для первых лет с целью получения реального заработка для подъема переселенческого хозяйства [31]. Насколько реальны были эти планы? По мнению инспектора колонизационно-переселенческой партии (подпись неразборчива – М. Б.), практика организации кооперативов (семенных и машинных товариществ) показала, что все они были созданы «*...только потому, что всем им выдавались в кредит семена и машины, и только небольшой процент их имеет предпосылки к коллективизации, ведя совместную обработку земли...*» [32].

Однако, как уже отмечалось выше, в связи индустриализацией и строительством промышленных предприятий (например, Тельбесского комбината в Горной Шории) приходилось менять и первоначальные планы. Учитывая данное обстоятельство, работникам колонизационно-переселенческой партии в ряде случаев производилось повторное переформирование переселенческих участков.

Таким образом, в 20– 30-е годы XX века деятельность Томской колонизационно-переселенческой партии по реализации переселенческой политики Советского государства имела большое значение, т. к. она вела подготовку новых территорий для освоения и введения в хозяйственный оборот. И, несмотря на трудности (недостаток квалифицированных кадров, плохая оснащенность инструментарием отдельных отрядов, несвоевременное финансирование), в целом поставленные задачи были выполнены.

Библиографические ссылки и примечания

1. Например: Белозерова М. В. К истории переселенческой политики в Горной Шории //Белозерова М. В. Разыскания. Кемерово, 2004. Вып. 6. С. 203–215; Она же. Шорцы: жизнь и реформы (20– 60-е гг. XX в.). Опыт интеграции в социалистическое общество /Белозерова М.В. Кемерово, 2004. С. 110–131.

2. Например: Рубинский В. И. Переселение в Сибири и на Дальнем Востоке /

В. И. Рубинский // Северная Азия, 1928. Кн.2; Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917-июнь 1941 гг.) / Н. И. Платунов. Томск, 1976; Белозерова М. В. К истории переселенческой политики…; Она же. Шорцы: жизнь и реформы…

3. ГАКО. Ф. Р.-214 «Кузнецкая окружная плановая комиссия», оп. 1, д. 9, л.16 об., 47.

4. Там же. Л. 1, 49.

5. Там же. Л. 11, 144.

6. Там же Л. 63–63 об., 74 об.–75.

7. Там же. Л. 64, 75.

8. Там же. Л. 75.

9. Там же. Л. 75 об., 81.

10.Там же. Л.41 об.–42.

11.Там же. Л.81.

12.Там же. Л. 84–85 об.

13.Там же. Л. 62, 118.

14.Там же. Л. 9 об., 49 об.

15.Там же. Л. 5 об., 11, 49, 49 об., 63.

16.Там же. Л. 9.

17.Там же. Л. 6 об.

18.Примечание: о работе Кондомо-Мрасского отряда подробно см.: Белозерова М. В. Указ.соч.

19.ГАКО. Ф.-214, оп. 1, д. 9, л. 75 об.

20.Там же. Л. 75 об.

21.Там же. Л. 66 об.

22.Там же. Л.68 об.

23.Белозерова М. В.Указ. соч.

24.ГАКО. Ф. Р-214, оп. 1, д. 9, л. 68, 73 об.

25.Там же. Л.74–74 об., 75 об., 80, 82. По Кузнецкому округу в отличие от других (например, Томского, Новосибирского) сведений о распределении переселенцев на «плановых» и «самовольцев» не производилось.

26.ГАКО. Ф. Р-214, оп. 1, д. 9, л. 89–89 об.

27.Там же. Л. 74 об., 80–80 об.

28.Белозерова М. В. К истории переселенческой политики… С. 211.

29.ГАКО. Ф. Р-214, оп. 1, д. 9, л. 80 об.

30.Там же. Л. 5–5 об.

31.Там же. Л.112, 139–139 об.

32.Там же. Л.112.

М. Ю. Живописцев,
член Союза журналистов РФ (г. Белово)

К истории бронепоезда «Сибиряк»

Беловские железнодорожники во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов создали два бронепоезда: «Сибиряк» и «Металлург Кузбасса». Они доблестно сражались в составе 42-го отдельного дивизиона. В бой бронепаровозы водили беловские локомотивщики. К сожалению, широкому кругу читателей эти факты мало известны. Поэтому автор надеется, что данная статья введет в научный оборот ранее не изученные материалы, посвященные героическому вкладу беловчан в общее дело разгрома врага. В подготовке очерка об одном из бронепоездов – «Сибиряке» использованы десятки воспоминаний фронтовиков-беловчан, ветеранов-железнодорожников.

...Зима сорок первого. В локомотивном депо станции Белово началось строительство бронепоезда «Сибиряк». Бригаду из двенадцати человек, в которую входили лучшие котельщики Ю. В. Неверовский, Н. А. Молотков, слесари И. В. Молоствов и А. Ф. Черепанов, возглавил инженер Ф. В. Гуменный. Сейчас этому героическому эпизоду из истории депо посвящена экспозиция Беловского историко-краеведческого музея. Часть экспонатов сюда попала из музея боевой и трудовой славы локомотивного депо станции Белово. А в 1981 году, когда мне пришлось заняться этой интереснейшей темой, еще были живы некоторые участники тех далеких событий.

Встреча с Александром Федотовичем Черепановым летом восемьдесят первого оказалась единственной. Он уже был болен, но очень обрадовался моему приходу. К тому времени из всей бригады по сооружению бронепоезда никого уже не осталось. Рассказ Александра Федоровича как бы соединил эпохи – сороковые годы и нынешнее время – и перенес в прошлое.

Саша Черепанов пришел в депо двадцатилетним, сразу после ремесленного училища. Вскоре он стал талантливым слесарем (любимому делу он отдал около 40 нелегких лет). Для бронепоезда он делал самую ответственную работу – размечал броневые плиты.

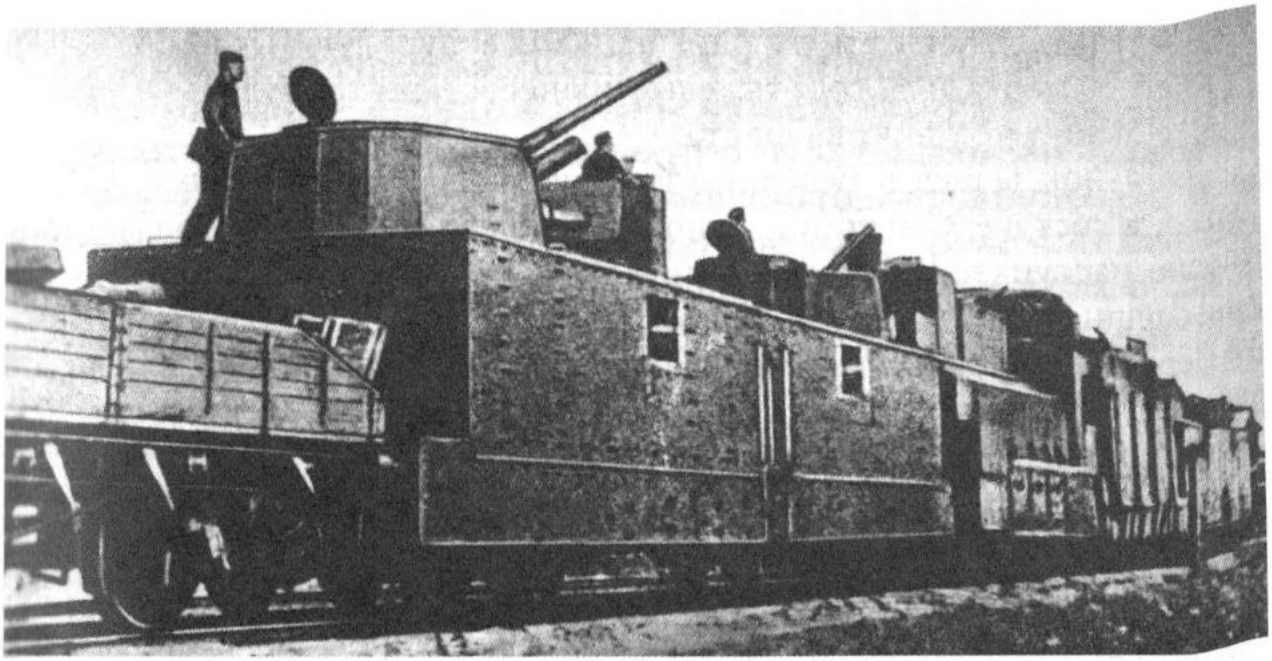
Локомотивщики тогда были на военном положении, рабочий день зачастую не ограничивался 12 часами упорного труда и продолжался далеко за полночь. Не хватало продуктов, теплой одежды, отправляемой на фронт, но чувства необходимости их работы было, пожалуй, с избытком. Понимали: бронепоезд очень нужен бойцам. С трехлинейкой против немецкой техники особо не навоюешь. Почти без механизмов, вручную, обводили локомотив каркасом, сверлили и резали неподатли-

Ю. В. Неверовский

вый металл. На котел, сухопарник и ходовую часть с тендером навешивали тяжелые трехсантиметровые плиты. Вскоре серая сталь скрыла от взора знакомые очертания паровоза. И безобидная «овечка», непривычно угловатая и приземистая, теперь внушала уважение принадлежностью к неустрашимому фронтовому братству. В это же время рабочие вагонно-ремонтных мастерских Беловского железнодорожного узла соорудили броневагоны. Потом бронепоезд перегоняли в Сталинск (ныне Новокузнецк). Там броню сняли и на Кузнецком металлургическом комбинате подвергли термической обработке. Затем броневой пояс вновь смонтировали. В этих трудоемких работах приняли участие и рабочие Сталинского железнодорожного узла. Нужно отметить, что в годы войны новокузнецкие железнодорожники таким же образом полностью завершили монтаж шести бронепоездов: «Советская Сибирь», «Железнодорожник Кузбасса», «Сибиряк», «Металлург Кузбасса», «Лунинец», «Железнодорожник Алтая». Броню для них изготовил КМК.

В 1942 году «Сибиряк» прошел ходовые испытания и был направлен в район станции Инская Томской железной дороги. Учитывая опыт строительства такой бронетехники, беловчане получили еще один военный заказ – строительство второго бронепоезда «Металлург Кузбасса».

Интересен такой факт. За создание в рекордно короткий срок этих бронепоездов беловчане за свой героический труд получили в награду переходящее знамя 71-й отдельной морской стрелковой бригады. (Это подразделение получило гвардейский номер, а старое прославленное знамя морпехов стало наградным). На красном стяге бригады вызолочены слова: «Рабочим лучшего цеха Беловского железнодорожного узла от бойцов, командиров и политработников воинской части 1860-й Особой Краснознаменной Дальневосточной армии». Торжественная церемония вручения знамени прошла на станции Белово в канун 24-й годовщины создания Красной армии и флота. В этот день, 22 февраля 1942 года, сотни рабочих приняли участие в праздничном митинге, посвященном этому событию. Долгое время знамя, как бесценная реликвия, хранилось в музее локомотивного депо.



Бронепоезд «Сибиряк»

В книге «Железнодорожники в Великой Отечественной войне» отмечается, что коллективом Томской железной дороги было построено и отправлено в действующую армию четыре дивизиона бронепоездов, а это восемь бронесоставов.

В начале восьмидесятых годов XX столетия из всей локомотивной бригады, которая водила «Сибиряк» в бой, оставалось только трое. Все после поездной работы уже пошли на заслуженный отдых. Григорий Ефимович Зятчин работал кочегаром в комнате отдыха локомотивных бригад станции Белово. Михаил Жердев – сторожем на одной из баз, Егор Яковлевич Волков после перенесенного инсульта стал инвалидом, и я беседовал с ним в небольшом частном домике, стараясь особо не утомлять ветерана. Их воспоминания, документы архивов и легли в основу этого материала.

Вернувшись из поездки, помощник машиниста Григорий Зятчин отдыхал. И в мирное время такая возможность не всегда выпадала, а в войну локомотивщики вообще забыли об отдыхе. Но вскоре к Зятчиным прибежал посыльный. Григория вызывал парторг. Вместе с ним в партком пришли машинисты Михаил Жердев, Виктор Евдокимов, Егор Волков, Прохор Зуев и другие. Беловчане попали в 42-й отдельный дивизион бронепоездов. Бригада паровозников из десяти человек была направлена на бронепоезд «Сибиряк», собранный земляками. Железнодорожников поставили на все виды армейского довольствия и присвоили звание младших командиров. Три смены локомотивщиков под руководством машинистов должны были нести службу на «Сибиряке». Кроме беловчан, в них вошли и новосибирские паровозники. Григорий Зятчин попал в смену Евдокимова. Волкова направили на небронированный, или, как его называли, «черный», паровоз Щ-100, который обслуживал дивизион. Кроме «Сибиряка», имевшего первый номер, в

42-й отдельный вошел и его близнец «Металлург Кузбасса» под номером два. 10 марта 1942 года тяжелые бронесоставы тронулись в путь, а в апреле были уже у линии фронта.

Дивизион вошел в Северную группу Закавказского фронта и действовал в составе 37-й армии. С половины лета сорок второго фашисты упорно наступали на участке Прохладная–Моздок. Полки Красной армии спешно укреплялась на южном берегу Терека. На исходе августа части Первой немецкой армии прорвались прямо к водной глади рек Баксан и Терек. Положение резко ухудшилось, начались ожесточенные бои.

Большую помощь обороне оказывали «крепости на колесах» 42-го отдельного дивизиона бронепоездов в боях за Кавказ. «Сибиряк» охранял 70-километровый участок между станциями Прохладная и Дарг-Кох Кабардино-Балкарской АССР. Часто, помогая пехоте, бронепоезд громил перекидным огнем вражеские батареи, вступая с ними в артиллерийскую дуэль. Первая стрельба по позициям противника запомнилась и паровозникам.

«Сибиряк» шел экономным ходом к станции Прохладной. Зятчин стоял слева от машиниста и следил за дорогой через узкую щель в броне. По связи неожиданно загремел голос командира: «Машинист, давай на огневой рубеж, сейчас фашистов обстреливать будем!..». Состав, набирая скорость, понесся вперед. «Задраить люки!» — командует машинист Евдокимов. С артплощадки внезапно ударило первое орудие, и весь бронепоезд загрохотал трехдюймовками. Через щели закрытых окон ветер затягивал едкий пороховой дым, разъедающий глаза и горло. Южное солнце отдавало свое жгучее тепло броневому покрытию, и от этого волна нестерпимого зноя поднималась в будке паровоза. А рядом рвались немецкие снаряды. Их острозубые осколки стучались в стальные плиты обшивки. Только к вечеру утихла стрельба.

Сентябрь принес неожиданное огорчение. В смену Жердева к Прохладной внезапно прорвались фашистские «тигры» Первой немецкой армии. Урча моторами, угловатые машины скрытно подошли к насыпи и обстреляли состав. Бронебойный снаряд, распоров обшивку, пробил паровой котел. «Сибиряк» окутался белым шипящим облаком пара. Резко упало давление в котле, стрелка манометра скакнула к нулю. Михаил Жердев понял: еще немного – и бронепоезд безжизненно замрет в зоне вражеского огня. Используя угасающую инерцию состава, машинист решил дотянуть до спуска, который начинался сразу за станцией. Паровоз, теряя последние силы, потянулся под уклон к Баксану, выводя бронепоезд из-под удара. Орудия «Сибиряка», мстя фашистам за тяжелую рану, полыхали артогнем. К вечеру поврежденный локомотив повели на ремонт в Тбилиси. Жердев и Зуев поехали с искалеченным паровозом.

В состав бронепоезда поставили небронированный, обыкновенный паровичок. Отсутствие связи с командиром и неопытность новой брига-

ды вынудили командование поставить во главе каждой смены уже обученных железнодорожников. Зятчина и Евдокимова назначили командирами смен.

6 сентября 1942 года дивизион подтягивался к станции Котляровской. Впереди цветным пятном расплывался огонек входного семафора. Где-то высоко в небе парил неуклюжий переплет «рамы». Видимо, самолет-разведчик вызывал бомбардировщиков. И верно, после обеда на станцию налетели «юнкерсы». Григорий Зятчин отчетливо видел, как бомбардировщики круто вошли в пике и с надсадным воем понеслись на бронепоезд. С левой стороны состава вспыхнули и разрослись мохнатые столбы взрывов. Зенитная площадка полыхала огнем. Фашистские самолеты, словно обжигаясь очередями крупнокалиберных пулеметов, отвалили в сторону и зашли из-под солнца.

Зенитчики сразу оказались в невыгодном положении. Ослепленные солнечными лучами, они не могли вести прицельный огонь. Справа стали рваться бомбы. Осколки забарабанили в вертикальную броню площадок. Командир махнул Григорию, и тот, уже усвоивший сложную технику сигналов, приказал машинисту: «Малый вперед!». Сорокапятки «Сибиряка» усыпали небо темными комкам разрывов, нащупывая немецкие самолеты. Прямо около насыпи лопнула авиабомба, срезая осколками ветки станционных деревьев. Бригада паровозников, прижатая жестким огнем к полу будки незащищенного паровозика, не могли уже управлять составом. Тем не менее нужно было действовать.

Зятчин молниеносно оценил обстановку и перебрался на противоположную от бомбежки подножку локомотива. Теперь он мог хорошо видеть дорогу, принимать сигналы с бронепоезда и управлять паровозом. По приказу из центрального командного пункта Григорий сдвинул ручку регулятора до конца, и «Сибиряк» быстро стал набирать скорость. Немцы, отогнанные огнем, поспешили убраться восвояси, а паровозная бригада остановила бронепоезд. Еще не остывшие сизые осколки усыпали будку. Рваные пробоины в боках ее кудрявились острыми железными языками.

За время боя с авиацией противника бронепоезд успел пройти десятикилометровый путь, пришлось возвращаться обратно к входным стрелкам. Зятчин напряженно вглядывался в сверкающие нитки рельсов, зная, что после обстрела путь неузнаваемо меняет свой облик, зияя провалами и воронками от снарядов и бомб. Так оказалось и на этот раз. Пришлось восстанавливать вздыбленные веером шпалы и рельсы. Такое случалось часто. Иногда приходилось, лежа под огнем врага, орудовать инструментом, чинить путь. Работали торопливо, вглядываясь вдаль, где ажурно переплелись фермы железнодорожного моста через Терек, опасаясь, что его могут взорвать, отрезав бронепоезд от основных сил.

Жестокие бои шли на Закавказском фронте. Враг беспрерывно контратаковал наши части. Прохладная переходила из рук в руки. Несколько раз «Сибиряку» приходилось врываться на станцию, занятую немцами, и выбивать их из полуразрушенных зданий. В такие минуты многое зависело от машинистов и их помощников, ведь сила бронепоезда не только в количестве артиллерийских и пулеметных стволов, но и в умелом маневре. И паровозники мастерски справлялись с управлением «Сибиряка».

Когда бронепаровоз вернулся из ремонта, Егора Волкова перевели на «Сибиряк» с «черного» паровозика. Егор Яковлевич вспоминал, что немцы часто бросали свою авиацию на борьбу с бронепоездами. Гитлеровцы надеялись массированными бомбовыми ударами вывести из строя «крепости на колесах», не дающие им покоя. Они забрасывали «Сибиряка» сотнями бомб на станциях Эльхотово, Муртазово, Дарг-Кох, но, при умелом взаимодействий артиллеристов бронепоезда и локомотивной бригады, такие налеты часто оканчивались плачевно для «юнкерсов»: многие из них находили могилу в горах Кавказа.

В конце 1942-го, в 1943 году для охраны советско-турецкой границы из действующей армии были откомандированы некоторые части Красной Армии. В состав этих соединений вошел и 42-й отдельный дивизион бронепоездов. Турция, хотя и заявила о своем нейтралитете, на самом деле помогала Германии и могла в любую минуту нарушить Государственную границу СССР.

«Сибиряк» шел по Закавказской железной дороге все дальше на юг. Вскоре из люков бронепоезда стали видны чудесные ландшафты Армении. Бронесостав стал контролировать полотно железной дороги на границе с Турцией, по линии Ленинакан – Ахурян. Хотя чехлы на орудиях не снимались и «Сибиряку» военных действий здесь вести не приходилось, команда бронепоезда была всегда в боевой готовности.

Через некоторое время был объявлен приказ о замене локомотивных бригад бронепоездов воинами специального подразделения железнодорожников. Беловчане собирались на родину. В последний раз паровозники вели «Сибиряк» на станцию Ленинакан, прощаясь со своим верным другом, сохранившим на броне и тепло рук рабочих-беловчан, и глубокие отметины от немецких снарядов.

Ноябрь 1943 года беловчане встретили в Белове. До конца войны бывшие воины трудились в депо. После курсов в Сталинске Г. Е. Зятчин, Е. Я. Волков и П. И. Зуев работали машинистами паровозов.

История строительства и боевого пути бронепоезда «Сибиряк» нашла отражение в материалах музея Западно-Сибирской железной дороги.

В. М. Максимов,
сотрудник музея локомотивного депо ст. Тайга;
Д. В. Ковров,
сотрудник Тайгинского городского музея

Бронепоезд «Лунинец»

1418 дней и ночей гремела канонада на фронтах Великой Отечественной войны – от берегов Северного Ледовитого океана до берегов Черного моря.

Победа досталась нам дорогой ценой: 28 млн человек заплатили за нее своей жизнью. Не вернулись с полей сражений и 1258 воинов-тайгинцев, в том числе и 190 паровозников депо Тайги.

К концу 1941 года на всех железных дорогах страны были созданы отделы особых оборонных заказов. Государственный Комитет Обороны (ГКО) обратился ко всем железнодорожникам страны с призывом принять участие в формировании бронепоездов. Уже в конце 1941 года в Управлении Томской железной дороги был организован штаб, который возглавил заместитель начальника дороги Александр Яковлевич Шалашов.

Откликнувшись на призыв тружеников прифронтовых магистралей, в августе 1941 года коллективы паровозного и вагонного депо станции Тайга сформировали специальную бригаду по оборудованию бронепоезда. Основой для бронепоезда стал один из лучших паровозов депо – О-в 7124, который «раздели», чтобы произвести ревизию всех ходовых устройств, усилить экипажную часть, а затем заковать в броню, вооружить и отправить на фронт.

Начальником депо в то время был Иван Сидорович Власенко (1939–1944). Душой коллектива по оборудованию бронепоезда стал техник А. В. Кончухидзе. Слесари А. Аширов, Г. Бернацкий, Д. Кухта, А. Усачев, И. Харитонов под его руководством были командированы в Новокузнецк на КМК за броневой сталью. И вскоре первые броневые площадки были готовы. Но, учитывая большой объем работ по бронированию паровоза, бригаду А. Кончухидзе возвратили в Тайгу. Работа в депо продолжалась. В цехе подъемки изготовлялись отдельные детали и узлы, а в цехе промывки, совместно с вагонниками, вели сборку бронепоезда.

Ремонтные бригады дневали и ночевали в цехах. Жены и дети приносили им обеды прямо в депо

Работа была крайне трудоемкая. Крепкая броневая сталь обработке не поддавалась. Большинство крупных поковок приходилось ковать вручную, выручали практические навыки и смекалка кузнецов – Е. Липовцева, И. Коловникова.

На сборке бронеплощадок самоотверженно работали вагонники, руководимые бригадиром С. Германом. Высокопроизводительно работали автогенщик Н. Герман, слесарь П. Титов и разметчик А. Кузьмин.

Вот как вспоминал командир орудия 3-й бронеплощадки, житель нашего города сержант Александр Тимофеевич Граков: «Мы прибыли в депо Тайга после формирования артиллерийских и пулеметных расчетов в г. Кемерово. Первое время помогали строить бронеплощадки и обшивать броней паровоз. Материалы и оборудование для бронепоезда шли со всех городов Кузбасса и Сибири.

Когда пришло вооружение, командир, выстроив нас, сказал, что с сегодняшнего дня нам удваивается нагрузка. Будем проходить боевую и огневую подготовку и помогать деповчанам строить бронепоезд. Все теперь зависит от нас. Чем скорее построим, тем скорее отправимся на фронт. На бронеплощадках противовоздушной обороны быстро установили зенитные пушки и крупнокалиберные пулеметы, но потом возникли серьезные проблемы. 76-мм полевые пушки устанавливались в башнях, но специальных механизмов не было. А сделанные деповскими слесарями были неудобные и тяжелые. Пришлось за дело браться нам, артиллеристам. Совместными усилиями были изготовлены башенные установки, удобные для ведения огня».

Одна за другой выходили из цехов бронеплощадки и локомотив. После сцепки бронепоезд стал выглядеть мощной крепостью на колесах.

Восемь бронеплощадок с бронированным паровозом, аварийными платформами и вагонами подсобных служб составили внушительную силу.

Оборудованный, одетый в броню бронепоезд был готов к концу апреля 1942 года.

Команда формировалась там же, в большинстве это были сотрудники депо и станции Тайга. Одновременно со строительством шло и формирование боевого экипажа. На учебные сборы были призваны машинисты: И. Токарев, П. Хурсик, М. Шипачев, Н. Анищенко, Н. Климов; помощники машиниста – А. Михайлов, А. Корнев, В. Матвеев, Н. Лесин, П. Иголкин, Ф. Галыгин,В. Светлаков.

Они и составили костяк железнодорожных бригад бронепоезда.

180 человек – машинисты, помощники, кочегары, артиллеристы, пулеметчики и другие специалисты, в т. ч. выздоравливающие фронтовики Тайгинского госпиталя, составили личный состав бронепоезда. Готовый, сформированный поезд назвали «Лунинец», в честь знатного машиниста страны из депо Новосибирска Николая Лунина.

В начале мая 1942 года бронепоезд «Лунинец» стоял под парами на станции Тайга. Это были последние минуты прощания с родным городом.

Следуя на передовую под командованием старшего лейтенанта И. И. Даниловича, бронепоезд «Лунинец» вынужденно задержался под

Коломной. Там он вошел в состав 49-го Отдельного дивизиона бронепоездов. Далее двинулся в Москву ожидать приказ о движении на передовую.

Бронепоезд в составе 49-го отдельного дивизиона отправили на Юго-Западный (впоследствии Воронежский) фронт, где героически сражались сибирские дивизии. Воронежское направление было одним из главных и опасных, ибо гитлеровские войска намеревались обойти Москву с востока и, захватив ее, двинуться на Урал. Вражеские войска стремились расчленить и окружить силы Южного и Юго-Западного фронтов, занять Воронеж во что бы то ни стало. Под Воронежем разгорелись ожесточенные сражения. Врагу так и не удалось взять полностью Воронеж, и это потому, что советские войска здесь встали насмерть.

В июльские дни 1942 года на участке Елец–Касторная команда бронепоезда приняла первый бой. В районе станции Тербуны, недалеко от узловой станции Касторная, имелась важная стратегическая высота, занятая врагом и сильно укрепленная. Красноармейцы не раз поднимались на штурм, но не смогли ее взять лобовой атакой.

Перед командиром бронепоезда была поставлена задача: взяв пехотный десант, высадить его в тылу у фашистов и поддержать огнем. Десант был высажен. Гитлеровцы, не ожидавшие стремительного броска к себе в тыл, оставили высоту. Но на обратном пути, в полутора километрах от станции, завязался ожесточенный бой. Стремясь расчистить путь своим частям, неприятель двинул на станцию авиацию. Одиннадцать «Хейнкелей» налетели на бронепоезд. Их яростные атаки стойко отражали зенитчики лейтенанта Габитова. Хладнокровно прицельным огнем бил из пулемета сержант Кузнецов. Вскоре один из стервятников рухнул на землю. Вот уже и второй, подбитый, вышел из строя. Вражеская стая распалась. Впереди авиабомбами разрушило путь. А у зенитчиков, как назло, снаряды подходили к концу. Командир бронепоезда приказал «на всех парах» ехать вперед, на перегон, но было разрушено несколько звеньев пути. «Товарищ старший лейтенант, – обратился к командиру машинист бронепоезда П. Хурсик, – прошу дать мне людей для восстановления пути!». Петр Хурсик никогда не был путейцем. Но сейчас с командой в 16 человек, взяв с запасной платформы рельсы и шпалы, за полчаса засыпали воронки от бомб и восстановили путь. У реверса локомотива в это время находился другой тайгинский машинист – М. Шипачев. Умело маневрируя на коротком отрезке пути, он спасал поезда от бомбовых ударов немецких стервятников. Об этом бое 25 сентября 1942 года писала газета «Гудок». Гитлеровские самолеты, видя, что с бронепоездом у них ничего не вышло, обрушились на мост, решив отрезать «Лунинцу» путь к отступлению. Одна из бомб ударила в береговой устой. И в это же время недалеко от станции начали прорываться немецкие танки. Создалась критическая ситуация. Командир

бронепоезда приказал команде покинуть бронеплощадки, сняв материальную часть и с оружием переправляться на другой берег. Машинист П. Хурсик обратился к командиру: «Разрешите попытаться спасти бронепоезд. Я берусь провести его на ту сторону». Командир сказал: «Попытайтесь. А остальные члены бригады пусть идут вместе со всеми». Но паровозники единодушно заявили: «Мы остаемся с Хурсиком. Поможем ему». И они остались.

Медленно переведя реверс, машинист напряженно всматривался вперед и дал паровозу полный ход. Однако не было хорошего разгона, скорость едва достигла 30 км/час. Громадина поезда медленно вползла на мост. Прошла первая бронеплощадка, прошел бронепаровоз, затем вторая… И вдруг задняя платформа зависла над насыпью:обвалился береговой пролет моста. Машинист резко добавил открытие регулятора, и бронепоезд, после рывка, выполз на крепкий настил правого берега реки Искорец. Орудия дружно ударили по фашистам, прорвавшись на другой берег. Отбомбившись, фашистские самолеты улетели. Паровозники осмотрели состав. Все в порядке! Бронепоезд остался невредим.

Газета «Правда» в то время писала: «Беззаветно и самоотверженно воюет команда бронепоезда. С особым уважением и восхищением говорят в коллективе о паровозниках, которые своей выдержкой, лунинским уходом за бронепоездом, искусным маневром не раз спасали бронепоезд».

Отгремела знаменитая Курская битва. Немцы под ударами Советской армии откатывались на запад. Наши войска вскоре взяли Орел, Брянск. Шли освобождать Белоруссию. А южные фронты в это время освободили Белгород, вторую столицу Украины – Харьков. С боями упорно двигались вперед, к Полтаве, Кременчугу, освобождая все новые области Украины. В целом направление ударов по врагу – Днепр.

А наш бронепоезд? Недолго ему пришлось стоять на запасных путях. Подремонтировавшись, он в составе 49-го ОДБП по приказу командования двинулся освобождать столицу Украины – древний город Киев.

Особенно яростное сопротивление немцы оказали под узловыми станциями и городами Конотоп, Нежин, Бахмач, ибо тому, кто владел этими городами, открывался прямой путь к Днепру.

Входя в состав 60-й армии 1-го Украинского фронта, наш бронепоезд участвовал непосредственно во взятии этих сильно укрепленных врагом городов. Особый героизм проявил экипаж бронепоезда в боях за Бахмач 9 сентября 1943 года. Здесь в течение двух дней гремела канонада – орудийная перестрелка между «Лунинцем» и немецкими артиллеристами. Своей меткой стрельбой сибиряки не дали развернуться немецким танкам для атаки на наши войска и способствовали разгрому противника, который отступил к Нежину, потеряв четыре дивизии.

14 сентября бронепоезд совместно с войсками 60-й армии освободили и город Нежин. Это был последний опорный пункт немцев на подступах к Днепру – к Киеву.

В октябре 1943 года 49-й отдельный бронедивизион был переведен в состав Первого украинского фронта.

Всему оборонительному рубежу по Днепру, в особенности под Киевом, враг уделял особое внимание. К столице Украины немцы подтянули почти 4 тыс. орудий и минометов, до 400 танков и самоходных орудий, 665 самолетов. Советские войска, сосредоточившись на Лютежском плацдарме, прорвали оборону противника и к 4 часам утра 6 ноября, накануне праздника 26-йгодовщины Октября, освободили столицу советской Украины город Киев.

Бронепоезд «Лунинец», стоявший перед наступлением наших войск на станции Дарница, напротив Киева, не давал немцам покоя: он обстреливал укрепления врага на противоположном берегу реки, не позволив ему снять войска на помощь другим частям.

13 февраля 1944 года 49-й дивизион бронепоездов под командованием капитана Д. М. Шевченко приказом Верховного Главнокомандующего был удостоен почетного наименования «Шепетовский». В боях за Шепетовку экипажи бронепоездов произвели 56 огневых налетов, отразили 15 вражеских атак.

Подремонтировавшись после боев под Житомиром и Шепетовкой, бронепоезд по приказу командования, вслед за наступающими войсками двинулся на освобождение Польши. Здесь он был передан в состав 69-й армии Первого Белорусского фронта под командованием Г. К. Жукова. К концу 1944 года немцы создали крупную, глубоко эшелонированную оборону между реками Висла и Одер, где было оборудовано семь прочных рубежей. Составной частью этих полос был город Радом, южнее Варшавы.

В середине января 1945 года наша армия начала осуществлять Варшавско-Радомскую операцию. Бронепоезд был переведен под Радом. 14 января начались непосредственные бои за овладение им. Ввиду тумана и дождей вся тяжесть огневого обеспечения наступающих легла на артиллерию и танки. Бронепоезд постоянно поддерживал артиллерийские валы, громя передовой край обороны противника. Два дня шли бои за город. Немцы сопротивлялись с отчаяньем обреченных. 16 января 1945 года наши войска, подойдя с трех сторон к пригородам Радома, штурмом взяли город. Один из важных пунктов обороны фашистской армии пал. Вскоре была освобождена Польша. После освобождения Варшавы в январе 1945 года в одном из боев за город Равы- Русской был тяжело ранен сержант А. Т. Граков, и дальше бронепоезд «Лунинец» ушел без него. Долго Александр Тимофеевич лежал в госпиталях, на-

всегда остался инвалидом. Потом по возвращению в Тайгу работал помощником машиниста паровоза в депо.

После Варшавско-Радомской операции бронепоезд через станцию Варшава был переброшен к городу Петрокув, в освобождении которого ему пришлось участвовать непосредственно. После этого бои за Ченстохов – крупный опорный пункт обороны немцев на подступах к Верхней Силезии. Немцы настолько быстро отступали, что не успели разрушить предприятия Верхнесилезского промышленного района. Польское правительство быстро смогло их использовать для возрождения своей страны.

23 января 1945 года наши войска подошли к реке Одер в Верхней Силезии.

15 марта после 90-минутной артиллерийской подготовки, в которой участвовал и наш бронепоезд, началось новое крупное наступление наших войск в районе города Опель – крупном автомобильном центре Германии. Позиции врага были взяты, а армия пошла дальше на освобождение Чехословакии, на Берлин.

Пройдя с боями от Воронежа до Нижней Силезии, в городе Опельне дивизион закончил свой боевой путь.

В мае 1945 года бронепоезд «Лунинец» встал на «запасной путь» в г. Катовице.

12 февраля 1988 года в музей локомотивного депо пришло письмо от машиниста бронепоезда М. Ф. Шипачева, в котором он сообщил, что был на паровозе до самого конца войны, а точнее – до момента расформирования в 1946 году. Он прошел всю войну от Тайги до Опельна, и последним из тайгинцев покинул свой, ставший таким родным бронепоезд.

Т. П. Чуча,
сотрудник Анжерского городского музея

Печальной памяти страница

Массовые политические репрессии, связанные с ликвидацией кулачества как класса на основе политики сплошной коллективизации, оставили своеобразный след – страницу печальной памяти в истории города Анжеро-Судженска. 1931 год. Известно, что в этом году рабочий поселок получил статус города. Город Анжеро-Судженск в 1930-е годы был одним из крупных промышленных центров Западно-Сибирского края. В городе велась реконструкция действующих шахт. Наращива-

лась добыча угля, велось строительство кварцитового рудника, рудоремонтного завода, хлебопекарного комбината, реконструкция электрической станции, строительство Анжерской подстанции, кирпичного завода, швейной фабрики, мясокомбината и других предприятий. Все больше требовалось жилья.

А. П. Пашин

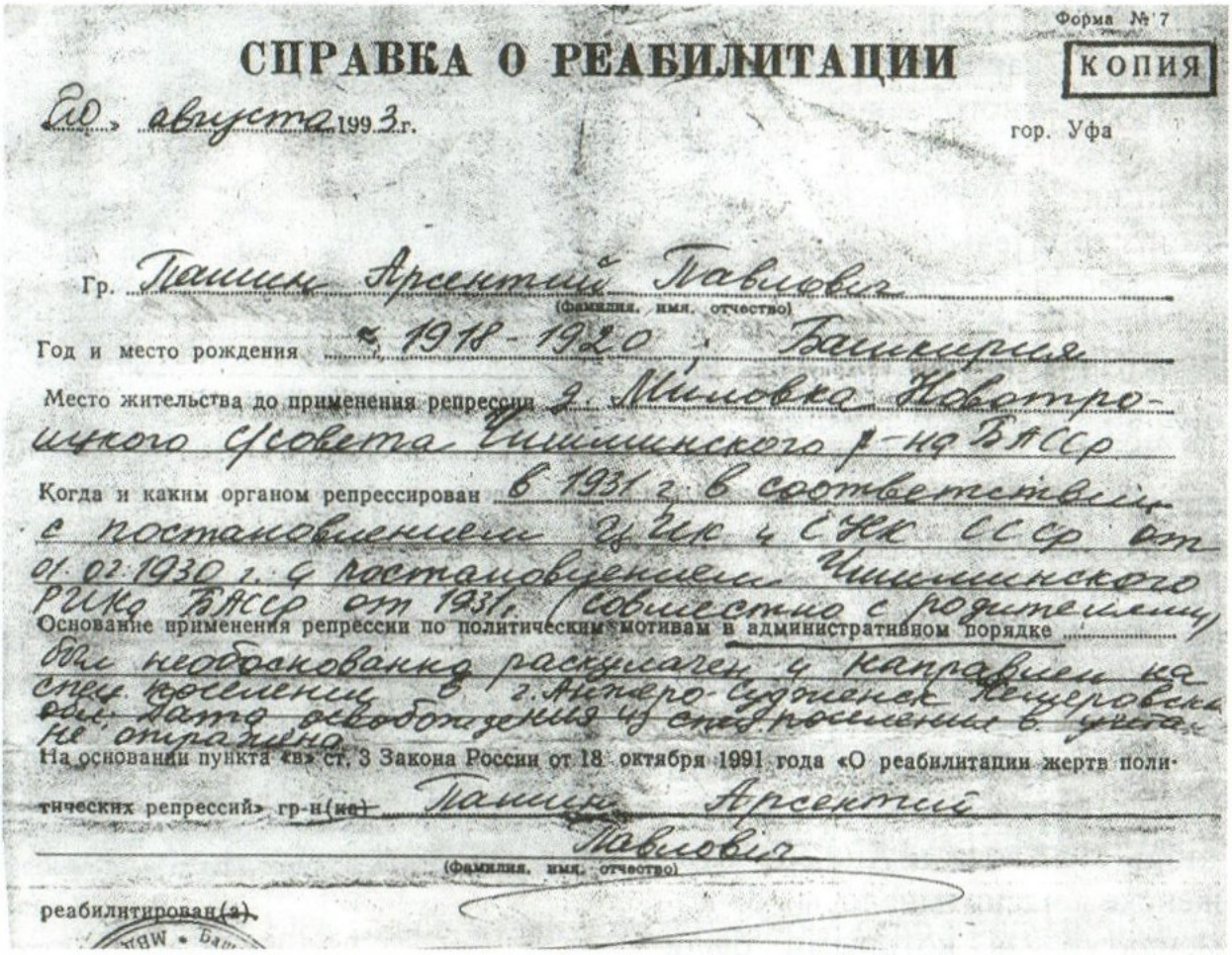
Город остро нуждался в рабочей силе. В решении этой проблемы заметный след оставил принудительный труд спецпереселенцев, несколько тысяч которых были направлены на поселение в наш город.

По документу архива УВД Новосибирской области, на сентябрь 1933 года в Анжеро-Судженске насчитывалось 35 комендатур, за которыми были закреплены 19 557 человек. В основном они работали на шахтах и в леспромхозах. Даже официальные документы об условиях жизни и работы спецпереселенцев под грифом «секретно» свидетельствуют о том, что это была непосильная борьба человека за выживание.

Сейчас уже нет в живых тех людей, которые подверглись репрессиям 30-х годов. Но живы еще их дети. Вместе с родителями испили они в полной мере чашу страданий, но выжили и связали свою судьбу с нашим городом.

Перед нами документ, относящийся к событиям тех лет, – справка о реабилитации Арсентия Павловича Пашина, 1918 года рождения, где отмечено, что он в 1931 году в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 1.02.1930 года и постановлением Чишминского РИКа БАССР от 1931 года (совместно с родителями) в административном порядке был необоснованно раскулачен и направлен на спецпоселение в Анжеро-Судженск. На основании пункта «В» статьи 3 Закона России от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» А. П. Пашин реабилитирован.

Справка не объясняет технологии раскулачивания и отношение современников к этому общественному явлению. Не раскрывает она и условий жизни спецпереселенцев. Поэтому так важны их воспоминания в интересах истины.



Форма № 7

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

КОПИЯ

«20» августа 1993 г. гор. Уфа

Гр. Пашин Арсентий Павлович
(фамилия, имя, отчество)

Год и место рождения г. 1918-1920 г. Башкирия

Место жительства до применения репрессии д. Миловка Новотро-ицкого сельсовета Чишминского р-на БАССР

Когда и каким органом репрессирован в 1931 г. в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 01.02.1930 г. и постановлением Чишминского РИКа БАССР от 1931 г. (совместно с родителями)

Основание применения репрессии по политическим мотивам в административном порядке

без необоснованно раскулачен и направлен на спец. поселение в г. Анжеро-Судженск Кемеровской обл. Дата освобождения из спецпоселения в учете не отражена

На основании пункта «в» ст. 3 Закона России от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» гр-н(ка) Пашин Арсентий Павлович
(фамилия, имя, отчество)

реабилитирован(а).

По воспоминаниям А. П. Пашина, его отец, Павел Егорович Пашин, 1882 года рождения, до раскулачивания имел в хозяйстве две лошади, две коровы, десять овец, птицу и прочую живность. Четыре десятины пашни и покос обрабатывались с помощью двух плугов, молотилки и сеялки. Семья выплачивала продналог в количестве 500 пудов зерна.

Перед высылкой родителей забрали. Продержали в заключении три месяца. А двух детей (Арсентию было 13 лет, а его брату – 11) в это время стерег уполномоченный. Родителей отпустили с предупреждением готовиться к выселению. Пригнали подводы, погрузили семьи Пашиных, Баженовых, Беляевых, Полюдовых и других и отправили в Уфу, где всех поместили в эшелоны и повезли, как оказалось, в Анжеро-Судженск.

Город не смог предоставить переселенцам жилья. Поэтому в июле 1931 года в районе современной церкви людей выгружали под открытое небо. Кто смог – стали рыть землянки. Еды не давали. Запасы заканчивались, начиналось полуголодное существование. От туберкулеза умер братишка, а потом и мать. Осенью отец записался работать на шахту. Расселили в бараках, спали на нарах. Еженедельно отмечались в комендатурах.

Детей с девяти лет привлекали на строительство школы № 29, возведение Дома Советов, где они выполняли подсобные работы (подносили

кирпичи, убирали мусор). Кроме этого, подростков использовали на расчистке железной дороги, сборе «даров леса».

Детей спецпереселенцев в школу не принимали. Начальную школу Арсений Пашин окончил только в 1936 году. Обучение в Горпромуче дало возможность получить специальность горнорабочего и начать работать на шахте № 12 Судженских копей. Жениться разрешалось только на репрессированных. Он выполнил и это условие. Жена его Чернова Мария Васильевна – спецпереселенка с Украины.

«В 1937 году, – вспоминает Арсентий Павлович, – нас с отцом и еще нескольких человек забирали на допрос. Пять дней держали без еды. Но потом выпустили. Важным событием в жизни нашей семьи было получение квартиры в бараке (комната 12 квадратных метров и кухня 7 квадратных метров). В ней жили отец с мачехой, мы с женой и четырьмя детьми».

Во время войны Арсентия Павловича дважды вызывали в военкомат, и дважды руководство шахты отстаивало его кандидатуру по производственной необходимости. В 1946 году был награжден медалью «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны».

Кандидатуру Арсентия Павловича на награждение орденом Трудового Красного Знамени партком шахты отклонил по причине репрессий.

Свидетельских показаний о переселенческих процессах раскулаченных можно приводить много. Вот воспоминания человека, который сам был раскулачен. Это Федор Александрович Елькин: «Родился в 1907 году в деревне Никольск, Орловского сельсовета, Колтосинского района Башкирии. Семья жила зажиточно. Получил образование и работал секретарем в сельсовете.

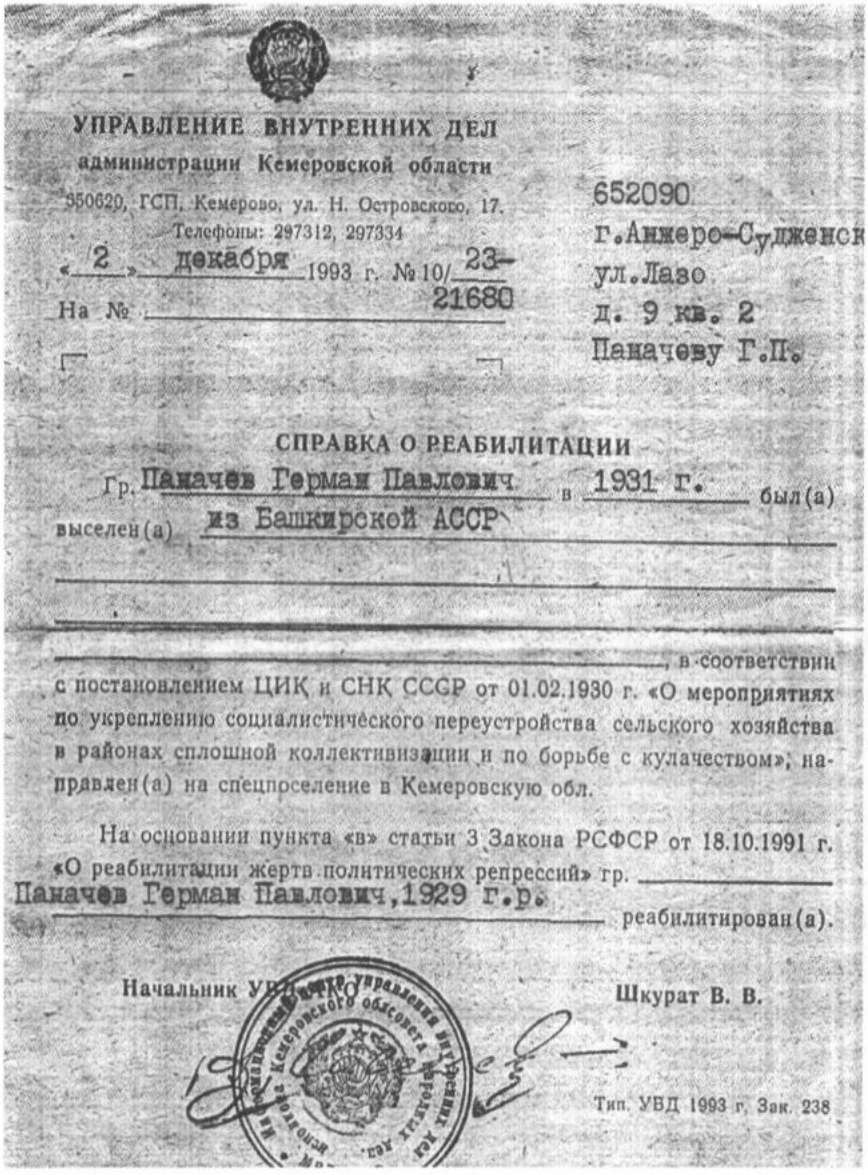
В середине июня 1931 года (когда семья гуляла на свадьбе младшего брата) к дому подъехали милиционеры и прямо из-за праздничного стола увезли в районное село Красный Холм, где собрали зажиточных хозяев, человек 200 со всей округи. Держали под арестом недели две, а потом объявили постановление: раскулачить и сослать в Нарымский край. Разрешили вернуться домой, а утром вместе с женой и сыном выехали в район. Там нас погрузили в эшелоны. Взять с собой можно было только узел с одеждой детей. В вагонах духота, грязь, голод. В полу отверстие для туалета. Ехали долго. В дороге начали умирать дети».

Всего в Новосибирск прибыло 12 эшелонов с семьями раскулаченных.

Там ждали дней десять, а затем объявили, что всех из Башкирии, Чувашии и Татарии направляют в Анжеро-Судженск, где на шахтах не хватает людей.

Охрану сняли в Новосибирске.

В конце августа в Анжеро-Судженск прибыло 12,5 тысячи человек. Вагоны загнали в тупик в районе горбольницы. Всех прибывших раз-



УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
администрации Кемеровской области
650620, ГСП, Кемерово, ул. Н. Островского, 17.
Телефоны: 297312, 297334

«2» декабря 1993 г. № 10/23-21680
На №

652090
г.Анжеро-Судженск
ул.Лазо
д. 9 кв. 2
Паначеву Г.П.

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Гр. Паначев Герман Павлович в 1931 г. был(а) выселен(а) из Башкирской АССР

, в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 01.02.1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», направлен(а) на спецпоселение в Кемеровскую обл.

На основании пункта «в» статьи 3 Закона РСФСР от 18.10.1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» гр. Паначев Герман Павлович, 1929 г.р. реабилитирован(а).

Начальник УВД Шкурат В. В.

Тип. УВД 1993 г. Зак. 238

местить в бараках спецкомендатуры на поселке не смогли. Часть отправили на лесоповал в комендатуры поселка Козлы, 326-го и 348-го кварталов, в мехлесопункт. Семьи, оставшиеся без места в бараке, рыли землянки, строили шалаши.

Осень и зима 1931/32 года были самыми трудными. Умирали по 12–15 человек ежедневно. Весной 1932 года среди спецпереселенцев началась эпидемия тифа, инфекционные бараки находились в районе железнодорожного вокзала.

Летом 1932 года семью Елькина перевели в комендатуру 325-го квартала. Там жило примерно человек 200–250. В этом районе находился один барак и землянки вокруг него. В бараке нары в два этажа. Каждая семья жила на нарах. Все происходило в одном месте: здесь спали, играли дети, стирали белье, готовили пищу.

Вместе с семьей Елькиных жили Аюповы, Морозовы, Малыгины, Цымбал и другие. В 1933 году выстроили деревянную школу, а семьям разрешили строить свое жилище. Так появились первые две улицы.

Перед войной поселки 326-го квартала, Козлы были большими населенными пунктами. Спецпоселенцев стали мобилизовывать на фронт только с весны 1942 года. Ушли защищать Родину человек около ста, вернулись единицы. В 1946 году по приказу МВД СССР комендатуры были распущены.

Под закон о репрессиях попала и семья Панычевых, проживавших в селе Емаши Белокатайского района Башкирии. У Павла Васильевича (1904 г. р.) и Натальи Захаровны (1905 г. р.) было трое детей. Их семья

была распределена на лесозаготовительный участок 326-го квартала. Отец и мать работали на лесозаготовках. Семье удалось выжить только благодаря тому, что собирали дары леса (ягоды, колбу, орехи, траву, грибы).

«Нашу семью привезли в Анжеро-Судженск в 1931 году, – рассказывал Герман Павлович, – помню четыре ступеньки в землянку. Постоянное чувство голода. Здесь умерли два моих брата – Георгий и Анатолий. Захоронений было очень много. Отец мой, пройдя все унижения спецпереселенца, воевал на фронтах Великой Отечественной войны, там и погиб. Сам я окончил семь классов, Томский политехнический техникум, Красноярский лесотехнический институт и в течение 20 лет возглавлял электромеханические мастерские в нашем городе».

«У нас отобрали все: дом, скотину, инвентарь, пасеку и привезли на голую кочку. А в семье семь человек. Но мы выжили, выучились, вышли в люди», – вспоминает Елена Федосеевна Зонина. Более 30 лет проработала она на Анжерском машиностроительном заводе электросварщицей. За свой труд Елена Федосеевна награждена орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, в 1966 году избиралась депутатом в Верховный Совет СССР.

Только в 1931 году Анжеро-Судженск принял 2369 семей – спецпереселенцев из числа раскулаченных. Никто не считал, сколько спецпереселенцев погибло от холода, голода, болезней. Фактически репрессии – это постоянный спутник советской власти периода ленинско-сталинского правления, в том числе и в отношении раскулаченных.

Репрессированы семьи Башиных, Белявских, Баженовых, Полюдовых, Елькиных, Панычевых, Аюповых, Морозовых, Малыгиных, Цымбал, Новиковых, Губайдуллиных, Байбуриных, Рахматуллиных, Булгаковых, Уразбахтиных и многих других.

Судьбы переселенцев назидательно свидетельствуют современному поколению о недопустимости новых революционных потрясений в России, которые искалечили судьбы многих граждан великой страны.

О. П. Гарбузова,
директор Чебулинского районного краеведческого музея

«Из газеты я узнавал, как живут и работают люди в тылу»

Постановлением ВЦИК от 18 января 1935 года был образован Чебулинский район, а спустя два месяца оргбюро Западно-Сибирского

крайкома ВКП(б) по Чебулинскому району приняло постановление о создании своего печатного органа. В документе говорится: «Выпустить райгазету оргбюро и оргкомитета Чебулинского района. Название газеты – "Искра Ленина"». Ответственным редактором газеты был утвержден Н. Новожилов.

22 июня 1935 года по улице Ленинской районного центра в доме № 12 начала действовать типография издательства газеты «Искра Ленина». Первая газета, отпечатанная здесь, датирована 25 июня. Вышла она тиражом 750 экземпляров на грубой серой бумаге с примесью опилок. Выпускалась газета один раз в пять дней на двух полосах. Скромность тиража объясняется просто: среди жителей района людей, не умеющих читать, было гораздо больше, чем грамотных. Поэтому свой первый большой поход «Искра Ленина» начала именно против безграмотности. Ломкие, пожелтевшие страницы доносят до нас дыхание той эпохи:

«В колхозе "Оборона" (Карачаровский сельсовет) доярки молочно-товарной фермы организовали кружок ликбеза и начали в нем свои занятия. Для руководства кружком они выбрали тов. Долматову, доярку этой же фермы, и с ее помощью занимаются. Тов. Долматовой 17 лет. Несмотря на молодость, она уже хорошо грамотна. Взяв от доярок слово, что они будут посещать занятия, она с ними охотно согласилась заниматься. Кружок стал хорошо заниматься с первых дней»;

«Лучший избач района – тов. Прокопчик, заведующий Николаевской избой-читальней. Он привел помещение избы-читальни в чистый, культурный вид, приобрел необходимое оборудование и библиотеку в 530 книг. При избе-читальне работают 10 кружков, в них проведено 58 занятий. Изба-читальня получает 12 экземпляров газет и журналов. Все публикации постановлений партии и правительства аккуратно прорабатываются с колхозниками. Товарищ Прокопчик настойчиво борется за включение в культпоход всех колхозников и хорошо помогает в этом сельскому Совету. За хорошую организацию работы избы-читальни ему назначена зарплата вместо 85 р. – 130 р. в месяц».

«На краевом слете учителей – ударников от Чебулинского района участвовали 3 лучших учителя-ударника: Н. А. Коломеец (зав. Ивановской школой), Ф. И. Романов (директор Николаевской НСШ), Коссович (зав. учебной частью Усть-Сертинской НСШ)».

Страна строила социализм, и уже в первых номерах «Искры Ленина» определилось основное направление газеты – вовлечение колхозников района в поход за высокую производительность труда, развитие социалистического соревнования среди трудящихся. Многие статьи и заметки освещают ход основных сельскохозяйственных кампаний, много внимания уделяется передовым колхозам и ударникам труда, почти в каждом номере есть материалы на тему стахановского движения. На страницах «районки» появляется Доска почета, куда заносятся лучшие

колхозы, бригады, отдельные передовики. Десятки имен неутомимых тружеников проходят перед читателем: пчеловод из колхоза «Красные соколы» М. Основа и работница овцеводческой фермы колхоза им. Володарского П. Караульнова, конюх колхоза «Маяк Ильича» М. Пацуло и табаковод колхоза «Путь Ильича» Л. Сладкова, бригадир Верх-Чебулинской МТС П. Манузин и председатель колхоза «Ударная» В. Куничкин, кузнец Усть-Сертинской МТС С. Филин и телятница колхоза «1 Мая» Ф. Попова…

Газетный материал отражает движение за повышение дисциплины труда на производстве, борьбу за повышение урожайности. Нелегкое было время. Многого не хватало. Вот, к примеру, как поощряли ударников стахановского движения 1 мая 1940 года: «Правление колхоза "Маяк Ильича" для премирования стахановцев и ударников, проявивших себя на весенних полевых работах, выделило 1000 рублей денег и 2 пары сапог».

Но материальные трудности не были помехой для энтузиастов. Люди с надеждой смотрели в будущее.

…Сгущались тучи новой мировой войны. Газета, показывая ударный труд людей, готовила их к активной обороне, вела работу по воспитанию у каждого чебулинца стойкости, мужества, преданности Родине. В это время много печатается материалов о международной жизни, постоянными стали сводки о положении дел на германском фронте. Читателей у газеты прибавилось, теперь ее тираж колеблется в пределах двух тысяч экземпляров.

Мирный, созидательный труд советского народа был в одночасье прерван грянувшей с запада войной. Газета сохранила для нас память о тех огненных годах. «Искра Ленина» – единственное для Чебулинского района печатное издание, подробно раскрывающее подвиг жителей небольшого сельского района в глубоком тылу.

Хлеборобы и животноводы, строители и учителя оставляли свои семьи и трудовые коллективы, уходили на фронт защищать Родину. Кто их заменит на рабочих местах? Ответ находим в районной газете за 3 июля 1941 года: «Нам со старухой по 60 лет. Живем мы в колхозе "3-й Интернационал". С 1931 года по настоящее время я работал машинистом молотилки МК-1100. За этот период был неоднократно премирован. Старуха моя работала по хозяйству. Услышав о наглых действиях фашистских варваров, мне всей душой хочется ехать на фронт, уничтожать фашистскую гадину. Но меня не берут в РККА. Я стар. Обменявшись мнениями со своей старушкой, мы решили оказать помощь бойцам Красной армии честным трудом на трудовом фронте. Мы обратились к дирекции МТС с просьбой доверить нам комбайн. Я буду работать комбайнером, а жена штурвальным. Берем на себя обязательство убрать за сезон 500 гектаров и сэкономить 600 килограммов горючего.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСКРА ЛЕНИНА

Орган Чебулинского райкома ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся, Новосибирской области.

№ 58 (515) | 3 июля 1941 года | Цена 10 коп.

Бить врага на фронте, стахановским трудом в тылу!

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время

В целях обеспечения выполнения производственных заданий, связанных с нуждами военного времени, Президиум Верховного Совета СССР **постановляет:**

1. Предоставить директорам предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли право устанавливать, с разрешения Совнаркома СССР, как для всех рабочих и служащих предприятий, так и для отдельных цехов, участков и групп рабочих и служащих обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1-го до 3-х часов в день.

2. Лица, не достигшие 16 лет, могут быть привлечены к обязательным сверхурочным работам продолжительностью не более 2-х часов в день.

3. Не могут быть привлечены к обязательным сверхурочным работам беременные женщины, начиная с шестого месяца беременности, а также женщины, кормящие грудью — в течение шести месяцев кормления.

4. Оплату обязательных сверхурочных работ рабочим и служащим производить в полуторном размере.

5. Отменить очередные и дополнительные отпуска, заменив их денежной компенсацией за неиспользованный отпуск, во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях. Отпуска предоставлять лишь в случае болезни. Отпуска по беременности и родам предоставлять в соответствии со ст. 14 постановления Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 года.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР **М. Калинин.**

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР **А. Горкин.**

Прием тов. Молотовым В. М. английского посла г. Криппса и членов английских миссий

27 июня Народный комиссар иностранных дел тов. В. М. Молотов принял возвратившегося в Москву английского посла г. Стаффорд Криппса, который представил тов. Молотову прибывших членов военной и экономической английских миссий, а также весь дипломатический состав английского посольства в Москву.

Заявление министерства иностранных дел Мексики

Нью-Йорк, 27 июня. (ТАСС). По сообщению агентства Юнайтед Пресс, министерство иностранных дел Мексики в своем заявлении осудило нападение Германии на Советский Союз, назвав это нападение «одним из наиболее трагических нарушений международной этики, когда-либо отмеченных в истории».

УКАЗ

Я призываю всех престарелых принять активное участие в общественном труде. С. К. Становкин».

«В Красной армии у меня три сына: Илья, Василий, Федор. Четвертый сын Николай – комсомолец, 1924 года рождения, – хоть сейчас готов пойти на защиту родной земли. Теперь, когда молодежь идет защищать страну, на нас, оставшихся дома, лежит огромная задача – вырастить и полностью сохранить урожай, дать стране как можно больше хлеба и других продуктов. Каждый из нас должен работать за двоих, этим мы поможем нашей доблестной Красной армии быстрее разгромить врага. Мне 67 лет, но я вырабатываю ежегодно по 450–470 трудодней. В этом году буду работать еще лучше, еще самоотверженнее. Моей жене 63 года. Она вырабатывает по 100–120 трудодней. Е. Григорьев».

О том, чем жили чебуляне долгие четыре военных года, просто и доходчиво рассказывают газетные строчки. В первые месяцы войны заголовки статей носят призывный характер: «Бить врага на фронте, стахановским трудом в тылу!», «Для защиты Родины!», «Все на оборону страны!», «Для Красной Армии!», «Работать по-военному, практическими делами помогать фронту!», «Так требует военная обстановка». В редком номере отсутствует рубрика «От Советского Информбюро». Большая часть населения района узнавала о фронтовых событиях именно из этих строк, «районку» в наших деревнях зачитывали в буквальном смысле до дыр.

Не меньшей популярностью пользовалась «Искра Ленина» и на фронте. Из воспоминаний участника Великой Отечественной войны Никифора Демидовича Барабаша: «Летом 1942 года, будучи на фронте, я получил из дома письмо. Конверт был толстым, прямо распухшим. Я подумал плохое. Ведь у нас четыре брата были в армии, не о гибели ли кого из родных здесь рассказывается, уж слишком много бумаги. К моей радости – нет! В конверт вместе с письмом была вложена «Искрушка» (так мы ее называли). Лучше всякого письма рассказала мне газета о родине и земляках. Мои товарищи тоже с большим интересом и удовольствием читали ее, каждому хотелось подержать в руках домашнюю газету, узнать, чем живет тыл в эти трудные для страны дни».

А Анатолий Михайлович Рыжков во время своего пребывания на фронте сам просил родных присылать ему «Искру Ленина»: «Ведь так, как расскажет газета о жизни района, никто из моих родных описать не сможет. Из газеты я узнавал, как живут и работают люди в тылу».

Люди работали в тылу не щадя себя – по 18 часов в сутки, без выходных и отпусков. И без каких-либо возмущений по этому поводу, ибо еще в первые недели войны с помощью все той же районной газеты познакомились с правительственным Указом о режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время, узаконившим сверхурочные работы и отменившим отпуска. Нормы выработки перевыполнялись в два-четыре раза. Даже детьми. И вот в одном из номеров газета рассказывает о 14-летней патриотке Жене Кондратьевой из колхоза «3-й Интернационал», которая на скирдовании снопов ежедневно дает по три нормы. Трудовые коллективы пересматривают производственные планы, берут повышенные обязательства перед государством – газета без промедления доводит информацию об этом до своего читателя. Вот лишь один пример: «Колхоз "Трактор" Покровского сельсовета уже давно выполнил свои обязательства перед государством по хлебопоставкам, вывез на элеватор около пяти тысяч центнеров зерна. На собрании колхозники решили продать еще три тысячи центнеров. М. Новиков, 60-летний старик, сказал на собрании: "Мне пошел 61-й год. Я – инвалид 2-й группы, участник Русско-японской и Гражданской войн. Но я еще способен работать – помогать фронту. Было время, когда мы получали по 8 и более килограммов зерна на трудодень. Сейчас же себе надо оставить поменьше, а государству дать побольше"».

В первый же военный год при МТС (а их в районе было три) создаются курсы по подготовке механизаторов. На них обучаются в большинстве своем 17–20-летние девушки. Помимо профессиональных навыков, здесь они приобретают умение пользоваться винтовкой и противогазом. Газета не жалеет своих площадей для поименного перечисления отличников учебы, чем, несомненно, поднимает им дух перед лицом предстоящих неимоверных трудностей.

Повсеместно на колхозных полях выращивается табак. Высоких результатов на его возделывании добиваются табаководы одноименного с газетой колхоза – «Искра Ленина», где бригадиром комсомолка Клавдия Ерошенко. Об успехах этого коллектива печатный орган района рассказывал не однажды. По этим статьям и заметкам и сегодня, спустя десятилетия, можно проследить динамику урожайности, узнать имена членов бригады-ударницы.

Во всех населенных пунктах района действуют комиссии по организации сбора теплых вещей для бойцов Красной армии. Селяне сдают тулупы и валенки, ватные брюки и рукавицы, шапки и носки, полотенца и овчины… Лучше, чем где-либо, эта работа ведется в селах Чумайского и Новоказанского сельсоветов, где пример активности подают руководители хозяйств. Не остались в стороне чебуляне и от всенародной акции по сбору средств в Фонд обороны. В июне 1944 года газета сообщает: «Колхозники, рабочие, служащие вкладывают свои трудовые сбережения в Сталинский фонд Победы. В колхозе "Колос Сибири" Курск-Смоленского сельсовета Е. С. Алябьев внес наличными 7000 рублей на строительство танкового корпуса "Кузбасс", председатель колхоза Подхомутников – 5000 рублей… Колхозники Новоалександровского сельсовета подписались на сумму 58 800 рублей, рабочие леспромхоза – на 39 000 рублей. В течение двух часов собрали и внесли 25 тысяч наличными работники Верх-Чебулинской МТС».

Зима еще в самом разгаре, а колхозы уже активно готовятся к севу. Первыми приступили к подготовительным мероприятиям хозяйства Кураковского сельсовета «Ясная поляна» и «Красный партизан». Здесь в общей сложности уже собрано и вывезено на поля 11 центнеров золы, 650 возов навоза, ведутся работы по снегозадержанию. Об этом газета информировала в январе 1942 года.

Но какой бы трудной и напряженной ни была жизнь селян в те роковые годы, и в ней находилось место маленьким радостям. Молодежь села Ивановка устроила массовые соревнования по ходьбе на лыжах. «Убили» двух зайцев сразу: отдохнули на славу и сдали нормы на значок ГТО. Победителями в соревнованиях были признаны Федор Панибратов и Екатерина Деменкова.

Газета не обходит вниманием ни одно событие, представляющее общественный интерес. В январе 1942 года на фронте паренек из Чумая Семен Митин, рискуя собственной жизнью, спасает от неминуемой гибели группу своих товарищей. Лишь только известие об этом долетает до района, оно становится достоянием всех его жителей. Очередной номер газеты выходит со статьей, озаглавленной: «Подвиг разведчика Семена Митина». В январе 1945 года приезжает в краткосрочный отпуск домой бывший тракторист из Шестакова Иван Фролов. Это событие также не остается незамеченным газетой. Оно и понятно: уходил

на войну Иван Яковлевич обыкновенным парнем, а теперь он – Герой Советского Союза, гордость всех своих земляков!

Невозможно без волнения читать «Искру Ленина» победного 1945 года. Март, война еще не окончена, но в колхозе «Раздолье» Михайловского сельсовета уже отмечают победу – трудовую, и довольно весомую: по итогам работы за 1944 год хозяйство стало победителем областного соревнования в сфере животноводства, поэтому награждено переходящим Красным знаменем и премией – промышленными товарами на сумму 5 тыс. рублей.

Вот заметка под заголовком: «Домой на Родину». В ней рассказывается, как тепло и радушно встречали чебуляне на родной земле первую группу воинов-освободителей. А вот призывный заголовок: «Равняйтесь на тов. Щурову!» А под ним такие строки: «Колхозница колхоза "Искра Ленина" Евдокия Семеновна Щурова по-стахановски работает на уборке урожая. Ежедневно косой вручную она выкашивает до 1,65 га хлеба. Для работы ей бригадиром отводится отдельный участок. Используя весь световой день, она обкашивает отведенный участок. Евдокия Семеновна еще до выхода на работу остальных колхозников выполняет дневную норму».

На первой странице одного из сентябрьских номеров – районная Доска почета, на нее занесены труженицы колхоза «Трактор» Мария Сухомлинова и Анастасия Зуева. Мария отгрузила на своей корове 124 центнера зерна и заскирдовала 4,5 гектара хлеба. Анастасия вывезла на корове 323 центнера зерна. Все это свидетельствует о том, что с окончанием войны не закончился для селян напряженный труд. Он набирал новые обороты для оказания помощи стране по восстановлению разрушенного народного хозяйства.

… За послевоенные 60 лет в судьбе чебулинской «районки» произошел ряд изменений. В 1963 году район был упразднен и вошел в состав Мариинского, газета перестала существовать. С восстановлением района в 1967 году произошло ее второе рождение под несколько измененным названием «Ленинская искра». С 1994 года она стала именоваться «Чебулинской газетой».

Меняется время, меняется общественный строй, соответственно меняется тематика публикаций. Но, несмотря ни на что, одна тема остается для газеты святой и незыблемой – это тема подвига чебулян на фронте и в тылу. Трудно подсчитать, о скольких человеческих судьбах военной поры поведала газета своим читателям. О фронтовиках, солдатских вдовах и матерях, детях войны и труженицах тыла она рассказывает постоянно, а не только по случаю юбилейных дат. Вероятно, не последнюю роль в закреплении этой традиции сыграло то, что в разные годы в редакции газеты работали люди, знавшие о войне не понаслышке. В течение нескольких послевоенных лет ответственным секретарем

газеты трудился Герой Советского Союза Григорий Яковлевич Ямушев. Более 30 лет посвятил чебулинской «районке» Виктор Исаевич Белинкин. Двенадцать лет возглавлял редакционный коллектив Станислав Дмитриевич Жужган, его сменил Александр Егорович Култаев.

Все названные люди – бывшие фронтовики. Рука об руку с журналистами работали полиграфисты, чью судьбу также не обошла война. Екатерина Кузьминична Зозолева начала выпускать газету еще в довоенную пору и все четыре военных года простояла у наборного стола. Ее коллега по цеху Акулина Сергеевна Федорова – ветеран войны.

В преддверии всенародного юбилея – 60-летия Победы в Великой Отечественной войне – чебулинская районная газета из номера в номер публиковала все новые и новые материалы, проливающие искорку света на те далекие, невыносимо трудные и героические годы. Этим она осуществляет принцип преемственности со своей предшественницей – газетой «Искра Ленина».

Библиографический список литературы по теме

1. Полувековая летопись (передовица) // «Ленинская Искра». 1985. 22 июня.
2. Газета «Искра Ленина»: 5 февраля, 31 мая 1936 г., 12 мая, 7 июня, 5 декабря 1940 г., 3 июля 1941 г., 6, 10, 20, 27 января, 6 февраля 1942 г., 25 марта, 30 июня, 24 августа 1944 г., 12 января, 27 июля, 28 сентября 1945 г.
3. Барабаш Н. Газета хранит историю // Ленинская Искра. 1985. 26 марта.
4. Рыжков А. Родная из родных // Ленинская Искра.1985. 22 июня.

Т. Г. Ананьина,
директор Междуреченского
городского краеведческого музея

Их судьбы пересеклись здесь

Мы, другое поколенье,
Говорим от всей души:
«Пусть вам памятником будет
Город, выросший в глуши!».
Р . С. Федай, учитель

О больших запасах угля Томусинского района было известно давно, но основательно к их освоению приступили только в 1948 году. Для строительства первой шахты в городе Междуреченске «Томусинская-1-2», обогатительной фабрики и жилья для будущих горняков срочно потребовались тысячи рабочих. Где было их взять? Выход нашли…

Из приказа министра внутренних дел Союза ССР генерал-полковника С. Круглова от 30 апреля 1951 года № 00221 «Об организации особого лагеря № 10»: «Организовать на территории Кемеровской области для строительства шахт Томь-Усинского месторождения Кузнецкого угольного бассейна особый лагерь № 10 МВД на 25 000 заключенных… Присвоить особому лагерю наименование "Камышовый". Управление лагеря дислоцировать в поселке Ольжерас Кемеровской области».

Но еще в начале сентября 1948 года на берега реки Ольжерас прибыла небольшая группа из военных, расконвоированных заключенных во главе с заместителем областного управления МВД майором Прилипко. На месте непроходимых лесов и болот прибили дощечку – «ЛО-16» (лагерное отделение № 16). 4 октября 1948 года со станции Сталинск-Товарный сюда пришел очередной этап. Шли пешком трое суток. Позже трассу в народе назвали «Слезный тракт». К зиме стали прибывать партии с заключенными. Началось строительство лагеря на 7,5 тыс. человек.

Вот еще один «замечательный» документ того времени, относящийся к нашему региону: «Товарищу Берия Л. П. Для развития строительства шахты, обогатительной фабрики и лагеря на пять тысяч человек выделить 30 000 метров брезента для пошива палаток и 50 тонн колючей проволоки. 22 марта 1948 года. А. Задемидко».

Первый начальник лагеря «Ольжерас» В. К. Климец прибыл из Байдаевской зоны вместе с 27 помощниками-заключенными; все знали, что он тоже репрессирован. Василий Константинович организовал строительство пекарни, палаток-столовых, трех жилых палаток на 25 мест, нескольких юрт на пригорке для охраны и начальства, устроил шизо (штрафной изолятор). Среди прочих в октябре 1948 года здесь оказался Александр Захарович Рублев, осужденный и сосланный в Сибирь за то, что с друзьями-подростками скормил отощавшим колхозным лошадкам мешок семенного овса. Междуреченск стал его Родиной, а сам он – прославленным машинистом экскаватора, погрузившим первые тонны угля на первом предприятии открытой добычи угля Томусинского рудника – разрезе «Красногорский», кавалером орденов «Трудовой славы», Трудового Красного Знамени, знаков «Шахтерская слава» всех степеней.

Странное это было место отсидки: первые ограждения зоны – из плетеного тала, позднее -- из колючей проволоки в две стены. Кладбище близ лагеря появилось сразу же после прибытия этапа, когда несколько человек умерло в дороге. Бригадиром похоронной команды лагеря «Ольжерас» был назначен Аким Корнейчук (отец писателя-драматурга Александра Корнейчука). Рассказывали, что его семь сыновей ушли на фронт. Отец остался в деревне на Украине. Немцы его назначили старостой. За это и поплатился 10-летним сроком. После отбытия срока

продолжал работать на кладбище. Дети увезли Акима Корнейчука на родину уже в преклонном возрасте.

Поселок Ольжерас современного Междуреченска расположен на месте массового захоронения заключенных, умерших по разным причинам: от эпидемии дизентерии после наводнения 1949 года, гибели на речной переправе, поножовщины уголовников в 1951 году. Остановить бунт смог только приглашенный начальством главный инженер Ольжерасского шахтостроительного управления Абрам Натанович Тонкилевич. Между прочим, главный инженер Метростроя, прокладывавший подземку у Кремля, удостоенный почетного звания лауреата Сталинской премии, был выслан в наши края по неясной причине: то ли как лицо еврейской национальности, то ли просто на строительстве новых шахт нужны были такие специалисты. Одно известно точно: «зеки» его уважали за светлую голову и справедливое к ним отношение.

Осенью 1951 года сюда стали доставлять этапы заключенных. Это были «бытовики» и осужденные по статье 58-8 (и т. д., со всеми пунктами), означавшей «за преднамеренный вред, нанесенный интересам Родины». Здесь они получали по пять номеров на одежду каждый, т. е. у них уже не было ни имени, ни фамилии. Общее число заключенных этого лагеря было более десяти тысяч человек. Среди них были очень известные в стране люди: ныне всемирно известный ученый, историк-этнограф Лев Николаевич Гумилев, сын великих русских поэтов – Николая Гумилева и Анны Ахматовой; министр морского флота СССР и Севморпути А. Афанасьев; первый секретарь Ульяновского обкома партии И. Терентьев; посол СССР в Китае Н. Казанин; директор Северодвинского завода атомного судостроения адмирал С. А. Боголюбов; народный артист СССР К. Печковский (певец Мариинского оперного театра); будущий политический обозреватель ЦТ Л. А. Вознесенский (племянник министра здравоохранения СССР и сын ректора Ленинградского университета); советский разведчик, полковник Яков Бронин; будущий всемирно известный шекспировед, профессор А. Гениушас; поэт А. Мишкинис; композитор Л. Пятигорский; будущий лауреат Ленинской премии архитектор А. Печкаускас и многие, многие другие. В лагерях Томусы побывала и народная, любимая всей страной певица Лидия Андреевна Русланова. Правда, в далеком 1950 году прибыла она сюда не по своей воле, а под охраной, с группой других артистов культбригады, созданной в Тайшет-Озерлаге.

Узники «Камышлага» построили школу в Ольжерасе, городскую больницу, обогатительную фабрику «Томусинская», шахту «Томусинская-1-2», первые дома Коммунистического проспекта, двухэтажные дома в старом Междуречье.

Писатель и историк Юрий Парфентьевич Панов, проживающий в городе, много лет занимался поисками материалов об узниках лагерей

Томусы. Свой уникальный по исторической значимости архив он подарил городскому краеведческому музею. Это он принес сюда книги с автографами писателей ближнего зарубежья, фотографии народных артистов, политических деятелей, архитекторов, строителей, военачальников, простых людей, неожиданно ставших в свой час «врагами народа» и волею судьбы оказавшихся на болотах «Камышлага». Музейную экспозицию пополнили их письма о нелегких годах заточения, адресованные Юрию Парфентьевичу.

Особая страница экспозиции посвящена ученому-философу Льву Николаевичу Гумилеву. До 1953 года он находился в одном из лагерей отделения «Междуречье». Вот что он пишет в письме Ю. П. Панову: «Сидел я рядом с Ольжерасом в лаготделении "Междуречье", на берегу реки Уса. Работал сначала на строительстве коттеджей, а потом, получив инвалидность, библиотекарем. Со мной вместе были ныне покойный певец Печковский, сын ректора Ленинградского университета Л. А. Вознесенский и несколько иммигрантов-возвращенцев. Там я начал писать свою монографию "Хунна". В 1953 году наш лагерь перевезли в Омск, откуда я и освободился в 1956 году».

Двенадцать лет назад не стало Л. Н. Гумилева. В городском музее Междуреченска будут теперь храниться его книга с дарственной надписью: «Милым междуреченцам…», фотографии, другие документы Возможно, когда-нибудь одну из новых улиц Междуреченска назовут именем Льва Гумилева.

Мы вместе с Юрием Парфентьевичем Пановым мечтаем об издании его книги «Сиблаг ГУЛАГа». Ни в какой литературе нет до сих пор упоминаний о лагерях Томусы. Хотя по трагической судьбе десятков тысяч политзаключенных наш район справедливо было бы причислить к известным каторгам Колымы, Воркуты, Караганды, Норильска и другим островам ГУЛАГа.

Осенью 2004 года сотрудники музея совершили поездку по местам неволи, где в конце 40-х – начале 50-х годов на исправительных работах содержались, зачастую вместе с уголовниками, жертвы политических репрессий. Была поставлена задача: собрать на месте материальные свидетельства существовавших лагерных отделений. Наша группа нашла остатки бывшего бура – барака усиленного режима. Только по крепкому еще фундаменту можно определить размеры самого мрачного здания узников. Здесь мы нашли решетчатые и металлические двери с окном-глазком и дверцей-«кормушкой»; помятый, но хорошо сохранившийся оцинкованный рукомойник, алюминиевую чашку и печально известную парашу. Мы привезли свидетельства мрачных времен первостроителей города под крышу краеведческого музея

Памятникам этим людям стал построенный среди болот красавец Междуреченск, отметивший 50-летний юбилей в 2005 году. Музей, вос-

станавливая забытые страницы истории строительства города, вносит и свою маленькую лепту, открыв к юбилею города новую экспозицию «Памяти жертв политических репрессий».

Библиографический список литературы по теме

1. Панов Ю. П. Сиблаг ГУЛАГа. Кемерово, 2006.
2. Марченко С. Г. Узник «Камышового» ИТЛ // Вестник УИС Кузбасса. 2004. № 6.
3. Келлер В. К. Мы строили «слезный тракт» // Знамя шахтера в новом тысячелетии, № 52.
4. Келлер В. К. Стратегия Тонкилевича // Знамя шахтера в новом тысячелетии, № 22.
5. Худик Л. А. По этапу с ярлыком «58» // Контакт. № 86.

Е. С. Генина,
канд. ист. наук, доцент КемГУ

«Дело КМК» (1949–1952): основные вехи

В сентябре 2007 года исполнится пятьдесят пять лет со времени трагической расправы над кузбассовцами, проходившими по «делу КМК». Исходя из сфабрикованных обвинений, ряд ответственных работников Кузнецкого металлургического комбината объявили причастными к деятельности «нелегальной еврейской синагоги» Сталинска (ныне Новокузнецк). Процесс по «делу КМК» стал одной из составляющих кампании по борьбе с космополитизмом в СССР конца 1940-х – начала 1950-х годов.

После прибытия евреев из западных районов СССР (прежде всего польских евреев) в начале Великой Отечественной войны в Сталинске сосредоточилось значительное число лиц еврейской национальности. В 1942 году пожилые евреи в одном из бараков Нижней Колонии, расположенном напротив стадиона «Металлург», начали проводить молитвенные собрания. Старики-евреи и присоединившаяся к ним молодежь совершали религиозные обряды, собираясь по субботам и религиозным праздникам. В проповедях содержался призыв к борьбе с немецкими оккупантами. Проводились денежные сборы в помощь эвакуированным [1].

В 1946 году, в соответствии со специальным советско-польским соглашением, содержавшие синагогу польские евреи выехали на родину, продав религиозные книги, написанные на древнееврейском языке, И. Б. Рапопорту. Теперь молитвенные собрания продолжались в квартире И. Б. Рапопорта, ставшего раввином синагоги, по адресу: ул. Коминтерна, дом 7, кв. 43. Он родился в 1886 году в Винницкой об-

ласти. В Сталинск прибыл по эвакуации из Днепропетровска, работал сторожем на мотороремонтном заводе. Кантором стал Я. М. Левенсон, 1880 г. р., уроженец Литовской ССР. Деятельность синагоги по-прежнему заключалась в отправлении религиозных обрядов, собирались деньги в помощь евреям, в том числе вышедшим из заключения, или семьям арестованных. В конце 1940-х годов еврейская община направила от имени более чем 70 активных членов делегацию в Москву, чтобы приветствовать первого посла Израиля в СССР Г. Меир. Сталинский городской отдел МГБ с 1942-го по 1948 год проводил наблюдение за синагогой, однако ничего «контрреволюционного» установлено не было [2].

Начавшаяся борьба с космополитизмом изменила отношение местных властей к синагоге. В ноябре 1949 года ее существование в квартире И. Б. Рапопорта «обнаружили» Молотовский райком ВКП(б) и Молотовский райисполком Сталинска. Молотовский райисполком 22 ноября 1949 года принял решение о «закрытии». Последовало и решение райисполкома о выселении семьи Рапопорт из квартиры «за допущенные нарушения установленных правил распорядка в жилом коммунальном фонде» [3].

В марте 1950 года на Сталинской городской партийной конференции секретарь горкома ВКП(б) Романенко, выступая с докладом, сообщил о раскрытии «нелегальной еврейской синагоги», к которой оказался причастным ряд коммунистов. В результате с апреля 1950 года горком партии начал рассматривать персональные «дела» «провинившихся» и пришел к выводу, что «синагога была только ширмой буржуазно-националистической еврейской организации» [4].

Связанными с синагогой на КМК оказались: С. З. Аршавский – начальник финансового отдела, Б. Д. Надот – начальник отдела снабжения, А. Я. Уральский – старший инженер отдела главного механика, А. Я. Дехтярь – начальник отдела технического контроля, Г. Ш. Зельцер – начальник планового отдела, Я. Г. Минц – заместитель директора, С. Е. Либерман – главный прокатчик, М. М. Эпштейн – начальник цеха КИП и автоматики, И. С. Хавкин – заместитель начальника сортопрокатного цеха, И. Н. Юдкин – начальник углеподготовки коксового цеха, У. А. Сирота – обер-мастер коксовых печей, В. Я. Гольдман – начальник электросталеплавильного цеха, М. А. Людковский – начальник смены того же цеха, Н. Г. Гибель – начальник шихтового двора того же цеха, Л. Я. Уральский-Троцкий – начальник отдела оборудования и другие. Все они понесли партийную ответственность в ходе рассмотрения личных «дел» на заседаниях бюро Сталинского горкома ВКП(б) в апреле 1950-го – марте 1951 года. Однако синагогу посещали не сами ответственные работники, а их пожилые родители и родственники [5].

Производственные связи работников КМК стали основой для обвинений во вредительстве на металлургическом гиганте. Горотдел МГБ

Г. Ш. Зельцер,
нач. планового отдела КМК, 1940-е годы

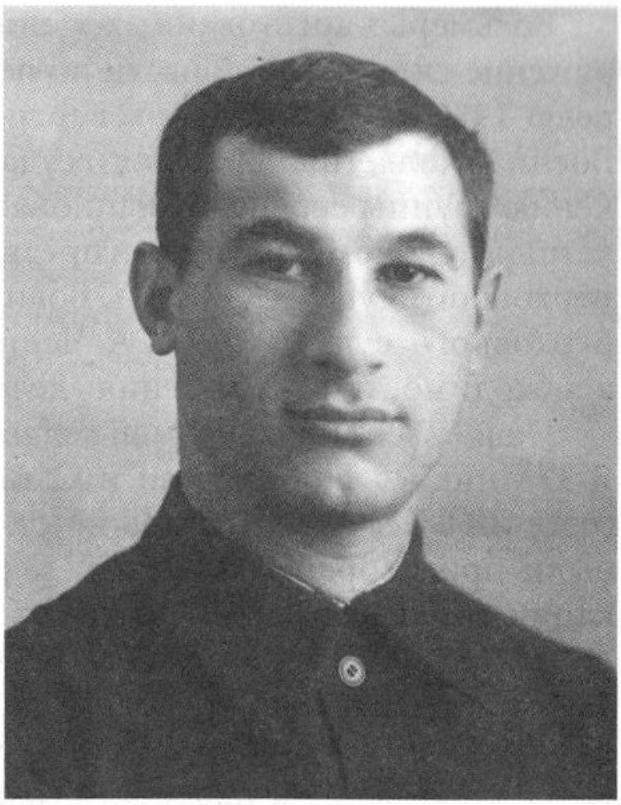
«выявил» факты «антигосударственной практики», проводившейся главным прокатчиком С. Е. Либерманом и начальником ОТК А. Я. Дехтярем. По обвинению горотдела МГБ, С. Е. Либерман умышленно способствовал сдерживанию перевыполнения производственных планов многими основными цехами комбината, а А. Я. Дехтярь не вел борьбы с изготовлением бракованной продукции; совместными усилиями они вынуждали заводы-потребители получать брак с КМК. При этом до начала известной кампании оба сотрудника характеризовались как справляющиеся с работой и имеющие поощрения по службе. С. Е. Либерман в составе коллектива авторов был удостоен Сталинской премии за 1942 год за разработку и освоение новой, высокопроизводительной технологии проката металла [6].

В сложившихся обстоятельствах 19 сентября 1950 года заседание бюро Кемеровского обкома ВКП(б) рассмотрело вопрос «О недостатках и ошибках в подборе и расстановке руководящих кадров на Кузнецком металлургическом комбинате». Директора предприятия Р. В. Белана, получившего строгий выговор, обязали «исправить допущенные ошибки, навести порядок с кадрами, укрепить производство политически проверенными и подготовленными в деловом отношении работниками» [7].

К декабрю 1950 года, в результате проведенной на КМК массовой проверки и «чистки» кадров, решилась судьба 46 руководящих работников заводоуправления и цехов, объявленных не заслуживающими доверия и не справляющимися со своими обязанностями. Из них были освобождены от исполнения своих обязанностей – 24, уволены по сокращению штатов – 7, переведены на другие участки работы и понижены в должности – 8, уволены по собственному желанию – 4, подано заявление об увольнении – одно; в отношении одного человека вопрос рассматривался и еще один не был уволен [8].

Наиболее трагичными оказались судьбы семи человек, лишенных занимаемых должностей: это заместитель директора КМК Я. Г. Минц, главный прокатчик С. Е. Либерман, начальник ОТК А. Я. Дехтярь, заместитель начальника производственного отдела С. А. Лещинер, началь-

ник финансового отдела С. З. Аршавский, начальник планового отдела Г. Ш. Зельцер и начальник сортопрокатного цеха З. Х. Эпштейн. В сентябре-декабре 1950 года все они были арестованы местными органами госбезопасности [9]. При этом фамилии «еврейских националистов» можно обнаружить в «Списке инженерно-технических работников комбината, переведенных на работу на другие предприятия за 1950–1952 гг.», подготовленном отделом кадров КМК. Согласно документу, в 1950 году Г. Ш. Зельцер переведен на Песковский металлургический завод, С. Е. Либерман – на Нижне-Сергинский металлургический завод, Я. Г. Минц – на Алапаевский металлургический завод, З. Х. Эпштейн – на Верхне-Салдинский металлургический завод, в 1951 году А. Я. Дехтярь – на Северский металлургический завод [10].



Я. Г. Минц, зам. директора КМК, 1940-е годы

Аресту подвергли и И. Б. Рапопорта. История семьи Рапопорт хорошо отражает суть фабрикации «дела КМК». Сын и дочь раввина – С. С. Рапопорт, студент второго курса Сибирского металлургического института, и И. И. Рапопорт, мастер сварочных работ котельного цеха КМК, знавшие о существовании синагоги, исключены из партии решениями бюро Сталинского горкома ВКП(б) от 10 апреля 1950 года и 10 июля 1950 года соответственно. И. И. Рапопорт уволена с КМК 16 апреля 1951 года по сокращению штатов. Ее участь разделила сестра – Ф. И. Рапопорт, конструктор горного управления комбината, вынужденная в конце октября 1950 года уволиться «по собственному желанию» [11].

2 марта 1951 г. последовало постановление ЦК ВКП(б) «О работе Кемеровского обкома ВКП(б)», признавшее работу обкома неудовлетворительной. В нем, в частности, отмечалось, что факты серьезной засоренности руководящих кадров КМК политически сомнительными элементами оказались вскрытыми без участия обкома. В свете изложенного логичным выглядело заключение о производственных проблемах комбината, ставших следствием «недостатков хозяйственно-технического руководства» [12].

Восьмерых арестованных этапировали в Москву и передали в распоряжение следственной части по особо важным делам МГБ СССР. К апрелю 1952 года следствие завершилось [13]. С 3-го по 5 мая 1952 года Военная коллегия Верховного суда СССР рассматривала «дело по обвинению группы еврейских националистов» и пришла к выводу о неудовлетворительном проведении предварительного следствия. Председатель Верховного суда СССР А. А. Волин и Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР А. А. Чепцов информировали И. В. Сталина о необходимости возвращения «дела» на доследование [14].

Новое заседание Военной коллегии состоялось 18 сентября 1952 года. Я. Г. Минц, С. Е. Либерман и С. А. Лещинер по ст. 58-1«а», 58-7, 58-10 (ч. 2) и 58-11, А. Я. Дехтярь по ст. 58-7, 58-10 (ч. 2) и 58-11 УК РСФСР были приговорены к высшей мере наказания (расстрелу) и конфискации имущества. С. З. Аршавский, Г. Ш. Зельцер и З. Х. Эпштейн по ст. 58-7, 58-10 (ч. 2) и 58-11 УК РСФСР – к 25 годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере, с конфискацией имущества и с поражением в правах на пять лет. И. Б. Рапопорт по ст. 58-10 (ч. 2) и 58-11 УК РСФСР осужден к 10 годам лишения свободы с последующим поражением в правах на пять лет и с конфискацией имущества. Последний сталинский расстрел свершился 22 октября 1952 года на Донском кладбище Москвы [15].

О методах проведения следствия свидетельствовал заключенный Ангарлага З. Х. Эпштейн. В апреле 1956 года он, добиваясь справедливого пересмотра вынесенного приговора, писал секретарю ЦК КПСС Д. Т. Шепилову: «Следствие велось с применением недозволенных советским судом приемов. Доведенный этими приемами до полной физической и психической депрессии, я признался в совершении несовершенных преступлений, оговорил себя и ряд других лиц в преступлениях, никогда не имевших места. То же самое было, очевидно, с остальными подсудимыми» [16].

Уголовное «дело» в отношении И. Б. Рапопорта прекращено постановлением пленума Верховного суда СССР от 3 сентября 1954 года, в отношении бывших работников КМК – определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 мая 1957 года [17].«Дело КМК» позволяет понять смысл кампании по борьбе с космополитизмом, направленной в первую очередь против еврейской интеллигенции и воплотившей политические, идеологические и экономические моменты. Оно в очередной раз отразило репрессивную сущность сталинского режима. Задействованный принцип «неправильного подбора, расстановки и воспитания кадров», с одной стороны, позволял оправдать экономические просчеты и неполадки, с другой – открывал дорогу обвинениям и преследованиям неугодных лиц.

Библиографические ссылки и примечания

1. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. п-75, оп. 2, д. 390, л. 47.

2. Там же, л. 44, 47; Центральный архив ОАО «НКМК» (ЦА ОАО «НКМК»), д. 7446, л. 3-4; Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2003. С. 627; Бугай Н. Ф. 20–50-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР // Отечественная история. 1993. № 4. С. 180.

3. ГАКО. Ф. п-75, оп. 2. д. 390, л. 53; Центральный архив Верховного суда РФ (ЦА ВС РФ). Сведения предоставлены Г. В. Костырченко.

4. ГАКО. Ф. п-75, оп. 2, д. 390, л. 54–55.

5. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940-х – начало 1950-х гг.). Красноярск, 2003. С. 18–21, 102–108.

6. ГАКО. Ф. п-75, оп. 2, д. 390, л. 48–49об.; Архив истории КМК (АИ КМК). Оп. 14, д. 107, л. 25, 26; д. 141, л. 6об., 23; Правда. 1943. 24 марта.

7. ГАКО. Ф. п-75, оп. 2, д. 432, л. 31.

8. ГАКО. Ф. п-75, оп. 2, д. 449, л. 4–39.

9. Там же, л. 5–9, 23-24, 35–36; Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области (НФ ГАКО). Ф. р-143, оп. 3, д. 721, л. 117; Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 627.

10.НФ ГАКО. Ф. р-143, оп. 3, д. 792, л. 41, 42, 43.

11.ГАКО. Ф. п-74, оп. 6, д. 198, л. 110; д. 199, л. 178; ф. п-75, оп. 2, д. 449, л. 27; ЦА ОАО «НКМК», д. 7446, л. 1.

12.Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17, оп. 119, д. 273, л. 4, 5, 8; См. подробнее: Коновалов А. Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991). Кемерово, 2004. С. 93–98.

13.Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 627.

14.Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-9474, оп. 16, д. 403, л. 16-26; 38–40.

15.Костырченко Г. В. Указ. соч. С .627–628; ЦА ВС РФ. Сведения предоставлены Г. В. Костырченко; Москва, расстрельные списки – Донской крематорий // Жертвы политического террора в СССР (Электронный ресурс). М.: Звенья, 2004. Диск 1.

Статья 58-1«а» карала за измену Родине, 58-7 – за вредительство, 58-10 – за контрреволюционную пропаганду и агитацию (ч. 2 – особо тяжкий вид преступления, в данном случае – использование национальных предрассудков), 58-11 – за участие в контрреволюционной организации (Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / под ред. И. Т. Голякова. 2-е изд. М.: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1944. С. 64–65; 70–71; 73–74; 74–75).

16.АИ КМК, оп. 14, д. 87, л. 1-2.

17.ЦА ВС РФ. Сведения предоставлены Г. В. Костырченко.

В. Я. Северный,
заслуженный путешественник России,
методист ЦДЮТ им. Ю. Двужильного

Истории строки…
(Из хронологии слетов и соревнований в детском туризме Кузбасса)

Жажда познания окружающего мира, жажда движения рождается вместе с человеком, вместе со всеми его рефлексами, желаниями и устремлениями. А познать мир в движении – это есть суть туризма. Не зря выдающиеся педагоги всех времен и народов использовали туризм (путешествие) в своем педагогическом процессе. Рыцарем детского туризма в Кузбассе стал один из выдающихся педагогов Кузбасса первый директор областной станции юных туристов Петр Павлович Чепкасов. Среди всех форм и видов туристской деятельности он уделил значительное внимание проведению туристских слетов и соревнований.

В *1948 году* уже проходит первый слет юных туристов области, а 1950 году кузбассовцы представляют свою территорию на Всесоюзном слете юных туристов в Москве.

1954 год. Первый Всероссийский слет юных туристов на оз. Тургояк (Южный Урал) – делегация Кемеровской области обращает на себя внимание своими познаниями, умениями и навыками в туризме.

1956 год. III Всероссийский слет юных туристов в Ленинградской области. 64 команды представляют Россию, и победитель – юные туристы из п. Тяжинский Кемеровской области. Команду возглавлял один из лучших географов нашей области Алексей Петрович Милюхин. 1950-е годы – это начало сложных спортивных походов (с 1949 года туризм входит в спортивную классификацию). Спортивность путешествий требует основательной специальной подготовки, и потому в программах слетов появляется больше спортивно-туристских элементов, значительную роль начинает играть практическая работа с картой – приближаемся к стандартам спортивного ориентирования.

1960 год. Большой спортивно-туристский опыт получает группа студентов Новокузнецкого пединститута, участвуя во II Всероссийском слете туристов, который проходил на Урале. Именно здесь уже пробуются и реализуются в программе слета туристская полоса препятствий и спортивное ориентирование.

Март *1961 года* примечателен тем, что впервые проведен зимний областной слет юных туристов (д. Андреевка, Кемеровский район).

В области растет число территорий, где проходят свои туристские слеты. Растет и количество туристских лагерей. В 1961 году открыва-

Первый директор областной детской экскурсионно-туристической станции П. П. Чепкасов (в центре), студент Новокузнецкого пединститута В. Северный (справа). Подъяково, 1959 г.

ется туристский лагерь в д. Подъяково – именно ему суждено стать основным туристским полигоном на последующие 40 с лишним лет. И именно здесь 45 лет назад, с 26 июля по 30 июля 1962 года, прошел VIII Всероссийский слет юных туристов. 350 участников из 26 территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока, а также гости из Средней Азии и Казахстана вначале шесть дней путешествовали по Кузбассу, а затем встретились в турлагере «Солнечный Туристан» на туристской эстафете, в ориентировании на местности, в соревнованиях санпостов, конкурсе юных топографов, конкурсе юных геологов, краеведов. Здесь, на слете, писали стихи, пели туристские песни, снимали и печатали фотографии, играли в теннис, баскетбол, футбол (кстати, в то время шел чемпионат мира по футболу), выпускали стенные газеты.

Ход и события слета специальными выпусками освещала областная молодежная газета «Комсомолец Кузбасса», в основном ее молодой корреспондент Виктор Моисеев, в последующие годы известнейший журналист, писатель, турист, самозабвенный защитник природы и популяризатор кузбасского туризма. Воспоминания об этом событии приятны еще и тем, что победителем в самом спортивном виде туристских соревнований стала команда школы № 14 из г. Новокузнецка (рук. Эдуард Матысюк).

Туристская практика студентов Новокузнецкого пединститута в Горной Шории. 1-й слева – студент С. Д. Тивяков, 1961 год

1964 год – Олимпийский год. В ознаменование олимпийского движения проводятся Олимпийские зимние и летние туристские игры в Новокузнецке (пионерский лагерь «Косой порог») и Всекузбасские олимпийские игры по туризму (д. Костенково). Программа игр более сложная – туристская полоса препятствий уже как самостоятельный вид спорта (правда, в рамках туристских соревнований), спортивное ориентирование, разумеется, и конкурсные туристские и краеведческие программы.

1965 год примечателен тем, что в этот год впервые на Поднебесных Зубьях (современной туристской мекке Кузбасса) проходит туристский слет. Его провел Новокузнецкий Дворец пионеров. А после слета школьные группы отправились в поход на Зубья. Инструкторами у них были их старшие школьные товарищи, до этого прошедшие здесь специальную инструкторскую подготовку. И именно эти ребята – В. Коряга, В. Жданов, С. Лещенко, А. Гуленок – вместе с автором этих строк 5 июля внесли на безымянную вершину (1862 метра над уровнем моря) плитку первого чугуна Запсиба и в честь первой годовщины завода назвали ее пик Запсиба.

1970-80-е годы – это период бурного развития самодеятельного детского туризма, их спортивной направленности. Этому способствовало много причин, первоосновой же была детская туристская школа, работа

Первое соревнование по ориентированию. Новокузнецк. 5-й справа – главный судья В. Я. Северный, 1964 год

клубов туристов, активная подготовка инструкторских туристских кадров. Это период проведения сложных спортивных походов в различных уголках нашей тогда еще большой Родины – от Камчатки до Кавказа, от Памира до Таймыра. В Кузбассе появляются первые мастера спорта по туризму – А. Куликовских, Д. Швайко, Р. Брувер и другие. Школьные группы кузбасских туристов на Всесоюзном заочном чемпионате на лучшее туристское путешествие входят в призеры; путешествие ДЮЦ «Орион» (рук. В. Сафонов, Новокузнецк) становится чемпионом в своем классе путешествий среди школьников СССР.

В эти годы на территории области были проведены соревнования по спортивному ориентированию, по технике пешеходного, лыжного, горного и водного туризма (ЦС «Труд», «Локомотив», «Спартак», «Динамо», ЦС по туризму и экскурсиям).

1982 год. На ст. Лужба был проведен всероссийский слет туристов зоны Урала, Сибири и Дальнего Востока. Его особенностью были сложные спортивно-туристские дистанции по технике пешеходного и водного туризма.

1985 год. На турбазе «Юность» (Кемеровский район) прошли всероссийские соревнования по технике лыжного туризма.

1986 год. Тутальские скалы (район Юрги) – место проведения всероссийских соревнований (зона Сибири и Дальнего Востока) по технике горного туризма. В основе своей судейство на этих соревнованиях осуществлялось работниками (или будущими работниками) детского туризма.

Опыт, полученный в предыдущих соревнованиях, позволил *в 1987 году* принять на территории ст. Осман (рядом с Новокузнецком)

юных туристов Урала, Сибири и Дальнего Востока – в Кузбассе прошли XVI Всероссийские туристские соревнования пионеров и школьников. Команды 25 российских территорий оспаривали первенство в большой и сложной программе. Значительное место занимали спортивно-туристские виды – 3-дневный контрольно-туристский маршрут, туристская полоса препятствий, спортивное ориентирование. Традиционными были краеведческие викторины, конкурсы, в том числе стенгазет, туристской песни, фотографии, слайд-фильмов и т. д. Первенство на данных соревнованиях было за командой Хакасии. Наша команда, выступающая вне конкурса, часто (по неофициальным показателям) одерживала верх над чемпионом.

В 1990-е годы на территории нашей области были проведены три зональных соревнования по туристскому многоборью в лыжном туризме среди учащихся Российской Федерации. Включение туристского многоборья в спортивную классификацию способствовало повышению спортивно-туристского уровня участников, судей туристских соревнований. За период с 1996 года по настоящее время количество выполнивших нормативы КМС (кандидат в мастера спорта) приближается к сорока, а количество выполнивших нормативы МС (мастер спорта) в туристском многоборье (мастер спорта по туризму) уже превысило количество МС за все предыдущие годы в номинации «Спортивное путешествие». Судьями республиканской категории за этот период стали В. А. Кропочев и С. Н. Липатова (ДЮЦ «Орион», Новокузнецк).

Надо сказать, что практически все получившие эти высокие разряды и звания – это учащиеся (бывшие или настоящие) и преподаватели учреждений дополнительного образования (ДЮЦ «Орион», Новокузнецк; Центр детско-юношеского туризма, Анжеро-Судженск; Станция юных туристов и натуралистов, Междуреченск, и т. д.). Команды туристов-многоборцев данных учреждений дополнительного образования в последние годы стали призерами и чемпионами многих региональных, всероссийских и международных туристских соревнований, в том числе и соревнований школьников. Исключением в результативности наших команд не был и слет туристов школьников Сибири и Дальнего Востока, который прошел в июле *2002 года* на территории нашей области, как и 40 лет тому назад, на полигоне «Солнечный Туристан» (в районе д. Подъяково). Команды Кемеровской области выглядели заметно лучше представителей других территорий. С явным отрывом почти по всем показателям шла команда нашей области, представленная юными туристами ДЦ «ОРИОН». Не было претензий и к судейской коллегии, которая состояла из наших земляков.

Кстати, и *2003-й, и 2004 годы* принесли победы нашим многоборцам на спортивно-туристских трассах России – ДЮЦ «Орион» Новокузнецка и СЮТУР Анжеро-Судженска вновь чемпионы и призеры РФ по туристскому многоборью в лыжном и пешеходном туризме.

Лидер туристского многоборья области, да и России, – ДЮЦ «Орион» в своей тренировочной работе очень серьезно опирается на возможности имеющегося у него специализированного туристского спортзала. В последнее время соревнования по туристскому многоборью в спортзале благодаря своей тренировочной результативности, зрелищности стали популярными среди туристов области. И они традиционно проводятся трижды в год – в январские каникулы, в апреле и ноябре хозяева спортзала ДЮЦ «ОРИОН» приглашают на этот праздник всех любителей спортивного туризма.

Ф. М. Ягунов,
журналист

Кия-Шалтырь

В Мартайге, как издавна называют труднопроходимые леса к югу от Мариинска, по речкам и ручьям в прежние годы бродили старательские артели, промышлявшие золото.

Безотказный АН-2 из Тисуля, попрыгав по кочкам кое-как расчищенной поляны на вершине одной из сопок, остановился буквально в трех метрах от завала из поверженных лесин. Перед этим пилотам пришлось сделать низко над поляной несколько кругов, чтобы распугать пасшихся здесь лошадей геолого-разведочной партии. Пилоты принялись вытаскивать из брюха самолета бочки с горючим. А мы – маленькая съемочная группа Кемеровской студии телевидения – пошли вниз, к поселку.

С горы хорошо просматривался поселок, разбросавший свои убогие избушки по берегу небольшой таежной речки Кийский Шалтырь, впадающей в более известную реку Кию. Безлюдье кривых улочек поселка Кия-Шалтырь могло бы нам показаться странным, если бы мы заранее не знали, что поселок давно покинут своими жителями. Золото на речке кончилось, и старатели ушли в другие места. Нам говорили, что до нынешнего лета в Кие-Шалтыре оставался всего один житель – Фомич. Его и надо было разыскать. А уж Фомич знает, где найти Прусевича.

Теперь надо сказать о главном. О том, что должно было в ближайшие годы оживить эти покинутые золотоискателями места. Геолог Прусевич нашел в здешних горах неоценимый минерал – нефелин. В двух километрах от брошенного поселка на площадке, вырубленной в таежном массиве, стучали топоры, визжала пилорама – там зарождался город.

Мы прилетели сюда, чтобы снять фильм о первооткрывателе Прусевиче, о геологах, о новом поселении в глухой тайге. У нас не было

ничего, кроме 35-миллиметровой камеры «Конвас-автомат», небольшого запаса пленки и аккумулятора, который мы еще не знали, где будем подзаряжать. Не было денег на производство фильма, не было еще сценария, но уже было название «Кия-Шалтырь» и была уверенность, что нам помогут: на заре своего рождения телевидение было на положении любимого дитя – его баловали, ему бескорыстно помогали.

Мы нашли хижину Фомича по одинокому дыму из трубы. Он сказал нам, чтобы мы сами выбрали себе жилье в любом из пустовавших домишек. Фомич, одинокий старик, бывший золотоискатель, был здесь, с приходом геологов, вроде добровольного коменданта. На вопрос, почему он остался, когда все ушли, Фомич обычно отвечал: «А мне Прусевич обещал здесь золото найти». Прусевич нашел не золото, а нефелин, небесный камень (в переводе с греческого нефелин – облако), что, как многие считали, было дороже золота.

Мы поселились в одном из домишек, главным достоинством которого была исправная печка, и стали налаживать свой быт. В поселке строителей был магазин, там мы покупали хлеб, сахар, чай, крупу. Зеленая витаминная подкормка – колба была рядом, в тайге. Первое время мы даже кашу не варили. Брали кирпич хлеба, соль, шли на поляну, сплошь заросшую сибирским деликатесом. Трава эта, больше известная как черемша, у нас зовется колбой. Мы садились в кружок, рвали тут же, где сидели, сочные стебли, макали их в соль и, смачно похрустывая, насыщались витаминной пищей. Такой образ жизни нам – тогда очень молодым людям – безумно нравился.

Прусевич, инженер-геолог из Новокузнецкого геолого-разведочного управления, главный герой нашего будущего фильма, оказался покладистым и интересным человеком. Он за несколько вечеров, проведенных с ним у костра, сумел буквально влюбить нас в свое нелегкое дело.

Это были знаменитые шестидесятые годы, годы хрущевской оттепели. Мы, начинающие телевизионщики, были романтиками. Гордились, что живем в Кузбассе – крае неизведанных возможностей. Снимать обычную городскую жизнь нам казалось занятием пресным. С редактором Виктором Болотниковым, моим приятелем еще по работе на радио, мы старались выбить командировку и уехать куда-нибудь «за мечтой, за запахом тайги». Тогда впервые блеснул талант миниатюрной женщины-композитора Александры Пахмутовой. Гимном романтиков стала ее «Песня геологов»: «Ты уехала в дальние степи, я ушел на разведку в тайгу...». Прусевич и нефелиновая гора Дед – это было то, что нам надо! Мы с Виктором наметили вчерне сценарий. Потом он улетел, как мы здесь важно говорили, на «большую землю»: у него «горела» путевка в Болгарию. Мы же, оставшиеся, продолжили съемку фильма.

Округлая, поросшая снизу лесом, гора Дед, вершина которой была почти всегда окутана облаком, по словам Прусевича, сплошь состояла из

нефелиновой руды. Здешняя тайга в горах Кузнецкого Ала-Тау – весьма отдаленная окраина нашей области – примыкала к Красноярскому краю. Поэтому глиноземный и алюминиевый заводы решено было строить на территории наших соседей. Оттуда к Белогорску уже прокладывалась железнодорожная ветка. Детальной разведкой обширного нефелинового месторождения сейчас и занималась экспедиция Прусевича.

Природа в этом районе сохранилась почти в девственной неприкосновенности. Когда мы снимали долину речки Кийский Шалтырь, в прозрачной родниковой воде которой Прусевич увидел обломки дымчатых камней, оказавшихся нефелинами, за нами по пятам ходил медведь. Он нас видел, мы, городские, его – нет. Нам сказала о нем жена объездчика, обогнавшая нас верхом на лошади. «Да вы его не бойтесь, не тронет. Он сейчас сытый», – утешила она нас. Саша Тарасов, осветитель, на всякий случай снял с плеча тяжелый штатив от «Конваса», взял его наперевес. А мы преувеличенно громко стали разговаривать и орать песни. Вдоль нашего, левого берега реки Урюп, являвшейся границей с Красноярским краем, были редкими даже охотничьи избушки и совсем не было дорог. Крупные золотодобывающие прииски и драги тяготели ближе к автодороге Тисуль – прииск «Центральный».

Помню, однажды, будучи в Москве, я попал в выставочный зал на Кузнецком Мосту. Среди других фотографий, выставленных там, я увидел знакомый уже мне снимок фотокорреспондента по Кемеровской области Анатолия Кузярина, но подпись под ним меня рассмешила. И вот почему. Тогда в Кемерове была только что проложена трамвайная линия, соединившая левый берег Томи с правым. Снимок был сделан Кузяриным в живописнейшем месте города – в лощине, рассекавшей правобережный Сосновый бор, там, где рельсы заворачивают на подъем в Рудничный район: скалистый выступ горы, медноствольные сосны в закатном освещении, красные трамвайные вагончики… Снимок назывался «Окраина Кемерова». Здесь, в Москве, сочли нужным усилить впечатление от снимка и назвали его более современно: «Тайга отступает».

Всеобщая бездумность той поры просто потрясает. Мы, молодые, на тайгу, на этот бесценный дар природы, что окружала нас, смотрели как на помеху. И невдомек нам было, что рубим сук, на котором сидим. Тогда, в Мартайге, кинооператор снял очень понравившийся мне кадр. Огромный, во весь экран, ковш экскаватора подхватывает снизу борта котлована куст красной смородины. Ковш плывет, унося в сторону отвала роскошный, еще живой куст, весь, как капельками крови, усыпанный красными ягодами. Мы восторгались мощью техники и чувствовали себя покорителями природы. «Тайга отступает» – украшали мы лихим текстом снятые нами подобные кадры. Мы искали, находили и с удовольствием фиксировали кинокамерой эпизоды, на которых мощная техника корежила тайгу.

Однажды мы решили снять эпизод, которого не было в первоначальном сценарии. Поводом для его съемки послужило наше довольно низменное желание – выпить. Но надо рассказать все по порядку.

Мы уже около месяца находились в экспедиции. Одичали, обросли бородами, соскучились по дому. Здесь не было еще ни телеграфа, ни телефона. И тут случился праздник – День строителя. Для Белогорска тогда это был главный праздник. В магазине строителям по талонам дали по бутылке портвейна «Три семерки». Нам, несмотря на старания Эдика Благодарова, кинооператора, в портвейне было отказано. Интерес к будущему фильму был вялый: единой телевизионной сети в стране тогда еще не было; мы для красноярских строителей были чужим телевидением, в то, что и они его могут увидеть, не верилось.

Тот же Эдик услышал от кого-то, что на красноярской территории, в поселке, ставшем перевалочной базой для Белогорской стройки, спиртное продают свободно, без талонов. Мы узнали, что оттуда, по таежному бездорожью, снаряжается автоколонна с грузом стройматериалов. Почему бы не снять такой эпизод? Лишним в картине он не будет. Нашелся и попутчик. Мы уже привыкли ходить здесь по тропам, проложенным зверьем и старателями, поэтому путь в десяток таежных верст нас не пугал.

Когда мы под вечер пришли в тот поселок, нас – меня в первую очередь – ожидало разочарование. Как у Евгения Евтушенко в его «Балладе о выпивке»:

...Но, омрачая всю планету,
Висело в лавках: «Спирту нету».

Однако (опять же как у Евтушенко) здесь, в главной лавке, перед нами:

В блеске сомкнутых колонн
пузато, грозно и уютно,
гигиеничный абсолютно
предстал «Тройной» одеколон.

Оказывается, знакомец Эдика Благодарова из Белогорска его и имел в виду, когда говорил, что здесь «продают без талонов». «А чего? – недоумевал он. – У нас все его пьют. Когда попадается достать...».

Одеколон «Тройной» был все же куплен. Но выпивка могла состояться только по возвращении в Кию-Шалтырь. Нам еще предстояла съемка пробивающейся сквозь тайгу автоколонны.

Трехосные студебеккеры, нагруженные панелями, двинулись рано утром следующего дня. Впереди шел мощный бульдозер и трактор ДТ-34. Трещала тайга, но продвигались мы чрезвычайно медленно: много стояли, ждали, пока бульдозер, чадя соляркой, растолкает очередной лесной завал. На подъемах трактор и бульдозер сцеплялись вместе и по одному вытаскивали тяжелые студебеккеры.

Я сначала ехал в кабине одного из грузовиков. Но на косогорах он так сильно кренился, что мне, да и водителю тоже, становилось страшно. Поэтому большую часть пути мы шли пешком, снимая наиболее острые моменты.

На разгрузочную площадку колонна притащилась уже в темноте. Выяснилось, что прораб, командовавший разгрузкой, не верил, что колонна пройдет, и был очень доволен, что прошла, доставила груз. «В другой раз будет легче», – успокаивал он водителей.

Мы же, добравшись на своих натруженных ногах до своей хижины в Кие-Шалтыре, отдыхали у костра. В ведерке булькало варево из лапши, тушенки и крупно нарубленной колбы. Ребята пили одеколон «Тройной» и даже хвалили его: «Хорошо берет!». Я в этом не участвовал: не мог преодолеть отвращения. У меня был в памяти горький опыт наших заводских ребят, которые в войну «очищали» через вату бензол и пили его из грязных, только что отштампованных жестяных колпаков – деталей электромотора. Потом они жестоко страдали дурным похмельем.

Тем давним летом мы выбирались из Мартайги верхом на лошадях около трех суток. Трехчастный озвученный фильм «Кия-Шалтырь» был показан по Кузбасскому ТВ в новогодний вечер 1962 года. Был тиражирован в Москве, показывался по Центральному телевидению и по всем местным каналам.

…Прошел десяток с лишним лет. В Кие-Шалтыре так все и получилось, как когда-то у костра рассказывал нам Прусевич. Много лет Красноярский алюминиевый завод поставляет стране и за рубеж крылатый металл – алюминий. Белогорск стал большим рабочим поселком, соединенным железнодорожной веткой с Ачинском, куда на глиноземный завод поступает нефелиновая руда, открытая Прусевичем.

В конце семидесятых мне довелось снова побывать в тех местах (в связи с каким-то торжеством – каким, не помню – нас попросили показать в тамошнем кинотеатре фильм «Кия-Шалтырь»). В этот раз расстояние от Тисуля на студийном «газике» мы проехали за каких-то три часа (теперь здесь проложено асфальтовое шоссе).

И вот мы на том же месте. Гора Дед срыта до основания. Добыча руды продолжается в окрестных карьерах. Когда-то почти безлюдный таежный край испещрен лесовозными дорогами.

Все меньше на карте нашей области остается нетронутой природы. Надо бы восторгаться сим фактом, а мне чего-то жаль.

И еще мне жаль, когда с географической карты исчезают исторические названия и заменяются новыми, придуманными в кабинетах чиновников. Белогорск, Горячегорск, Дивногорск, Зеленогорск... – это населенные пункты только одного, сравнительно небольшого района Западной Сибири. А если по стране? Тех же Белогорсков и Белогорьев я насчитал по атласу более десятка.

У подножья нефелиновых гор Сибири течет речка Кийский Шалтырь. Поселок старателей назывался Кия-Шалтырь. В этих названиях дыхание истории. Мне непонятна чиновничья страсть все начинать как бы с чистого листа. Бережнее надо относиться к местным, рожденным в народе географическим названиям! Да и не так уж спешить, выгребая из недр земли все, что природа-матушка приготовила отнюдь не только для настоящего поколения.

Т. И. Кимеева,
канд. культурологии,
директор Музея физкультуры и спорта Кузбасса

Развитие мотоспорта в сфере деятельности ДОСААФ города Кемерово

Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ) возникло в 1927 году – сначала как Осоавиахим (добровольное Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, в 1948 году распавшееся на ДОСАВ – Общество содействия авиации, ДОСАРМ – Общество содействия армии, ДОСФЛОТ – Общество содействия флоту; в 1951 году эти три общества объединились в ДОСААФ). Несколько лет тому назад ДОСААФ реорганизовалось в ныне существующее РОСТО (Российское оборонное спортивно-техническое общество).

Первичные организации ДОСААФ, созданные во всех городах Советского Союза, способствовали вовлечению населения, особенно молодого поколения, в укрепление обороноспособности страны, подготовке молодежи к службе в армии и на флоте. Задачами этих добровольных массовых самодеятельных оборонных организаций являлось увеличение численности своих членов, «…превращение их в крепкие, полнокровные коллективы, способные проводить активную оборонно-массовую работу, развивать общественные начала, расширять и улучшать дело военного обучения».

С самого начала существования ДОСААФ правительство страны рекомендовало особое внимание уделить подготовке кадров для отечественной авиации. Поэтому развитие на базе ДОСААФ авиационно-технических видов спорта в литературе освещено в полной мере, в том числе и применительно к Кемеровской области. Вопросы же, связанные со становлением мотоспорта в ДОСААФ-РОСТО в нашем крае, в полной мере не анализировались и не систематизировались.

Сотрудники ФиСК, на основе своего архива и полученных результатов исследования в ходе подготовки выставки по развитию мотоспорта в Кузбассе, представляют вниманию кузбассовцев страницы истории этого удивительно мужественного вида спорта. Авторы не претендуют на его в полной мере развернутое освещение, считая своей целью лишь приоткрыть завесу некоторого забвения некоторых исторических спортивных событий в жизни нашего края.

Мотоспорт получает активное развитие в ДОСААФ Кемерова во второй половине XX века. В 1960-х годах становятся известными имена талантливых инструкторов по мотоспорту, таких как Геннадий Давыдов, мастер спорта по мотоспорту Сергей Конищев. В эти же годы в Кемерове появляются свои кандидаты в мастера спорта СССР по мотокроссу, среди которых Анатолий Глебов, участвовавший в соревнованиях в классе машин 350 куб. сантиметров. В соревнованиях фигурного вождения мотоциклов 1965 года он занимает второе место, в следующем году – первое место в мотокроссе городов Российской Федерации и второе место в областном первенстве по мотомногоборью, третье место в чемпионате Кузбасса. Двукратным чемпионом страны по мотокроссу в этот период становится Дмитрий Лазарев.

Высокие достижения в данном виде спорта были обусловлены высокой квалификацией их тренеров. Тренер Геннадий Селиванов был кандидатом в мастера спорта СССР. Геннадий Золотухин, тренер спортивно-технического клуба «Кировец», находившегося в подчинении ДОСААФ, имел звание мастера спорта СССР, являлся заслуженным тренером СССР; победителем личного и командного первенства Центрального совета добровольного спортивного общества (ЦС ДСО) «Буревестник». Еще одним победителем первенства ЦС ДСО «Буревестник» в этом же 1967 году в составе команды Кемеровской области стал Лев Моисеев.

1960-е годы стали датой рождения еще одного вида мотоспорта в Кузбассе – спидвея (гонки по гаревой дорожке), в связи со Спартакиадой народов РСФСР. Вскоре в этом виде спорта среди кузбассовцев появились свои мастера спорта и чемпионы – мастер спорта международного класса Владимир Клычков, чемпион СССР Николай Аксенов. В последующие годы кузбассовцы будут участвовать в соревнованиях по зимнему спидвею, где покажут высокие результаты: Станистав Кузнецов станет чемпионом СССР, обладателем Гран-при чемпионата мира по зимнему спидвею. Кемеровский спидвейный клуб «Кузбасс» в 1986–1987 годах станет бронзовым призером в командном чемпионате страны, а в 1988-м кемеровчане завоюют титул вице-чемпионов страны.

Мотокросс, тяжелый, атлетический вид спорта, требующий большой физической подготовки спортсмена, продолжал активно развиваться в Кузбассе на протяжении 1970–1990-х годов. Машины кузбасских

Анатолий Глебов – МС СССР по мотогонкам на первенстве РСФСР по мотоциклетному многоборью, 1980-е гг. Фото из фондов МФиСК

спортсменов 1970-1980-х годов были марки MZ, с объемом двигателя 250 куб. сантиметров, гоночным мотоциклам они плохо соответствовали. Получив в свое распоряжение такую технику, мотогонщики своими силами и средствами старались усовершенствовать их, сделать более приспособленными к жестким условиям соревнований.

К 1975 году была создана команда «Кузбасс» по мотоспорту. Во второй половине 1970-х проводились соревнования различных уровней. В 1976 году они были посвящены 30-летию победы над фашистской Германией. Победителями в них (в разных классах машин) стали кандидаты в мастера спорта Виктор Устинов из клуба «Кировец» и Александр Груздев из клуба «Рудник».

В эти годы проводились традиционные мотокроссы городов Сибири, где принимали участие и кузбасские спортсмены, которые нередко выходили победителями. В 1975 году им стал член сборной команды «Кузбасс» Валерий Коробков из Ленинска-Кузнецкого – мастер спорта СССР, член сборной команды спортивно-технического клуба «Рудник». Коробковым завоевано на чемпионатах СССР и России 45 золотых медалей, он трехкратный победитель спартакиад народов СССР. Непревзойденным является его рекорд – четыре года подряд он побеждал на чемпионатах Союза в классе мотоциклов 125 куб. сантиметров.

Лев Моисеев – мастер спорта СССР по мотогонкам на чемпионате «Зоны Сибири»

Спортсмены нередко становились добровольными тренерами-наставниками молодых мотогонщиков. Так, Валерий Коробков готовил к соревнованиям Геннадия Наймушина, показавшего достойные результаты в мотокроссе. Анатолий Глебов некоторое время тренировал Александра Акимова, одного из самых именитых спортсменов в этом виде спорта.

А. Акимов – победитель чемпионата СССР в Сваляве, чемпион России по мотокроссу, чемпион по мотоциклетному многоборью (многодневка) в классе машин 250 куб. сантиметров; ему принадлежит первенство в «Зоне Сибири» по мотокроссу в классе машин 350 куб. сантиметров. Акимов выиграл личное и командное первенство ЦС ДСО «Буревестник» (1967); он победитель традиционного межобластного мотокросса в составе команды г. Кемерово (1972), член сборной команды спортивно-технического клуба «Рудник», победитель традиционного мотокросса городов Сибири (1975). Акимов также участвовал в подготовке новых спортивных звезд. Он воспитал восемь мастеров спорта, среди которых Александр Червов – чемпион летней Спартакиады народов РСФСР по военно-техническим видам спорта (1975, 1979), победитель в «Зоне Сибири» по мотокроссу в классе машин 500 куб. сантиметров. Воспитанником Акимова является также Александр Баянов.

Видов соревнований по мотоциклетному многоборью было достаточно, чтобы кузбасские спортсмены могли продемонстрировать свое мастерство. Кузбассовцы участвовали в спартакиадах народов СССР по мотокроссу. На одной из спартакиад кузбассовец Арий Лутай стал чемпионом.

Кузбасс представлял своих спортсменов в соревнованиях «Зоны Сибири», в которых, кроме вышеупомянутых мотогонщиков, победителем стал мастер спорта СССР Сергей Пантюхов, а бронзовым призером в очередной раз – Анатолий Глебов (1972).

На протяжении 1970–1980-х годов проводились традиционные межобластные соревнования по мотокроссу, победителями которых в разные годы (в составе команды г. Кемерово) были кандидаты в мастера спорта СССР Евгений Васильев и Юрий Худяков, мастер спорта СССР Анатолий Глебов. Участвовали представители команды «Кузбасс» и во Всероссийской спартакиаде по военно-техническим видам спорта, серебряным призером которой в 1970 году стал мастер спорта СССР Анатолий Глебов, занимавший в последующие пять лет первые места в мотокроссе им.В. И. Ленина среди спортсменов городов Урала и Сибири (1972), на XI чемпионате Кузбасса (1973), в мотокроссе на приз космонавта А. Леонова (1974–1975) и др.

Следует отметить энтузиазм спортсменов-мотогонщиков: по большей части мотогонки были их увлечением – многие занимались спортом в свободное от работы время. Так, Анатолий Константинович Глебов, кандидат в мастера спорта по мотокроссу, работал инженером по спецработе на шахте. В 1970 году, получив звание мастера спорта по мотокроссу, был избран председателем Рудничного райкома ДОСААФ г. Кемерово, затем заместителем председателя Кемеровского обкома ДОСААФ. Занимаясь военно-патриотическим воспитанием молодежи Кузбасса, Глебов своим спортивным примером привлекал молодежь в мотоспорт.

По сравнению с шестидесятыми годами XX столетия, когда мотоспортом увлекались около 4500 любителей, в настоящее время интерес к этому виду спорта ослаб. Сегодня им занимаются всего около 300 спортсменов, и культивируется мотоспорт только в Кемерове. Однако предпосылки к возрождению его былой славы есть. В октябре 2001 года при Кемеровском областном совете Российского оборонного спортивно-технического общества (РОСТО) создана федерация мотоспорта Кузбасса. Имеются в Кузбассе лидеры в разных классах машин и разных видах мотоспорта, которых воспитывают именитые тренеры. Есть и люди, вкладывающие свои силы и средства в организацию соревнований. Благодаря стараниям Станислава Кузнецова, чемпиона СССР 1991 года, многократного чемпиона России 1990-х годов, возрождена команда «Кузбасс». Сергей Николаевич Баббитов, мастер спорта СССР,

чемпион СССР по мотоспорту, участвует в организации соревнований как депутат областного Совета. Виктор Сидоров, тренер по мотокроссу Кемеровского спортивно-технического центра, заслуженный матер спорта международного класса, двукратный чемпион СССР, занимается подготовкой молодых спортсменов. Много сил в пропаганду этого вида спорта вкладывает Анатолий Шубинов, тренер команды Кемерова, которая стала победительницей мотокросса на приз А. Тулеева, посвященного 60-летию Кемеровской области.

Признанными мастерами современного мотоспорта в классе машин с объемом двигателя 250 куб. сантиметров являются кемеровские мотогонщики Дмитрий Воженников и Дмитрий Лазарев, двукратный чемпион страны по мотокроссу. В открытом Кубке г. Кемерово Д. Воженников стал первым в 2001-м и 2002 годах, он четырехкратный чемпион России по снегоходному кроссу. Ежегодные соревнования свидетельствуют о достойных преемниках традиций кузбасских мотогонщиков предыдущих лет. В 2002 году на открытом Кубке г. Кемерово по мотокроссу в классе мотоциклов с объемом двигателя 80 куб. сантиметров победителем стал Иван Скотников; второе место в классе мотоциклов объемом двигателя 125 куб. сантиметров у Виталия Радченко; в классе мотоциклов с объемом двигателя 250 куб. сантиметров лидировал Владимир Голиков. В этом же году на Кубке Кузбасса по кольцевым гонкам первое место завоевал Валерий Белобородов, второе – Олег Новоселов, третье – Виктор Иванов.

Лидерами мотокроссов памяти Геннадия Селиванова в 2003 году стали кемеровские гонщики Дмитрий Лазарев и Владимир Голиков. Лучшим в мотокроссе на приз А.Тулеева (2003), посвященном 60-летию Кемеровской области, стал Виктор Сидоров, а чемпионом Европы 2004 года – Андрей Сафронов.

Современное состояние мотоспорта рождает надежду, что этот вид спорта настоящих мужчин, сильных и смелых, будет успешно развиваться и в дальнейшем.

Н. А. Колмыкова,
хранитель фондов Музея физкультуры и спорта Кузбасса

Жизнь, связанная со спортом (Из истории семьи Коробецких)

Музей физкультуры и спорта Кузбасса хранит многие странички истории из жизни людей, которыми гордится наша область. Свои лучшие

Команда легкоатлетов ДСО «Химик» на тренировке. Справа – тренер А. Н. Коробецкий, пятая слева – Екатерина Коробецкая. Фото из фондов МФиСК

годы жизни они посвящали пропаганде здорового образа жизни, не только на словах, но и главным образом своим примером. Вот к таким именно людям и относится семья Коробецких – Екатерины Павловны и Андрея Николаевича, которые беззаветно посвятили себя развитию спорта и привили любовь к здоровому образу жизни большому количеству молодежи.

О своей жизни Екатерина Павловна говорит так: «Дом и работа – это же скучно! Я работала на полторы ставки до 18.00, тренировки через день; в то время у меня уже было двое детей, да еще завели собачку, и была еще дача, которая находилась в 14 километрах от города. И везде успевала!».

Биография Екатерины Павловны Коробецкой – частичка истории страны. Маленькая Катя Панова росла в деревне Артышта. С четвертого класса, как многие сибирские ребятишки, пасла коров и овец – бегала с ними по горам. Приехав в Прокопьевск в 1943 году, поступила в медучилище, где и стала заниматься легкой атлетикой в ДСО «Медик».

В училище Катя была старостой и всегда на соревнованиях занимала призовые места. Физруком в училище работал молодой мужчина, пришедший с фронта. У него не было спортивного образования – он был самоучкой, но интуитивно он приметил в Кате будущую чемпионку.

После рекордов в училище Катю пригласили выступать за город Прокопьевск (в 1944 году). Здесь Катя в первый раз увидела спортивный стадион. Это был первый стадион в Прокопьевске. Поскольку это шахтерский город, то здесь было много провалов в почве. И вот в одной

из таких ям, дно которой разровняли и подсыпали, и устроили подобие стадиона – место, по которому бегали спортсмены.

Ее тренер из училища сказал Кате: «Беги вон за той чемпионкой, и если займешь 2-е место, это будет для нас великим делом». И Катя побежала за ней. Бежала-бежала следом за этой чемпионкой и думала: «Чего это она так медленно бежит? Она побежит когда-нибудь быстро или так и будет плестись все время?». Катя обогнала чемпионку! Тренер был в восторге, он никак этого не ожидал. Благодаря этому попала в сборную команду Прокопьевска. Здесь она вступила в ДСО «Угольщик» (спортивное общество, организованное в августе 1936 года), в составе которого выступала за кузбасские города Прокопьевск и Ленинск-Кузнецкий.

И началась ее богатая рекордами спортивная жизнь. На городских соревнованиях в Кемерове Катя заняла первые места в прыжках в длину, в высоту и на своих коронных дистанциях 100 и 200 метров. Была еще дистанция на 400 метров – нужно было бежать четыре круга, а Катя была голодная (спортсменам выдавали только кусок черного хлеба). Один из преподавателей обратил на нее внимание и сказал: «Эта девочка или побьет мировой рекорд, или упадет на третьем вираже». Но ни того, ни другого не случилось – Катя на третьем вираже уже устала, голова закружилась, ее выбросило с виража, и она побежала по прямой.

Позже на областных (зональных) соревнованиях в Прокопьевске Катя опять заняла первые места в беге и прыжках, а на соревнованиях в Новосибирске –первые места на 100 и 200 метров. Все эти соревнования Екатерина выигрывала, бегая в самосшитых тапочках. На соревнованиях в Новосибирске спортсменам раздавали спортивную форму и обувь, и ей выдали шиповки 38-го размера (а у нее был 35-й размер) и трусы по колено.

На третьем курсе Кате довелось поехать на российские соревнования – и опять чемпионка! Когда заканчивалась ее учеба в училище, директор просил Катю остаться в Прокопьевске, но она однозначно сказала, что хочет уехать в Кемерово. Директор уговаривал, злился: «Нет, я тебе распределение дам в Тулу!». Но Катя, поскольку была старостой группы, имела право выбора и все же добилась распределения в Кемерово.

Приехав в Кемерово, Катерина начала заниматься спортом в ДСО «Химик» (спортивное общество, основанное после войны). Тренировки проходили с 10 до 12 вечера, добираться надо было далеко.

В это время она и познакомилась со своим будущим мужем Андреем Николаевичем Коробецким – он был ее тренером и часто провожал после тренировок домой. Андрей Николаевич приехал из Ленинска-Кузнецкого и начал работать сначала на стадионе «Химик» инструктором (вел детско-спортивную работу – преподавал гимнастику, легкую

Областной парад «Снежинка» на стадионе «Химик» открывает команда дома № 7 во главе с маленьким Сережей Гаврилиным, 1964 г. Фото из фондов МФиСК

атлетику и другие виды спорта), тренировал сборную области по легкой атлетике. Молодая семья Коробецких жила в деревянном бараке, на месте которого сейчас стоит восточная трибуна стадиона «Химик». Директором стадиона Коробецкий стал позже – в 1963-м и был им до 1976 года.

Тогда, в послевоенное время, в 1947 году, стадион «Химик» представлял собой просто площадку, покрытую гравием, с краю которой стояла маленькая избушка, да и развернут стадион был по-другому – не с севера на юг, как сейчас, а с востока на запад. При Коробецком на стадионе построили сначала первую трибуну. Завод КЭМЗ на месте стадиона хотел построить еще один цех, но благодаря Андрею Николаевичу этого не произошло: он пошел к Афанасию Федоровичу Ештокину, первому секретарю обкома КПСС, просить о помощи. Состоялось собрание, на котором дело решили в пользу стадиона, и за один год стадион был построен (это было в начале 50-х годов).

В то время спортсменам не давали высоких званий, только после войны им стали присуждать разряды. А юная Катя за свою спортивную жизнь заработала самый высокий, первый спортивный разряд.

В 1954 году Екатерине довелось поехать на сборы в Одессу. Сына Игоря не с кем было оставить, и пришлось его взять с собой. Коробецкая была от Сибири только одна спортсменка. Здесь же еще были спортсмены-«химики» (из Славинска, Москвы, Ленинграда). Начались забеги, и Екатерина Павловна сказала Игорю: «Сиди на чемодане – сторожи, а я сейчас палочку (эстафетную) отнесу и к тебе вернусь». Добежала

Екатерина первой до широкой Потемкинской лестницы (это был заключительный этап забега), которая шла вниз, а внизу яма с оркестром. И как только Катя подбежала к ним, оркестр заиграл и ее окружили корреспонденты:

– Девушка, вы из Ленинграда?

– Нет, я из Кемерова, это Кузбасс!

– Какой Кузбасс? Где это? Вы нас разыгрываете!

– Это в Сибири, а в Ленинграде я никогда и не была.

– Кто же там в Сибири бегает? Там же одни медведи ходят!

Облепили корреспонденты Коробецкую и так и стояли и разыгрывали ее, что вырваться от них было невозможно. Пошел дождь, и тут Екатерина Павловна видит – бежит Игорь: «Мамочка, я замерз!».

– Она еще и мамочка! – удивились журналисты, и не стали ее больше пытать вопросами. Вот такой интересный случай.

В то время кормили спортсменов уже лучше, чем в довоенное время: выдавали по талончикам суп, второе блюдо, шоколадку. Шоколад тогда был в диковинку, и Екатерина всегда привозила его своим детям.

На разных соревнованиях Екатерине дарили в качестве приза когда немного деньгами, когда подарками: два раза дарили по патефону – один раз на «Химике», другой в Новосибирске. Один из них хранится в Музее физкультуры и спорта Кузбасса. Однажды подарили очень широкие брюки – пришлось их перешить на юбку-клеш, и носили ее с девчонками из общаги по переменке на танцы.

Когда Екатерине Павловне было уже ближе к тридцати, в Кемерове открылся медицинский институт. Екатерина Павловна подала документы для поступления, но вызова на экзамены долго не было. Когда она пришла узнать, в чем дело, ей ответили, что соответствующие органы не разрешили кулацкой дочери поступать в институт.

В 1962 году поступила Екатерина Павловна в Омский педагогический институт и окончила его по специальности «Методист лечебной физкультуры».

Из барака на стадионе «Химик» семья Коробецких переехала в центр города на ул. Орджоникидзе, дом № 7. Во дворе своего дома Коробецкий организовал совет физкультуры и здоровья, и теперь и стар и млад во дворе стали заниматься спортом. Двор жил как одна семья. Даже елку во дворе ставили одну, общую, и наряжали ее сообща. В 1962 году построили своими силами комплексную спортплощадку. Летом играли вместе в шахматы, волейбол, футбол, соревновались в беге, прыжках, малыши ездили взапуски на трехколесных велосипедах, зимой бегали на лыжах, коньках, играли в хоккей, вместе всем двором делали зарядку по утрам. Андрей Николаевич вывешивал у подъезда своего дома большой лист бумаги, на котором красовался «Распорядок дня». Рядом вывешивалась информация о надвигающихся дворовых соревнова-

ях. С особым интересом бегали читать ее местные мальчишки. Кому не хочется доказать, что ты самый ловкий и быстрый, да еще за это и приз получить!

Велась и работа по учету физкультурной работы двора, где жили Коробецкие. В МФиСК хранится пожелтевший альбомный лист с надписью: «Результаты охвата физкультурно-оздоровительными мероприятиями жильцов дома № 7». На нем расчерчена таблица, где в отдельных графах указан номер подъезда, фамилия физорга этого подъезда, сколько всего жильцов, процент занятости жильцов физкультурной работой и место, которое занимает подъезд.

Это были уже 1960-е годы. В Кемерове физкультурная работа и спорт были подняты на высокий уровень: действовало много спортивных обществ, организованно проводились соревнования на разных уровнях. Часто проводились различные спортивные мероприятия – дни физкультурника, городские легкоатлетические эстафеты и различные физкультурные мероприятия, посвященные памятным датам.

В 1963 году довелось и дворовой команде Коробецкого участвовать в городской эстафете на приз областной газеты «Кузбасс». Знаменитая команда дома № 7 по ул. Орджоникидзе выиграла первое место – наградили их высоким, красочным кубком с рисунком бегущих спортсменов. Эти соревнования приезжали и снимали на камеру Московская и Новосибирская киностудии.

Слава о спортивном дворе стала греметь на всю страну и даже шла за ее пределы. Приезжала московская комиссия –интересовалась опытом работы. Отовсюду шли письма, из всех союзных республик, даже из Америки писали и приглашали всем двором переехать жить к ним. Семья Коробецких по мере возможности старалась ответить всем и делилась своим опытом. В 1966 году в свет вышла книжка А. Н. Коробецкого «У нас во дворе». По их примеру такие же дворы стали создаваться и в других городах.

Есть фотография в архиве музея, где зимнюю спартакиаду на стадионе открывает маленький трехлетний мальчик на коньках. Этот мальчик жил во дворе дома Коробецких. Когда ему был один годик, дедушка купил внуку маленькие конечки на валенки, и этот мальчик сидел вечерами на окне – ждал, когда придет с работы Андрей Николаевич, и потом шел во двор вместе со всеми заниматься. Другие мальчишки, постарше, тоже всегда ждали прихода Андрея Николаевича с работы и всегда сидели на улице на заборе, как воробьи. «Никто из детворы нашего дома № 7 не пошел по кривой дорожке. И все это благодаря физкультуре», – говорит Екатерина Павловна.

Еще в музее имеется экспонат: билет, данный Екатерине Павловне, как участнику областных соревнований по легкой атлетике среди спортивных обществ от ДСО «Химик» за 1952 год. В нем указаны результа-

ты, показанные в соревновании, – 1-е место по прыжкам в длину и первые места по ее коронным дистанциям в беге – на 100 и 200 метров.

В 1956 году Коробецкая поставила очередной рекорд области и закончила выступать.

Достойная жизнь, достойные дети, пропаганда здорового образа жизни… Сын Игорь Коробецкий, который родился в 1949 году в Кемерове, стал гордостью Кузбасса. Он имеет звание доктора технических наук, является членом Американского химического общества, членом Академии наук Нью-Йорка, награжден медалью Кембриджского биографического комитета «Выдающиеся исследователи XX века». В 2002 году он назначен на должность начальника департамента инвестиционной политики и поддержки предпринимательства областной администрации.

Другой сын – Андрей – заведующий кафедрой психологии КемГУ.

Сама же Екатерина Павловна, будучи по профессии методистом лечебной физкультуры, отдавала всю себя оздоровлению подрастающего поколения.

Библиографический список литературы по теме

1. Архив МФиСК. Д. 115. Воспоминания ветерана спорта Е. П. Коробецкой
2. Коробецкий А. Н. У нас во дворе.Кемерово, 1966.
3. Предпринимательство Кузбасса доверили доктору наук // Кузнецкий край. 2002. 22 янв.

Л. П. Смокотина, гл. хранитель,
А. В. Добжанская, научный сотрудник
Кемеровского областного краеведческого музея

Ономастика с «кузбасским лицом»

Имена людей – часть истории народов. В них отражаются быт, верования, чаяния. Большинство русских имен заимствовано из греческого языка вместе с христианской религией. До этого у русских были имена, отражавшие различные свойства и качества людей, их физические недостатки; имена, отражающие порядок появления детей в семье и отношение к ним родителей (Волк, Воробей, Береза, Рябой, Третьяк, Большой, Меньшой, Ждан, Неждан). Отражение этих имен можно найти в современных фамилиях Волков, Воробьев, Нежданов и т. п. С введением на Руси христианства все имена этого типа были вытеснены именами церковными, пришедшими к нам из Византии. Среди них, помимо имен греческого происхождения, были древнеримские, древнеев-

рейские, сирийские, египетские имена. Перенесенные на русскую почву, эти имена не сразу, а только к XVIII–XIX векам вошли в быт народа, при этом изменив свой облик, приспособившись к особенностям русского произношения, словоизменения и словообразования. Так, например, имя Акилина было преобразовано в Акулина, Диомид стал на русской почве Демидом, Иеремия – Еремеем и т. п.

После революции октября 1917 года, когда населению была предоставлена полная свобода в выборе имен, развилось активное имятворчество. Так появились имена, связанные с новой идеологией: Ревмира (Революция Мира), Диамара (Диалектический Материализм), Дотнара (Дочь Трудового Народа), Даздраперм (Да здравствует Первое Мая), Идея, Искра (по названию газеты «Искра»), Искремаса (Искусство Революции – Массам), Лора (первые буквы словосочетания Ленин и Октябрьская революция), Октябрина, Ноябрина, Правдина, Рената (Революция, Наука, Труд). В годы индустриализации появились имена Электрина, Тракторина, Индустрий, Элеватор, Дизель, Рэм (Революция, Электрификация, Механизация) [1]. Всем известен герой повести М. А. Булгакова «Собачье сердце», носитель «уникального» имени Полиграф Полиграфович Шариков.

Очень были распространены имена, посвященные вождю мирового пролетариата. Мужское имя Владилен, со временем сократившееся до более короткого Владлен, было образовано из первых слогов имени (Владимир), отчества (Ильич) и партийной клички (Ленин). В отличие от других «революционных» имен, это имя прижилось, у него существует множество уменьшительных вариантов: Владик, Владя, Владиленочка. Таким же образом образованы имена Вилен и Вил. От партийной клички В. И. Ленина образовано и новое женское имя Нинель. Неизвестный революционно настроенный папа (а может, мама) взял и прочитал слово «Ленин» наоборот. В честь другого советского вождя, «отца всех народов» было создано женское имя Сталина. Путем сложения фамилий вождей мирового пролетариата К. Маркса и Ф. Энгельса появилось новое мужское имя Марксен.

Женское имя Зарина произошло от персидского слова «золото», но в Советской России оно получило новое значение – в качестве производного от «зари» новой жизни. Это имя не слишком прижилось в народе. Появились имена, вычитанные в иностранных романах: Альфред, Рудольф; женские имена, посвященные названиям цветов: Лилия, Астра, Георгина, Роза. До сих пор большинство родителей связывает происхождение имени Майя с весенним месяцем и демонстрациями, посвященными Дню международной солидарности трудящихся. На самом деле это имя было известно несколько тысяч лет назад: в греческой мифологии Майя – мать Гермеса, богиня весны, в индийской – мать Будды, легендарная царица.

Очень романтична история происхождения имени Карина. В Советском Союзе оно впервые появилось в 1934 году, когда знаменитый советский ледокол «Челюскин» совершал свое первое плавание по Северному морскому пути. В тот момент, когда ледокол плыл по Карскому морю, на его борту родилась девочка, которую назвали Кариной в честь того самого моря, где произошло радостное событие. Древнее тюркское имя Тимур (в переводе означает «железо») стало популярно в СССР в конце 1920-х годов, когда стало известно, что легендарный красный командир М. В. Фрунзе назвал своего сына Тимуром. Еще более популярным оно стало после выхода книги А. Гайдара «Тимур и его команда». В память одного из вождей Великой французской революции Жан-Поля Марата в первые годы советской власти получило распространение новое мужское имя Марат.

В появление новых имен внесла свой вклад и советская наука. Она дала нам такие имена, как Радий и Гелий, посвященные только что открытым тогда химическим элементам.

Работая в фондах музея, мы столкнулись с разнообразием имен и отчеств героев наших экспозиций. По этим именам люди становятся вдвойне незабываемыми. Отправной точкой к изучению данной темы на местном материале послужило имя кемеровчанки Смарагды Андреевны Павловой. Из разговора с ней мы узнали, что это русское имя произошло от греческого слова, обозначавшего название зеленого минерала вроде изумруда или берилла. Бывшую сотрудницу музея Оду Николаевну Баронскую собеседники называли Ольгой. Им было непонятно, даже после многократных расспросов, что первые буквы названия Отдельной Дальневосточной Армии легли в основу имени девочки из семьи военнослужащего. Хотя есть и другие толкования этого имени: ода – героическая песня; Ода – имя, сокращенное от старинных немецких имен.

Альбертина Федоровна Фомченко, уроженка Ленинграда, художник и руководитель кукольного кружка, подарила музею свои работы. Имя Альбертина западное, сокращенный вариант имени Альберта.

Обладательница редкого имени Элодия Анатольевна Сусакина передала в музей личный архив Е. М. Полянской, первого директора научно-технического музея КМК. Ираида Федоровна Гвоздкова, учительница из поселка Яшкино, носит русское имя, образованное из двух греческих слов: имени богини Геры и слова «потомок». Носители старых русских календарных имен: Фекла, Ефросинья, Капитолина, Фотиния, Неонила, Евдокия, Феофан, Ермил – также широко представлены в фондах музея.

В ряду мужских имен самым экзотическим для нас является имя Героя Советского Союза Африканта Платоновича Ерофеевского. В имя этого человека буква «т» закралась случайно, правильное его звучание

«Африкан». Это русское имя произошло из латинского слова «африканский», почетное прозвание Африкан получил римский полководец Сципион Старший за победу над Ганнибалом в Пунической войне. Мальчика с фамилией Хренов назвали в 1901 году Иулианом Петровичем. Это церковный вариант русского имени Юлиан. В 1930-е годы именно он рассказал В. Маяковскому о грандиозной стройке века, что послужило поводом к написанию хрестоматийно известного стихотворения «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка».

Сибирским Луначарским называли Вячеслава Олимповича Болдырева. Имя его отца Олимп, или Олимпий, произошло из греческого слова «олимпийский». Династия Щегловых прослеживает имя Евлампия Агафоновича Щеглова.

Архитекторы и скульпторы города Кемерово имели тоже интересные имена. Донат Федорович Зезин носил старое русское календарное имя, произошедшее от латинского слова «подаренный», «отданный». Вольт Иванович Блинов – это электроэнергия пронизала сердце молодых родителей. Режиссеры двух театров города в разное время были обладателями интересных имен: Або Яковлевич Волгин и Адриан Максимович Адрианов. Адриан – русское календарное имя, произошло из латинского слова, обозначавшего жителя Адрии, государства венетов, того же происхождения название Адриатического моря.

Начальник «Кемеровокомбинатстроя» Борис Осипович Норкин и его жена Анна Андреевна Холмогорова назвали одного из своих сыновей Кемером в честь города Кемерово, а другого Симом, что расшифровывали как «Серп и молот», хотя Сим – это известное русское библейское имя, так звали одного из сыновей Ноя. В конце 1990-х – начале 2000-х годов Кемер Борисович Норкин, доктор технических наук, профессор, был начальником управления мэра города Москвы, членом Московского правительства [2].

Большим чудачеством отличался известный в Кузбассе человек, заведующий гелиометеорологической станцией в Темир-Тау Анатолий Витальевич Дьяков. Он назвал своего сына Камиллом в честь выдающегося французского астронома Камиля Фламмариона. От греческого слова «гора» произошло русское календарное имя Ор. Носителем его является Ор Борисович Оше, житель Кемерова.

Известные партийно-хозяйственные функционеры, родившиеся в начале XX века: Аверкий Борисович Аристов и Мефодий Самсонович Поручиков – носили старинные русские имена. Имя Аверкий произошло от латинского слова «удерживать», «отвращать», Мефодий – от греческого слова, означавшего «метод», «теорию», «исследование». Русское имя Самсон произошло от древнееврейского слова «солнечный», в церковном варианте оно звучит как Сампсон. Ведущий научный сотрудник ВостНИИ Рюрик Игнатьевич Чернов вовсе не потомок летописно-

го Рюрика, основателя династии, а обладатель старого русского имени, ведущего происхождение от древнегерманского имени, образованного из двух слов – «слава» и «богатство». В 2001 году наш город посетил 11-летний силач из подмосковного Кунцево – Брюс Хлебников, известный своими мировыми рекордами. Назван он так мамой в честь голливудской суперзвезды Брюса Ли.

Сегодняшний день несет нам новые имена. Как правило, это имена героев многочисленных латиноамериканских сериалов: Роза, Камилла, Диана, Изаура. Большой популярностью пользуются и старинные русские имена. Наиболее распространены Захар, Влас, Степан, Кузьма, Матвей, Савелий, Платон, Полина, Агата, Аглая, Арина. Работники ЗАГСов объясняют это несколькими причинами: ростом патриотизма, стремлением назвать ребенка в честь бабушек и прадедушек, примерами популярных артистов и звезд эстрады. Так, Александр Малинин назвал своих двойняшек Фролом и Устиньей, Мария Шукшина назвала сына в честь своего деда – Макаром. На сегодняшний день самые популярные имена в Кемерове: для девочек – Мария, для мальчиков – Владислав. На Западе стало модным называть ребенка по названию места, где он был зачат (дочь Ирландия у звезд Голливуда Ким Бейсингер и Алека Болдуина; сын Бруклин у английского футболиста Дэвида Бэкхема).

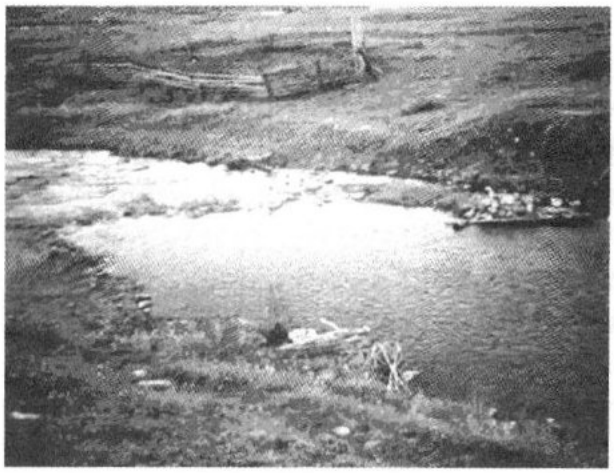
Библиографические ссылки

1. Справочник личных имен народов РСФСР. Москва, 1987. С.20–21.
2. «Кадры решают все», но не все кадры // Управление персоналом. 1999. № 9. С. 4.

Н. А. Мишов,
аспирант ЛЭЭГ ИУУ СО РАН

Рыболовство шорцев в XX веке (традиции и современность)

Рыболовство всегда было представлено в традиционных культурах жизнеобеспечения коренных этносов Кемеровской области. В настоящее время для ряда локальных этнических групп оно представляет собой значимое занятие с точки зрения традиционных форм выживания. Усилению жизнеобеспечивающей роли рыболовства во многом способствовал экономический кризис конца XX столетия, приведший к разрушению социально-экономической инфраструктуры национальных районов и стремительному падению уровня занятости населения. В связи с этим у коренных народов наблюдается возврат к традиционным формам хозяйствования, включая и рыболовный промысел.



Запруда на реке для установки «ашпара», пос. Усть-Анзас, 2000 г.

Наиболее отчетливо в пределах региона подобные процессы проявляются в среде этнолокальных сельских групп шорцев.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать процессы культурной модернизации рыболовства и выявить основные изменения в сфере технической оснащенности и технологиях традиционного рыболовства, произошедшие в XX веке и продолжающиеся в настоящее время.

Водоемы Шории принадлежат бассейну Томи. На данной территории можно выделить три наиболее крупные реки (Томь, Мрассу, Кондому), довольно большое количество небольших речек (притоков различного порядка), немного заливных озер и мелких временных водоемов поймы и несколько каровых водоемов.

Как отмечал профессор Томского университета Б. Г. Иоганзен, гидрологической особенностью рассматриваемого района является сильно развитая речная сеть, которой свойственно значительное колебание водоносности. Наиболее многоводны реки в мае-июне, когда происходит интенсивное таяние снега. В июле-октябре наблюдается спад воды, перемежающийся паводками. Зимний период характеризуется минимальным стоком и сильным развитием ледовых явлений [1].

С давних времен рыболовство занимало важное место в жизни жителей Горной Шории. Об этом свидетельствуют народные сказания и большое количество слов в шорском языке, связанных с рыболовным промыслом. В шорских легендах главные герои часто занимались рыбной ловлей, ставили на реках загородки. Имеется ограниченное число археологических находок, подтверждающих наличие рыболовства как отрасли хозяйства на юге Кемеровской области. Известный исследователь Горной Шории и Алтая Л. П. Потапов отмечает: «В нашем распоряжении нет археологических памятников, относящихся непосредственно к территории Шории. Однако материал из раскопок в северных предгорьях Алтая, датируемый концом неолита (новокаменного века) и началом металлического периода, показывает нам существование рыболовства наряду с охотой и даже скотоводством. Рыболовство в северных предгорьях Алтая в эпоху неолита, вероятно, имело широкое распространение и продолжало иметь значение во все последующие эпохи вплоть до нашего времени. Отсюда мы вправе сделать предположение, что северная часть Шории, населенная с очень раннего периода, не являлась в этом отношении исключением» [2]. Археологические

исследования последних десятилетий, в принципе, ничего не добавили к суждениям Л. П. Потапова. Так, кузбасские археологи В. В. Бобров и Ю. В. Ширин дали описание 19 памятников, расположенных по берегам р. Мрассу. В числе найденных каменных орудий, керамики, шлаков, костных остатков и др. авторы указывают на единичную находку галечного грузила для рыболовной сети в поселении Комус-II [3].

Следует отметить, что в жизни шорцев рыболовство носило вспомогательный характер и было ориентировано на то, чтобы разнообразить рацион питания семьи. Лишь в устье Мрассу, Кондомы и по р. Томь к концу XIX века рыболовство стало весьма значимой, с экономической точки зрения, отраслью хозяйства. В настоящее время рыбная ловля занимает в быту сельских жителей Таштагольского района то же место, что и в жизни их предков, а именно выступает в качестве дополнительного источника питания.

Среди 22 видов рыб, обитающих в водоемах Горной Шории, наибольшее значение для местных жителей имеют следующие: хариус сибирский (*Thymallus arcticus* Pallas, 1776[1]), щука (*Esox lucius* Linnaeus, 1758), елец сибирский (*Leuciscus leuciscus* Linnaeus, 1758), таймень (*Hucho taimen* Pallas, 1773), налим (*Lota lota* Linnaeus, 1758), язь (*Leuciscus idus* Linnaeus, 1758), ленок тупорылый (*Brachymystax savinovi* Mitrofanov, 1959). В прошлом молодь различных видов {главным образом гольяна обыкновенного (*Phoxinus phoxinus* Linnaeus, 1758), гольца томского (*Barbatula toni* Dybowski, 1869), пескаря сибирского (*Gobio cynocephalus* Dybowski, 1869), ельца сибирского (*Leuciscus baicalensis* Linnaeus, 1758) и др.} имела довольно большое значение в шорской кухне. Рыбья «мелочь» составляла обязательный компонент традиционной похлебки с шариками из теста.

Для ловли рыбы шорцы использовали различные методы. Самая мелкая рыба добывалась на отмелях. Женщины и дети целыми днями бродили по отмелям и по мелким таежным речушкам, обшаривали руками ямки под камнями и извлекали оттуда мелкую рыбу [4].

Другим распространенным способом добычи мелкой рыбы была ловля при помощи сачка, изготовленного из волокон конопли. Опустив сачок на дно, ловец затаивался, склонившись над ним, и поднимал легкую муть пальцами ноги. Муть привлекала целые стайки мелкой рыбы. Как только над сачком собиралось большое количество рыбы, рыбак поднимал сачок и вытряхивал из него свою добычу в берестяную коробку, которая плавала рядом с ним.

---

[1] В соответствии с правилами зоологической систематики название вида пишется на латинском языке и состоит из двух слов. Первое слово – название рода – пишется с заглавной буквы, затем следует собственно видовое наименование. После названия вида указывается фамилия автора, впервые описавшего данное животное, и год опубликования научной работы, в которой было произведено описание.

Из традиционных орудий лова наиболее специфическими являются «пара» и «ашпар». Пара представляла собой сеть в форме конического мешка, ее длина достигала 5–6 метров. Для ее установки сооружалась загородка в виде острого угла. В вершине этого угла устанавливалась «пара». За несколько дней она наполнялась мелкой рыбой, которую впоследствии сушили на солнце [5]. Другим способом ловли мелкой рыбы является «ашпар». Он представляет собой ящик размером 3 на 1,5 метра. Использовали его осенью, когда рыба начинала скатываться на зимовку в крупные реки. Для его установки небольшую горную речку перегораживали загородкой, плетенной из ивовых прутьев. За несколько дней отверстия в загородке забивались плывущими листьями и уровень воды поднимался. В центре загородки в верхней части имелось отверстие для слива воды. Под это отверстие устанавливали «ашпар» и вместе с водой в него попадала рыба.

Добыча мелкой рыбы не требовала дорогостоящего оборудования, больших физических затрат и специальных навыков. В то же время такая рыбалка являлась довольно надежным источником пищи, что, по-видимому, и способствовало ее повсеместному распространению на территории Горной Шории.

Из других древних приемов рыболовства следует отметить употребление лука [6]. Из лука шорцы стреляли деревянными стрелами, иногда снабженными широкими железными наконечниками. Так добывали мелких щук, которых ловили также и силком, в виде волосяной, легко затягивающейся петли, насаженной на длинную палку.

Для добычи крупной рыбы: тайменя, хариуса, щуки – пользовались сетью и неводом. Нитки, используемые для плетения неводов и сетей, изготовляли из волокон конопли. В зависимости от вида рыбы и ее размера применялись различные типы сетей. Наиболее интересными типами сетей являются: комбинированная сеть и «agьspa» [7]. Первая представляла собой сеть длиною 9 метров, шириною 1 м. Особенностью ее устройства являлось то, что она состояла из ячеек различного размера, что позволяло промышлять рыбу различных видов и размеров. В верхней части, начиная от поплавков, шли ряды из крупных ячей, рассчитанные на ловлю крупной рыбы. Ниже располагались ячеи меньшего размера, предназначенные для добычи крупного хариуса. Еще ниже шли ряды более мелких ячеек для мелкого хариуса, а нижние ряды, предназначенные для самой мелкой рыбы, делались еще мельче. По нижнему краю сети крепились грузила. Грузила делали из речной гальки, привязанной к сети корнем кедра. Вторая разновидность сетных орудий представляет собой длинную сеть без грузил. Верхний конец сети крепился к длинной жерди. При помощи данного орудия рыбачили ночью. Для этого сеть пускали поперек реки вниз по течению, а по бокам от нее плыли на лодках, держась за концы жерди. Когда рыба

Починка сетей у шорцев

попадалась в сеть, она начинала биться, и эти толчки передавались на жердь. Почувствовав это, рыбаки извлекали из воды сеть и доставали из нее пойманную рыбу

Помимо перечисленных выше орудий лова, широкое распространение имели различные типы «морд» [8]. Способ их постановки аналогичен постановке «пара», но рассчитаны они на более крупную рыбу.

Осенью щуку, налима, тайменя и другую крупную рыбу «лучили», для чего ночью на носу лодки разжигали огонь и тихо плыли по течению. Попадающих в освещенный круг спящих рыб били острогой. Этот способ требовал от рыбака большого опыта и умения.

В настоящее время сельскими жителями Горной Шории для ловли рыбы чаще всего применяются удочки, «морды» и сети. При ловле на удочку в зависимости от сезона применяют различные виды наживок: червь, слепень, мормышка [9]. Широкое распространение получило использование приобретаемых в торговых точках капроновых сетей китайского производства. По всей видимости, это связано с их низкой стоимостью и доступностью в торговой сети. Купленные сети приспосабливают к условиям промысла на быстрых горных реках. Ввиду того, что предотвратить спутывание длинной сети затруднительно, местные жители разрезают стандартную сеть на 3–4-метровые отрезки, которые и используют для добычи рыбы [10]. Свободная продажа сетей освободила от необходимости делать их самим кустарным способом, что и позволило увеличить время пребывания на промысле. Но, по причине

низкой стоимости этих сетей, они стали доступны широкому кругу лиц, ранее не практиковавших рыболовство. Таким образом, происходит привлечение к промыслу случайных людей. Учитывая сокращение рыбных ресурсов, это явление может привести к возникновению конфликтов из-за рыбопромысловых участков. Применение комбинированных сетей и пара на территории Шорского национального парка в настоящее время не отмечается [11].

В конструктивные и технологические характеристики используемых шорцами «морд» на протяжении XX века не было внесено существенных изменений. Инновационные процессы коснулись материалов, из которых изготавливаются данные орудия. Если в начале прошлого века для плетения «морд» применяли ивовые прутья, то в настоящее время для этих целей используют алюминиевую проволоку [12]. Использование новых материалов позволило, с одной стороны, увеличить срок службы орудий, а с другой – обеспечило отлов более крупной рыбы. В осенний период, когда температура воды снижается, распространена добыча налима при помощи остроги. Для этого в ночное время рыболов бредет по мелководью с фонарем и добывает спящую рыбу. Из традиционных орудий лова шорцы по-прежнему применяют, хотя и гораздо реже, «ашпар».

Учитывая сказанное выше, можно сделать вывод о том, что основным направлением культурных инноваций в сфере рыболовства шорцев явилось использование современных материалов для изготовления орудий промысла при сохранении традиционных технологий добычи. С другой стороны, заметна также тенденция к адаптации новых орудий лова к традиционным технологиям. Эти обстоятельства, по-видимому, определены высокой степенью приспособленности традиционных для шорцев технологий рыболовства к местным природным условиям и вытекающей отсюда значительной их жизнеобеспечивающей эффективностью.

Несмотря на появление новых орудий и заметное повышение технической оснащенности рыболовного промысла, его роль для коренного населения Горной Шории остается прежней, как и в начале XX века, – вспомогательной по отношению к охоте и ореховому промыслу отраслью традиционного хозяйства. В этом вполне можно усматривать проявление значительной устойчивости этнических традиций шорцев в области жизнеобеспечения. Произошедшие за последнее столетие этнокультурные и социальные модернизационные процессы, как видно, существенно не затронули основы традиционного хозяйства – его отраслевой структуры и применяемых технологий природопользования.

Библиографические ссылки

1. Иоганзен Б. Г. Рыбы Горной Шории //Вопросы географии Сибири: сб. III. Томск, 1953. С. 235-236.

2. Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.; Л., 1936. С. 66-67.
3. Бобров В. В., Ширин Ю. В. Древняя история и археологические памятники // Шорский национальный природный парк: природа, люди, перспективы. Кемерово, 2003. С. 107–122.
4. Потапов Л.П. Указ. соч. С. 67-68.
5. Потапов Л.П. С. 68.
6. Потапов Л.П. С. 68.
7. Потапов Л.П. С. 69.
8. Иоганзен, Б.Г. С. 237-238.
9. Мишов Н.А. Полевой дневник. Пилотажное этносоциальное обследование шорского населения Таштагольского района Кемеровской области. Кабырзинское территориальное управление. Совместная экспедиция с ИФП СО РАН г. Новосибирск. Август 2006 г. // Архив группы этносоциальных экспертиз Лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики ИУУ СО РАН – КемГУ:
10.Там же.
11.Там же.
12.Там же.

В. В. Поддубиков,
канд. ист. наук, научный сотрудник
ЛЭЭГ ИУУ СО РАН – КемГУ

Сибирские татары Мариинского района: особенности промыслово-скотоводческой специализации традиционного хозяйства

Сибирские татары – колоритная в культурном отношении этническая группа в составе населения Кемеровской области. Результаты полевых этносоциальных исследований показывают, что сибирские татары в настоящее время остро переживают глубочайшую трансформацию своей традиционной культуры. Особенно это заметно у сельских этнолокальных групп. Культурные и социально-экономические изменения прежде всего затрагивают традиционные для этноса стратегии выживания в рамках привычной природной среды. Как результат, сегодня наблюдаются существенные изменения в отраслевой структуре и уровне экономической эффективности тех форм природопользования, которые исторически практиковались сибирскими татарами.

В данной работе впервые обобщаются результаты полевых исследований, проведенных автором в 2003–2006 годах в селе Туйла Мариинского района Кемеровской области. В этническом отношении структура населения обследованной территории однородна. Здесь проживают

только сибирские татары, что позволяет рассматривать текущие процессы развития традиционной культуры этнической группы вне контекста существенных инокультурных воздействий.

Существующая у сибирских татар система традиционного природопользования в целом имеет экстенсивный характер и представляет собой сбалансированный хозяйственный комплекс, объединяющий как сельскохозяйственные (производящие), так и промысловые (присваивающие) отрасли. Используемые населением возобновимые природные ресурсы здесь вполне достаточны для развития стойлового скотоводства, огородничества, а также рыболовного, охотничьего и орехового промыслов. На припойменных террасах р. Кии значительные площади заняты заливными лугами, которые представляют собой продуктивные сенокосные угодья. Качество заготавливаемых здесь кормов достаточно высоко как с точки зрения энергетической ценности получаемой сухой массы, так и в отношении длительности срока хранения сена [1]. При этом характер распределения в течение года осадков вполне благоприятен для производства сенокосных работ во второй половине июля, которые зачастую укладываются в 2–3 недели. Среди преобладающих типов почв наиболее распространены серые суглинки при мощности плодородного слоя в пределах 50–60 см. Однако уровень их плодородия и годовой температурный режим соответствуют минимально необходимым условиям для выращивания большинства культивируемых овощных культур.

Все это предопределило наличие скотоводческой и земледельческой ориентации татарского хозяйства. Она прослеживается по показателям обеспеченности домохозяйств скотом, лошадьми, сенокосными участками и огородами. Около 40 процентов семей обеспечены крупным и мелким рогатым скотом в размере 2–3 голов и 4–8 голов соответственно; средние размеры поголовья лошадей при этом составляют 1–2 головы; площадь сенокосов у подавляющего большинства домохозяйств колеблется в пределах 3,5–7 гектаров, а огородов – 0,20–0,25 гектара. Таким образом, прослеживается сохранение традиционно-хозяйственной специализации этнической группы на ведение скотоводческого хозяйства – отрасли, обусловленной этническими традициями и экологическими параметрами территории.

Вместе с тем для практики расширенного производства сельскохозяйственной продукции необходимы стабильные рынки сбыта, сеть заготовительных пунктов или частных скупщиков мяса, молочных продуктов и т. п. К сожалению, сложившаяся на данной территории ситуация в этом отношении неблагоприятна. Главная причина в значительной удаленности и труднодоступности района. Это существенно затрудняет процесс товарооборота. Производимая населением мясомолочная продукция закупается в ограниченных количествах и эпизоди-

чески частными предпринимателями, приезжающими из Мариинска. Естественно, что из-за значительных затрат на транспортировку товара закупочные цены высокими здесь быть не могут. По состоянию на лето 2003 года они не превышали 35 рублей за килограмм на говядину и 30 рублей за килограмм на конину [2]. Это в среднем на 30–40 процентов ниже, чем в районном центре – г. Мариинске.

На отсутствие спроса на продукцию скотоводства в с. Туйла сказывается и конкуренция со стороны фермерских хозяйств, расположенных в соседних селах Кирсаново, Берикуль, Тюменево. В данной ситуации скотоводческая отрасль практически не в состоянии обеспечивать стабильные поступления в бюджеты семей и теряет товарную значимость, как и огородничество. Поэтому скотоводство и огородничество играют вспомогательную роль и сориентированы лишь на удовлетворение внутренних потребностей семей в продуктах питания.

На стабильность семейных доходов, к сожалению, мало влияет и официальное трудоустройство. Все рабочие места сосредоточены в бюджетной сфере и не обеспечены высокой заработной платой. Это преподаватели и сотрудники местной восьмилетней школы (всего 9 ставок), фельдшерско-акушерского пункта (2 человека), татарского культурного центра (4 человека), специалисты сельской администрации (2 ставки) [3]. Недостаток рабочих мест в с. Туйла вынуждает значительную часть населения искать работу в районном центре. Так, около 30 процентов официально занятых мужчин, имеющих востребованные на рынке труда рабочие специальности, трудоустроены в Мариинске, в основном в сфере жилищно-коммунального хозяйства или на частных предприятиях. В результате работа в городе ведет лишь к эпизодическому пребыванию по основному месту жительства и не дает возможность заняться в полной мере традиционным хозяйством. Поэтому большая часть населения сориентирована на сезонное трудоустройство, которое можно совмещать с практикой индивидуального приусадебного хозяйства и промыслов.

В таких условиях высокого уровня достигает безработица. Не менее 70 процентов трудоспособных мужчин и 80 процентов женщин в пос. Туйла (по состоянию на 1 июля 2003 года) являлись официально безработными, что определяет низкий прожиточный уровень, который лишь отчасти компенсируется товарными заготовками пушнины и кедрового ореха, являющимися основными (причем нетрадиционными для сибирских татар) источниками пополнения семейных бюджетов. Это, по-видимому, стало возможным благодаря наличию достаточного количества промысловых ресурсов и доступности для местного населения рынков сбыта промысловой продукции.

По имеющимся у нас экспертным оценкам [4], перечень объектов пушной охоты весьма обширен. Однако максимальное промысловое

значение имеют лисица (Vulpes vulpes), белка обыкновенная (Sciurus vulgaris), колонок (Mustela sibirica), барсук (Meles meles), бобр обыкновенный (Castor fiber), ондатра (Ondatra zibethicus) и отчасти выдра речная (Lutra lutra). Трудозатратности процесса опромышления незначительны вследствие того, что технологии опромышления не предполагают длительного пребывания охотников в тайге. Они зачастую устанавливают в строго определенных местах ловушки и периодически (один раз в 2–3 дня) их проверяют. Охота является доходным занятием также и потому, что существуют стабильные каналы сбыта пушнины и устойчивый спрос на нее не только на региональном уровне, но и за пределами Кемеровской области.

По объемам ежегодного товарооборота пушно-мехового сырья, добываемого населением с. Тула, ключевые позиции занимает ОАО «Запсибпушнина» (Новосибирск), имеющее здесь своего внештатного заготовителя, осуществляющего оптовую скупку шкурок лисицы, белки, ондатры, выдры, бобра и норки. Совокупная стоимость продукции колеблется в интервале 150–200 тыс. рублей [5]. Учитывая, что число лиц, постоянно добывающих пушнину, не превышает здесь 20 человек [6], нетрудно подсчитать и среднегодовые доходы от ее реализации на одного охотника. Они в особенно удачные годы могут составлять до 10 тыс. рублей. Таким образом, семья, имеющая в своем составе двух человек, занятых на пушном промысле (что зачастую и наблюдается), способна ежегодно пополнять свой бюджет в среднем на 20 тыс. рублей только за счет сотрудничества с «Запсибпушниной».

Взаимовыгодными оказываются также практикуемые заготовителями бартерные формы обмена пушнины на продовольственные товары и товары первой необходимости. К сожалению, на территории сельской администрации имеется лишь одна торговая точка системы райпо, которая из-за скудости ассортимента не способна обеспечить даже минимальный спрос на основные продукты питания. И население охотно приобретает их мелким оптом в обмен на пушнину. При этом явно заниженные закупочные цены на реализуемое сырье не являются существенной помехой для такого рода торговли, поскольку в данном случае отпадает необходимость самостоятельно выезжать в соседние населенные пункты с целью закупки продовольствия.

Помимо заготовок по линии «Запсибпушнины», существенная его часть реализуется на «черном» рынке, через посреднические услуги частных предпринимателей из Мариинска, которые систематически скупают пушнину и перепродают ее. Объемы товарооборота невелики, хотя закупочные цены стабильны и относительно высоки. Вместе с тем доступ к этому направлению сбыта промысловой продукции имеют далеко не все охотники. Заключаемые сделки носят незаконный (с формальной точки зрения) характер и часто базируются на родственных связях

или же иного рода доверительных отношениях. Точно оценить размеры сбываемой таким образом пушнины и соответствующие доходы населения не представляется возможным из-за отсутствия у нас объективных данных. Тем не менее сам факт наличия в с. Туйла как минимум двух альтернативных направлений реализации продукции пушной охоты заставляет признать за этой отраслью высокую в целом товарную значимость, способную повысить прожиточный уровень населения.

Подчиненную роль в хозяйственном комплексе сибирских татар играет охота мясного направления. В зоне хозяйственного освоения татарского населения присутствуют копытные, а именно лось (Alces alces) и косуля (Capreolus pygargus). Постоянное присутствие копытных нередко является дополнительной возможностью пополнить рацион питания за счет мяса диких животных. Особенно важным это становится в периоды перед забоем скота (вторая половина лета – осень), когда большая часть семей испытывает дефицит мясных продуктов. Именно на это время падает пик добычи копытных, заготовки которых, однако, носят весьма ограниченный характер. Так, на все население с. Туйла в год приходится не более 3–4 убитых лосей и 10–15 косуль. При этом охота на мелких копытных осуществляется лишь по мере необходимости, а часто и при случайных встречах. Товарной ориентированности охота мясного направления не имеет и служит исключительно для временного (сезонного) расширения рациона питания населения.

Заготовки кедрового ореха, также практикуемые большинством хозяйств, возможны здесь благодаря наличию значительных лесных массивов с участием кедра. Многие кедровники при этом отличаются слабо развитой лесной подстилкой, разреженным характером древостоев и повышенной ветвистостью деревьев [7]. Расположены они в непосредственной близости от с. Туйла, в радиусе 5–10 километров. Благодаря этому население не испытывает нехватки орехопромысловых ресурсов, а осваиваемые им угодья вполне удобны и для транспортировки добываемого ореха, и в отношении эффективности технологий опромышления, основанных на так называемом «лазовом» методе [8]. В результате уровень трудозатратности достаточно низок. Это определяет экономическую эффективность орехового промысла как одной из важных отраслей практикуемого населением хозяйственного комплекса. К тому же заготовка кедрового ореха не занимает много времени и успешно сочетается, так же как и охота, с циклом важнейших сельскохозяйственных работ.

Стационарных заготовительных пунктов ореха в селе нет. Весь добываемый здесь кедровый орех на месте скупается частными лицами, оснащенными, как правило, высокопроходимой большегрузной автомобильной техникой. При этом существенные транспортные расходы предпринимателей не останавливают, так как достаточно быстро окупа-

ются при вторичной перепродаже ореха на рынках городов Мариинска, Кемерово, Томска. По оценкам экспертов, объемы ежегодных заготовок ореха достаточно высоки. В расчете на одного человека они составляют 1–1,5 тонны в год [9]. Закупочные цены по состоянию на осень 2002 года колебались в пределах 15–20 рублей за килограмм. Таким образом, одна семья вполне могла за промысловый сезон (не более 1,5 месяца заготовок) заработать от 30 до 60 тыс. рублей, что соответствует среднему размеру годовой заработной платы работника бюджетной сферы. По-видимому, именно высокая доходность орехового промысла в комплексе с его достаточной ресурсной обеспеченностью в настоящее время выступает главным фактором расширенной ориентации большинства обследованных домохозяйств на товарные заготовки ореха.

Рыболовство, традиционно присутствующее в хозяйственном комплексе сибирских татар, столь высокой экономической мощностью не отличается. Оно имеет отчетливо выраженное вспомогательное значение. Вся добываемая рыба, как правило, потребляется внутри семей и товарной значимости не имеет, несмотря на ее существенные запасы в близлежащих водоемах. Причина – исключительная ограниченность рынков сбыта, что обусловливается отсутствием широкого спроса на рыбу на местных рынках и труднодоступностью района.

В данном районе имеются все возможности для промыслового рыболовства. По основному руслу и старице р. Кии, а также в мелких озерах и прудах, расположенных на расстоянии не более 2–3 километров от с. Туйла, имеются елец сибирский (Leuciscus baicalensis L.), щука (Esox lucius L.), окунь (Perca fluviatilis L.), голец томский (Barbatula toni Berg), язь (Leuciscus idus L.), карась (Carassius gibelio Bloch), ленок (Brachymystax savinovi Mitrofanov) и лещ (Abramis brama). Изредка встречается также налим (Lota lota L.). По притокам р. Кия весной и осенью скапливается хариус сибирский (Thymallus arcticus Pallas).

Большинство опрошенных нами рыболовов [10] указали на значительный удельный вес рыбы в рационе питания местного населения. Она не только потребляется в пищу в период максимально интенсивного лова, но заготавливается впрок, вялится, коптится, солится, перемалывается в рыбную муку. В то же время средние объемы ежегодного отлова в расчете на одну семью весьма ограниченны. Они зачастую не превышают 250–300 килограммов. С одной стороны, этого вполне достаточно для удовлетворения собственных потребностей населения, а с другой – налицо явное недоопромышление имеющихся ресурсов, значительные запасы которых могли бы соответствовать и товарным заготовкам рыбы.

В заключение следует отметить, что перед нами особая система этнического природопользования, сочетающая в себе как традиционные элементы хозяйственной специализации сибирских татар, так и не

свойственные им отрасли, вынужденно практикуемые в условиях кризисной социальной ситуации, с одной стороны, и при наличии особых экологических условий – с другой. Именно синхронное действие этих двух факторов предопределило соотношение сельскохозяйственного производства и промыслов в рамках единого комплексного хозяйства. В условиях преобладающих равнинно-таежных ландшафтов, строгой ограниченности числа постоянных рабочих мест и невысокой товарной значимости продукции скотоводства важными источниками дохода для населения становятся практика пушной охоты и заготовки кедрового ореха, несмотря даже на то, что они не являются традиционными для сибирских татар формами экономической активности. И наоборот, исторически практиковавшиеся этносом отрасли (скотоводство и рыболовство) в сложившейся ситуации оказываются отсеченными от региональных рынков сбыта, перестают быть экономически высокоэффективными занятиями и, в конечном итоге, приобретают лишь вспомогательное жизнеобеспечивающее значение.

Налицо экстенсивный характер татарского хозяйства. Он, прежде всего, просматривается через ориентацию этнической группы на максимально полное использование всех доступных биоресурсов. При этом внутренние связи системы природопользования в сфере производства и потребления достаточно четко отрегулированы в соответствии с потребностями самого населения в источниках пополнения семейных бюджетов и продуктах питания.

Не вызывает сомнения тот факт, что при существенном сокращении в пределах исследуемого района традиционно осваиваемой ресурсной базы или ограничении режима ее использования неминуемо произойдет резкое снижение и без того критически низкого прожиточного уровня обширной части семей. В этой связи отчетливо ощущается необходимость государственной поддержки практики экстенсивного хозяйствования сибирских татар. Отсутствие у этноса официального правового статуса коренного малочисленного народа вряд ли объективно должно этому препятствовать, поскольку его локальные группы, расселенные в отдаленных сельских районах, в настоящее время вынуждены выживать исключительно за счет самостоятельной хозяйственной деятельности. В конечном счете они в полной мере испытывают на себе весь комплекс этносоциальных проблем, характерных для мест компактного проживания коренных народов региона – шорцев и телеутов, за которыми государством признается право на приоритетное использование традиционно осваиваемых природных ресурсов.

Библиографические ссылки и примечания

1. Поддубиков В. В. Полевой дневник. Пилотажное этносоциальное обследование сибирских татар Мариинского района Кемеровской области. Туйлинская сельская

администрация. Кузбасская комплексная экспедиция. Август 2003 г., №7 // Архив группы этносоциальных экспертиз Лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики (ЛЭЭГ) ИУУ СО РАН – КемГУ: № 7, л. 3.

2. Данные получены от главы Туйлинской сельской администрации Александра Николаевича Кропотова (1947 г. р.) // Архив ЛЭЭГ.., л. 2 об.–3.

3. Список рабочих мест по Туйлинской сельской администрации предоставлен специалистом сельской администрации Сарой Харисовной Ахметзяновой (1949 г. р.). См.: Архив ЛЭЭГ…, л. 42.

4. Архив ЛЭЭГ… Л. 11–12 об., 21, 25–27, 34.

5. Там же. Л. 11–12 об.

6. Там же. Л. 2 об. –3.

7. Атрохин В.Г. Основы лесной таксации. М., 1971. С. 20.

8. «Лазовым«» способом промысел осуществляется на протяжении второй половины августа-сентября. При этом добывается гораздо больше ореха, чем в период сбора паданки (тушкена). Сама технология заключается в сбивании шишек на землю при помощи специального шеста одним человеком, взобравшимся на ствол дерева при последующем шелушении и транспортировке ореха к месту просушки. Таким образом, наиболее удобными для опромышления оказываются разреженные древостои со слабо развитой растительностью нижних ярусов, а также наличием на стволах деревьев достаточного количества сучьев на высоте 1,5–2 метров над землей и выше. Наличие всех этих условий позволяет, во-первых, взбираться на деревья без дополнительных усилий, а во-вторых, без труда находить на земле сбитые шишки, шелушить их непосредственно на месте и загружать в специальную тару. Разреженный характер лесонасаждений позволяет также использовать гужевой (а иногда и автомобильный) транспорт для погрузки и транспортировки собранного ореха.

9. Архив ЛЭЭГ. Л. 2 об. –3.

10.Там же. Л. 11–12 об., 21, 25–27, 34.

КОЛЛЕКЦИИ РАССКАЗЫВАЮТ...

Е. В. Лежнева,
науч. сотрудник Кемеровского
областного краеведческого музея

«Воровские деньги» в собрании Кемеровского областного краеведческого музея

Гордостью каждого музейного собрания принято считать подлинные предметы, редкие экземпляры. Противоречием в этом плане являются фальшивые монеты, которые можно рассматривать как необычные образцы – образцы незаконного монетного производства.

В нумизматической коллекции музея, которая насчитывает более 7 тысяч единиц хранения, хранятся две фальшивые монеты. Фальшивыми называются монеты, изготовленные в злонамеренных целях (обман других) заново или путем переделки подлинных монет, за что предусмотрено наказание в соответствии с уголовным законодательством [1]. Производство фальшивых денег было прибыльным, и потому меры, принимаемые государством, не искореняли этого преступного занятия.

Чеканка фальшивых монет, или, как их называли, «воровских денег» (а сам промысел назывался «воровским денежным делом» [2]), производилась либо путем чеканки новым штемпелем, сделанным фальшивомонетчиком, либо путем отливки. В первом случае бывали редкие исключения, когда один из работников Монетного двора незаконно использовал старые подлинные штемпели [3].

В данной статье речь пойдет о фальшивых монетах, выпущенных с целью наживы мастеров, их изготавливающих. Указанные монеты поступили в собрание музея как входящие в клады, что определяет особый интерес к их исследованию.

Первая монета, 1624 года выпуска (оф 2042/341), – из клада восточноевропейских серебряных монет 1616–1644 годов, насчитывающего 641 единицу. История клада неизвестна. В книге поступлений музея запись о постановке на учет сделана 6 июля 1960 года и названа кладом польских монет Сигизмунда III. Монеты были найдены в конце 1959 года в частном доме в Мариинском районе Кемеровской области

Фальшивая монета – полторак. Польша, 1624 год

под ветхим полом во время ремонта. Судьба последнего владельца неизвестна, но можно предположить, судя по составу монет, что это мог быть выходец из Польши, участник восстания 1863–1864 годов, сосланный в сибирскую ссылку. Почему владелец не воспользовался ценным кладом серебряных монет, остается загадкой. Вообще, в кладе присутствуют не только монеты короля Сигизмунда III, но и короля Швеции Густава II Адольфа, и королевы Крестины, маркграфа Брандернбургского Георга Вильгельма.

Как видно, состав клада типичен для территории Польши, Литвы, Украины и Белоруссии XVII–XVIII веков.

Фальшивая монета имеет номинал полторак – серебряная монета достоинством 1,5 гроша, чеканившаяся в Речи Посполитой по образцу немецких дрейпелькеров [4].

На аверсе располагается гербовый щит с серединным щитом: в центре, на малом щите, герб династии Ваза в виде снопа ржи, во 2-м и 5-м полях – герб Польши (орел с распростертыми крыльями), в 3-м и 4-м – скачущий всадник с мечом в руке (герб Литвы), круговая легенда в переводе: «Сигизмунд 3 Божией милостью король польский великий князь литовский». Реверс монеты: держава с ажурным крестом. На державе цифра «24», обозначающая 1/24 талера. По сторонам от креста последние две цифры – годы чеканки монеты «24». Круговая легенда в переводе: «Монета новая королевства Польши». Внизу, в рамке, разделяя легенду, герб лица, ведавшего казной королевства: коронный подскарбий Николай Данилович, что полностью соответствует подлинным монетам клада. Государственный монетный двор находился в г. Быдгощ. Конечно, место производства фальшивых монет установить невозможно.

Монета изготовлена из меди с серебряным покрытием. На аверсе и реверсе серебро частично утрачено и видна медная поверхность. Масса

0,88 грамма, диаметр 19 миллиметров. Монета не отличается от аналогов массой, размером и оформлением. Только при детальном исследовании монетного металла была выявлена фальшивая составляющая. Вероятно, при чеканке был использован подлинный штемпель. Высокий уровень изготовления фальшивой монеты не позволил, по-видимому, выявить ее в свое время в процессе обращения, так как практически все монеты клада имеют высокую степень износа.

Другая монета, определенная тоже как фальшивая (оф 2042/341), представлена в составе клада монет Российской империи 1858–1916 годов.

В кладе 624 медные и серебряные монеты. В музей клад поступил в 1962 году. Исследуя состав клада, можно заключить, что он копился владельцем продолжительное время и не был использован им по назначению. Ранние монеты (1916 года выпуска) позволяют сделать вывод, что дальнейшее пополнение было прервано революционными событиями 1917 года. Сведения о месте находки и лице, сдавшем клад в музей, отсутствуют.

Интересующая нас монета имеет номинал 15 копеек, год выпуска 1909-й, изготовлена из белого металла. На аверсе изображен герб Российской империи 5-й разновидности, внизу инициалы минцмейстера Эликума Бабаянца.

Даже визуально, без специального исследования массы и металла, можно различить не соответствующие подлинникам детали местных гербов на двуглавом орле.

На реверсе монеты обозначены номинал, год и место чеканки (Санкт-Петербургский монетный двор). Гурт рубчатый, почти полностью сглажен. Диаметр 19,5 миллиметра. Масса 2,40 грамма, что соответствует пределам нормы.

Интересно, что монета несет следы длительного хождения, но своевременно не была выявлена как фальшивая, поэтому и попала в клад как подлинная.

В музейном собрании описанные монеты рассматриваются нами в качестве редких экземпляров монетного производства, как противоположность государственному монопольному праву на их чеканку.

Библиографические ссылки

1. Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., 1993. С. 116.
2. Потин В. М. Монеты. Клады. Коллекции. СПб., 1993. С. 209.
3. Там же. С. 207.
4. Нумизматический словарь / автор-сост. В. В. Зварич. Львов, 1975. С. 100.

А. В. Добжанская,
науч. сотрудник Кемеровского
областного краеведческого музея

«Живописное обозрение» и его издатель Август Семен

В фонде «Редкая книга» Кемеровского областного краеведческого музея хранится немного изданий, которые можно отнести к замечательным образцам полиграфического искусства. Среди изданий первой половины XIX века к ним можно с уверенностью отнести «*Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития, с присовокуплением живописного путешествия по земному шару и жизнеописаний знаменитых людей, издаваемое Августом Семеном*» [1]. В музее хранится второй том «Живописного обозрения», изданный в 1840 году в Москве, в одной из лучших типографий своего времени – типографии Августа Семена при Императорской Медико-хирургической академии.

Как и многие другие издатели и типографы Российского государства, Август Иванович Семен (по другим источникам Рене-Семен;1783–1862) был иностранцем – французом. Он приехал в Москву в 1810 году в качестве сопровождающего оборудование для типографии Н. С. Всеволожского. Во время Отечественной войны 1812 года вместе с другими иностранцами был выслан в Нижний Новгород под надзор губернатора. После возвращения в Москву в 1814–1815 годах несколько лет продолжал работать фактором, т. е. смотрителем за всеми типографскими работами, у Н. С. Всеволожского. С 1818-го по 1857 год служил инспектором Московской синодальной типографии – одной из самых больших типографий России, издававшей богословскую и богослужебную литературу.

Параллельно, будучи инспектором, в 1820 году А. Семен начал самостоятельную издательскую деятельность, для чего арендовал типографию Медико-хирургической академии. Вскоре типография стала одной из лучших в Москве по качеству полиграфического исполнения. Через несколько лет А. Семен приобрел и собственную типографию, в которой печатались прижизненные издания А. С. Пушкина, первое издание комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», сочинения других русских писателей, учебники, переводные издания, издания на иностранных языках.

Август Семен имел также собственную словолитню, где изготовлял шрифты по образцам Ф. Дидо, которые использовал в собственной типографии и продавал. Всего в типографии А. Семена использовались семь основных шрифтов, множество титульных шрифтов, каждый шрифт имел свой курсив. В 1846 году А. Семен продал типографию зуб-

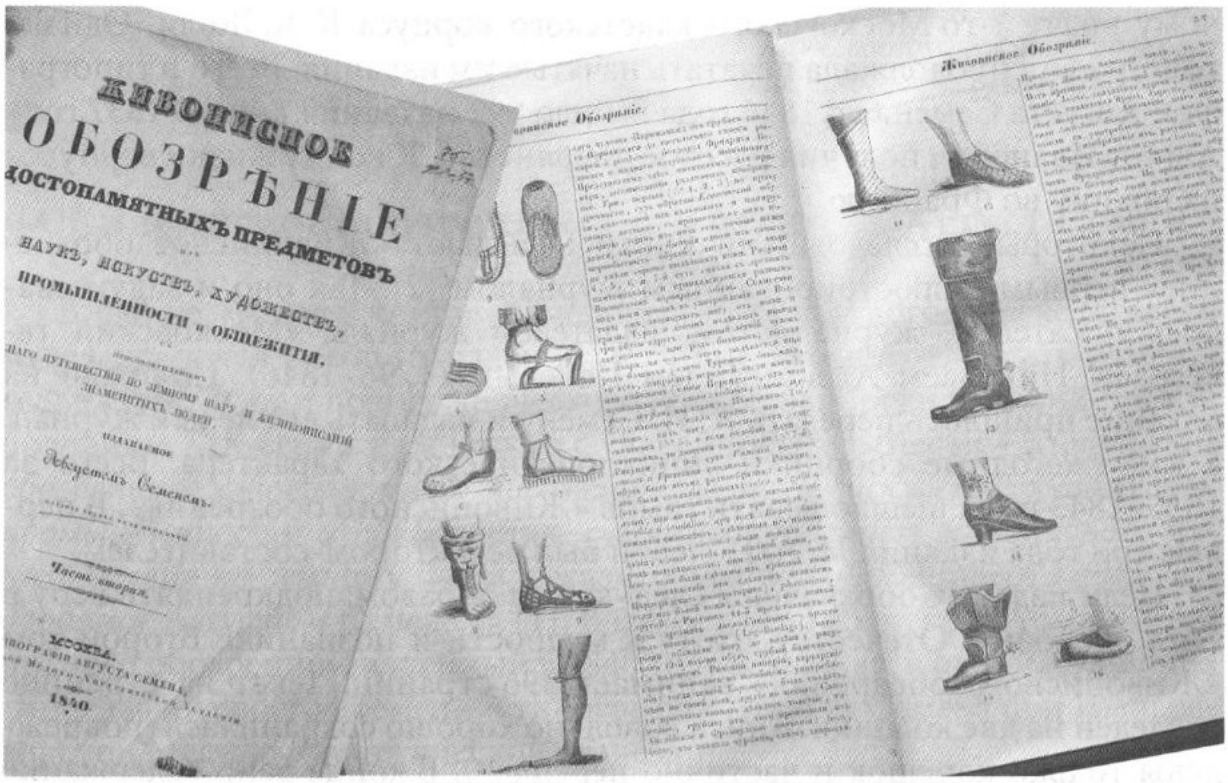
ному врачу 1-го Московского кадетского корпуса К. К. Жоли. Однако типография продолжала печатать начатые им издания. Всего в типографии Августа Семена до 1846 года вышло 992 названия книг. В 1837 году Август Иванович получил русское дворянство. К концу жизни вернулся на родину во Францию.

Некоторые исследователи книги называют «Живописное обозрение» первым иллюстрированным журналом [2]. Так оно и задумывалось писателем, журналистом, издателем журнала «Московский телеграф» Николаем Алексеевичем Полевым (1796–1846). Но право на издание пришлось передать А. И. Семену и издавать его не как журнал, а как ежегодные сборники энциклопедического характера. Всего за 1835–1843 годы вышло девять томов «Живописного обозрения». В первые три года издания Н. А. Полевой был редактором-составителем.

Цели издания обозначены следующим образом: подкреплять веру в Бога, любовь к Отечеству, охоту к мудрости и познанию. Второй том «Живописного обозрения» занимает 396 страниц. Текст на странице разделен на две колонки. Книга довольно хорошо сохранилась (повреждены только корешок и частично переплет). В конце дано содержание тома в двух видах: в виде систематической таблицы и в алфавитном порядке. В систематической таблице статьи сгруппированы по семи темам: 1) география и история, 2) жизнеописания, 3) естествознание, 4) искусства и художества, 5) науки, искусства и знания вообще, 6) торговля и промышленность, 7) всякая всячина. Статьи, в тексте которых имеются политипажные изображения, выделены курсивом. Помимо иллюстраций в тексте, в сборнике имеются 48 листов с иллюстрациями, имеющими отдельную нумерацию. Вообще, применение политипажей – деревянных клише с изображениями – значительно облегчило издательское дело, поскольку их можно было переносить из одной наборной комбинации в другую, что позволило сделать изображение составной частью страницы.

Большую часть «Живописного обозрения» занимают очерки по географии и истории, из которых можно узнать о таких природных явлениях, как северное сияние, бури, смерчи, ураганы; о странах Европы, Азии, Африки и Америки; о различных народах: цыганах, лапландцах, башкирах, эскимосах и т. д.; о городах и крепостях: Пекине, Царьграде, Берлине, Мюнхене, Мадриде, Бомбее, Гренаде, Женеве, Лионе и т. д.; о различных географических достопримечательностях, таких как вулкан Везувий, реки Миссисипи и Нил, о Ниагарском водопаде, гейзерах, камнях друидов.

Здесь же можно прочитать об истории Египта, Америки, крестовых походах, Вавилоне, аргонавтах, квакерах и т. д. Помещены жизнеописания знаменитых людей прошлого и настоящего, русских и иностранных, в разделе «Естествознание» – очерки о флоре и фауне.



В разделе «Зодчество» описаны памятники архитектуры: Миланский собор, Собор Святого Павла в Лондоне, Орлеанский собор, «падающие» башни, Санкт-Петербургская биржа, Александровская колонна, памятник Минину и Пожарскому в Москве и т. д.

Очень интересен раздел «Всякая всячина», в котором можно найти информацию о происхождении русских слов, аннотации новых книг, пословицы и поговорки, причем не только русские, но и арабские, китайские, высказывания великих людей прошлого.

Необычен раздел «Русские палеографические памятники, или Почерки достопамятных русских», в котором помещены снимки с почерков исторических личностей, с приложением их краткой биографии. В частности, помещены снимки с почерков патриарха Гермогена, князя Д. Т. Трубецкого, князя Д. И. Пожарского, царя Алексея Михайловича, полководцев князя А. В. Суворова, М. И. Кутузова, М. Б. Барклая-де-Толли и других.

Очень интересен очерк по истории обуви, снабженный подробными иллюстрациями, на которых можно увидеть образцы египетской обуви из пальмовых и папирусных листьев, обувь варварских народов, римский военный сапог, обувь средневековую английскую и французскую. Автор завершает очерк замечаниями о быстрой сменяемости моды, актуальными и в наши дни.

Популярные сейчас аукционы, на которых продаются личные вещи, принадлежавшие звездам кино, музыки, спорта, проводились и два столетия назад, только в роли звезд выступали короли, ученые, фило-

софы. Так, в разделе «Смесь» сообщается, что в 1825 году молитвенник, с которым взошел на эшафот английский король Карл I, был продан в Лондоне за 100 гиней; мундир, в который был одет Карл XII в день Полтавской битвы, продан в Эдинбурге за 22 тысячи фунтов стерлингов. Также продавались зуб Ньютона, череп Декарта, палка Вольтера, жилет и часы Руссо.

Сборник передан музею из Государственной исторической научной библиотеки. Ранее находился в библиотеке графа К. П. Кутайсова, о чем свидетельствует штамп на форзаце.

«Живописное обозрение» представляет собой яркий образец иллюстрированной книги первой половины XIX века, к которому по праву можно применить термин «редкая книга» или «книжный памятник».

Библиографические ссылки

1. КОКМ ОФ 10858/263.
2. Клейменова Р.Н. Книжная Москва первой половины XIX в. М., 1991. С. 110.

Л. П. Смокотина,
гл. хранитель Кемеровского
областного краеведческого музея

История пишется объективом

В 2005 году исполнилось 166 лет со времени изобретения мировой и русской фотографии. Историческим событием в жизни города Кемерово тогда была выставка в музее ИЗО, состоящая из 127 снимков старейшего фотографа-иллюстратора, главы «фотографического трио» Карла Карловича Буллы с сыновьями Александром и Виктором. Устроители этой выставки Центральный Государственный архив кинофотодокументов СССР (ЦГАКФД). На рекламных проспектах читаем: «Фотографъ-Иллюстраторъ К.К. Булла

С.П. Бургъ, Невскій пр., № 48».

Грандиозная по масштабам и уникальная по содержанию фотолетопись конца XIX – первых десятилетий XX века фотографа К. К. Буллы впервые в Кузбассе экспонировалась в 1992 году в нашем Кемеровском областном краеведческом музее. Эту выставку мы оформили в виде рекреаций с музейными экспонатами, где почетное место было отведено журналам начала XX века, таким как: «Фотографические новости», «Солнце России», «Пламя», «Фотографический листок» (с иллюстрациями К. К. Буллы).

За более чем полуторавековой период своей истории фотография прошла сложный путь развития от единичных экземпляров дагерротипа, колотипии, стеклянных негативов Ньепса, коллоидных фотографий, первых фотографий, полученных желатиновым способом, до цифровых фотографий, являющихся важнейшим средством массовой информации современности.

Накоплен определенный потенциал в изучении фотоисточников и их использовании, который может служить серьезной базовой основой для постановки общих фундаментальных исследований и разработки конкретной методики работы с различными видами этих специфических источников. Общей проблемой, которая рассматривалась в музееведческих исследованиях, являлась классификация фотоисточников. В решении вопросов общей классификации наметились две тенденции. Сторонники первой относили фотоисточники к типу изобразительных источников, исходя из знаковой функции [1], сторонники второй – к документальным памятникам, считая основанием классификации их социальные функции (информативную, культурную, научно-познавательную) [2]. При этом и те и другие не отрицали двойственную природу фотоисточников, их способность превращать «в знак подобия» реально существовавшие образы людей, предметы окружающего их мира, объекты, факты, события, создавая изобразительный образ реальной действительности.

Более единодушными были исследователи в определении системы частных классификаторов – по видам, жанрам, степени оригинальности и другим признакам фотоисточников. В государственной статистической отчетности по форме № 8-нк «Сведения о деятельности музея», в разделе «Краткая характеристика фондов музея», в видах предметов значились фотографии (код строки № 9). До 1999 года фотография учитывалась раздельно, мы их насчитывали 3 тысячи 103 единицы основного фонда. С названного времени в видах предметах уже отдельно фотографии не значатся. Чем это объяснить, неизвестно

Трудно преодолеть магию старых фотографий. С фото смотрят красивые женщины в шляпах с перьями, высокими прическами, дети в пене кружевных оторочек, мальчики в длиннополых шинелях гимназистов, доблестные воины с пышными усами, степенные купцы с холеными бородами. За каждой фотографией судьба, история, которая составляет уникальность коллекции. Оборот бланка фотографии (паспарту) – из толстого картона с золотыми и серебряными обрезами, красивыми виньетками, изысканным росчерком названий, имен владельцев фотоателье. Во второй половине XIX – начале XX века цена представляемых услуг была невысока, а качество вполне приемлемо. Фотостудии и фотосалоны стали обычными на улицах губерний, а затем и уездных городов Российской империи.

Большинство фотографий, хранящихся в фондах КОКМ, выполнены фотомастерами из города Томска.

Варшавская фотография дворянина Юлиана Устиновича Ержинского была основана в 1883 году (оф 15298/2). Великолепные снимки оставили мещане Николай Сергеевич Юнышев (заведение основано в 1891 году) и Артемий Аронович Хаймович (заведение основано в 1906 году). Несколько фотографий снято у «Мацевича и К°»(оф 15298/25). Крестьянин Василий Егорович Коркин владел несколькими фотоателье, в Томске и Омске (оф 15298/26). Фотография Петра Адамовича Милевского, мещанина, и Аполлона Павловича Дубровина, купца (с 1887 года) (оф 15298/13).

Видными фотографами были:

в Барнауле: Иван Тимофеевич Хромов, мещанин (с 1899 года) (оф 10136), Василий Максимович Ромин, мещанин (с 1905 года), Петр Петрович Велижанин, отставной горный конструктор (с 1870 года), Блавинский Иосиф Иосифович Блавинский, отставной чиновник (с 1906 года);

в Тайге: Д. И. Шмелинг, мещанин (с 1907 года), Л. Тимченко (с 1895 года), Л. Мейер, крестьянин.

Широко были известны фотозаведения:

в Мариинске: фотоателье Парамона Саранчина, Монса Шавелевича Шустера, мещанина (с 1895 года), Сусанны Михайловны Корсак, жены губернского секретаря;

в Кузнецке: Марии Васильевны Бурдиной, потомственной почетной гражданки (с 1896 года), Владимира Людвиговича Шаниора, мещанина (с 1895 года), Таранушенко (оф 3081);

в Щегловске: фотографа-художника С. Бывшева;

в Иркутске: Густава Енна (с 1918 года), Э. К. Гетке;

в Тобольске: П. П. Сухих (с 1866 года);

в Златоусте: фотография Дунаева;

в Ачинске Енисейской губернии: Н. О. Вильчинского;

в Красноярске: фотография Н. А. Шапиро, М. Аксельрода;

Из плеяды знаменитых фотографов в музее есть работы Я. В. Штейнберга из Санкт-Петербурга, В. Бродовского (с 1897 года) (оф 15298/30) и придворного фотографа Г. В. Трунова из Москвы (оф 15298/23).

География коллекции обширна за счет фотографий Фельзера из Казани (с 1903 года), фотографий Тун-Чи-Чань из г. Дальний (Китай) (оф 16383), китайского фотографа Митая из Порт-Артура (Китай) (оф 16381).

Срок функционирования фотографических заведений был неодинаков – от одного-двух лет до нескольких десятилетий.

Уникальная коллекция фотографий и фотографических аппаратов музея пополняется. Атрибуция фотоисточников продолжается. Фото-

салон «Элегия» г. Кемерово подарил в нашу коллекцию редкую фотокамеру системы «Петцвалл» фирмы «Джорджоптикалкомания». «Джордж Генри Дальмейер-Лимитед компания» уже существовала в первой четверти XIX – начале XX века. Фирма, основанная в 1861 году, существует до сих пор (оф 17384).

Одноглазые объективы с красивыми мехами-гармошками, латунными и медными украшениями, как всегда, со слепым вниманием смотрят на свои творения. Сколько раз должна была вылететь птичка, сколько глаз томительно и напряженно вглядывались в их черную пустоту, ожидая щелчок! И широкий артистичный жест фотографа, снимающего крышку с объектива, как бы приглашал в вечность.

Библиографические ссылки

1. Андреевская М.П. «Изобразительный источник как музейный предмет» //Труды НИИ культуры». Вып. 21. М., 1974. С. 117.
2. Цуканова В.Н. «Фотодокументы в музее. Их свойства, проблемы изучения и использования» // Музейное дело. Вып. 21. М., 1992. С. 39.

Г. И. Рогов,
коллекционер

Денежные знаки Мариинского и Томского уездов

В период Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны, иностранной интервенции (1917–1922) в нашей стране денежное обращение пришло в упадок, на местах ощущался недостаток денежных знаков. Инициативу по разрешению денежного кризиса взяли на себя кооперативы, потребительские общества, кредитные товарищества и различные частные предприятия, наладившие выпуск денежных суррогатов для покрытия дефицита денежной массы на местных рынках.

В 1919 году в селе Тюменево Томской губернии Мариинского уезда обществом потребителей были выпущены денежные знаки достоинством 50 копеек, 1, 3 и 5 рублей. В 1928 году П. Абаимов, в журнале «Советский филателист», пишет, что боны в 3 и 5 рублей «были получены мною от счетовода этого общества т. Мартьянова при письме от 8-го мая 1925 г., в котором сообщается, что эти боны – деньги Тюменевского потребобщества 1919 г. Были еще рублевики и полтинники, но я их не мог найти» [1].

Из сообщения автора заметки следует, что указанные боны были выпущены из-за отсутствия мелких государственных денежных знаков,

они принимались к платежу только в обществе потребителей с. Тюменево. В архиве общества бон не сохранилось, и, очевидно, найти их удалось только у крестьян. В каталоге П. Ф. Рябченко указан ошибочный год выпуска бон – 1918 год.

Боны односторонние, на тонкой полупрозрачной бумаге, светло-коричневого цвета, размером 90 x 55 миллиметров. Текст рукописный, за исключением слов «Председатель Правленія», которые проставлены штемпелем. Текст следующего содержания: «5 руб./ Квитанция на пять р. Председатель Правленія (подпись – Диденко) Казначей (подпись – Тряпкин)». В левом верхнем углу круглая печать фиолетового цвета с текстом по кругу: «общество потребителей Томской губ. Маріинскаго уез.», в центре в две строки: «с. Тюменев / скаго». Внутри печати проставлен порядковый номер денежного знака.

В 1997 году в одной из коллекций города Красноярска, составленной в 1920–1930-е годы, была обнаружена бона номиналом 5 рублей с порядковым номером 20. Размер ее несколько меньше боны, указанной в заметке П. Абаимова, – он составляет 83 x 52 миллиметра.

В 1925 году в селе Суслово Мариинского уезда, ввиду отсутствия в обращении мелких денег, появились денежные знаки Сусловского общества потребителей. Боны без названия, односторонние, отпечатаны в типографии г. Мариинска, достоинством 5 и 10 копеек – на белой бумаге, 25 и 50 копеек – на желтоватой, 1 и 3 рубля – на красной. Текст на бонах следующего содержания: «В лавку Сусловского О/П. Контора просит уплатить предъявителю сего пятьдесят коп. (50 коп.) Предправления (подпись) Счетовод (подпись)». Подписи председателя и счетовода неразборчивы. Имеется третья подпись, по-видимому одного из членов правления. Слева проставлена печать фиолетового цвета с текстом по кругу: «Сусловское Общество Потребителей», в центре текст в одну строку: «с. Сусловское».

П. Абаимов указывает, что «вначале общество потребителей рассчитывалось бонами за принимаемый хлеб, потом стало платить ими за перевозку товаров и даже выдавать их вместо сдачи. Население села Суслово привыкло к «потребительским деньгам», и никаких жалоб не было. О существовании бон никто не знал до того момента, пока один простодушный крестьянин не пришел в РИК купить на эти боны гербовую марку к заявлению. После этого случая сусловские боны были изъяты. Выпущено их было всего на сумму 200 рублей» [2].

Боны встречаются довольно редко. В каталоге П. Ф. Рябченко у бон достоинством 5 и 10 копеек в графе оценки проставлена буква «Р», означающая, что эти знаки редкие. Остальные номиналы не оценены, в графе оценки проставлен прочерк. В каталоге, в разделе «Кемеровская область. Мариинский район», ошибочно указано, что «Суслово – Алтайского края» [3].

В 1925 году германской фирмой «Штольценберг», арендовавшей Берикульский золотой рудник, были выпущены денежные знаки. Боны первого выпуска имели достоинство в 1, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 50 копеек и 1, 3, 5 рублей. Боны номиналом от 1 до 20 копеек включительно имеют следующий текст: «рудник Берикуль бон 1 копейка Бон действителен только на руднике Берикюль.». В правом верхнем углу проставлен от руки порядковый номер. Справа круглая фиолетовая печать с круговой надписью: «Госуд. Золот. Рудник "Берикуль". Аренд. Упр. Рудн.». В центре печати скрещенные молотки.

На бонах трижды встречаемое название рудника указано по-разному. В первой строке и в печати название указано с буквой «у», а в последней строке с буквой «ю» – Берикюль. Эта ошибка повторена на бонах достоинством от 1 до 20 копеек включительно.

Боны номиналом в 50 копеек, 1, 3 и 5 рублей отличаются от мелких номиналов оформлением, более сложным орнаментом рамок, расположением текста, устранена ошибка в названии рудника. Расположение текста следующее: «бон один рубль/ "Рудник Берикуль" Бон действителен только на Руднике Берикуль».

В статье П. Абаимова сказано: «Вначале рабочие терпели эти боны, так как их принимала в уплату за товары лавка Тисульского О-ва Потребителей. Но после того, как боны не были выкуплены в условленный срок, О-во Потребителей отказалось их принимать, благодаря чему рабочие могли брать товары только в магазине рудника, где товар был и плох и дорог. Появилась корреспонденция в Томской газете "Красное знамя" о бонах. Вскоре боны были по настоянию прокурора изъяты из обращения» [1].

Но арендатор на этом не успокоился и выпустил новые деньги под названием «ордер». Они также были односторонними, такого же достоинством, с такой же печатью и приблизительно того же размера. Текст имели следующий: «№ __ _____ 192… г. ордер / на отпуск из магазина Берикульского рудника /товара на 1 р.». Номер и последняя цифра года «5» проставлялись чернилами от руки, в левой стороне печать.

П. Абаимов в своей статье не упоминает номинал в 5 рублей при описании как бон, так и ордеров, вероятно, он ему был неизвестен. В то же время П. Рябченко в своем каталоге указывает номинал в 2 рубля при выпуске бон. Н. Кардаков в каталоге, изданном в 1953 году, в разделе «Берикуль, рудник Томск. губ.», упоминает под заголовком «Управление рудника» номиналы в 1, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 50 копеек и 1, 2, 3 рубля, без названия этих денежных знаков, но не указывает номинал в 5 рублей. Знак достоинством 2 рубля есть в каталогах П. Рябченко и Н. Кардакова, но автор этой статьи, просматривая боны Берикульского рудника, хранящиеся в фондах Кемеровского областного краеведческого музея и ряде других коллекций, этот номинал не обнаружил. Возможно, Н. Кардаков допустил ошибку, указав номинал в 2 рубля вместо 5 рублей, а П. Рябченко машинально перенес эту ошибку в свой каталог.

П. Абаимов в своей статье указывает, что после выпуска ордеров на руднике «вспыхнула забастовка, появилась корреспонденция в "Правде". Боны были окончательно изъяты судебными властями. Так, в самом начале, были пресечены попытки иностранного капиталиста двойной тягой эксплуатировать сибирского шахтера».

Среди исследователей бумажных денежных знаков широко известны боны Алексеевского первого кредитного товарищества. Сведения о них, несмотря на их редкость, есть практически во всех каталогах по бонистике – вспомогательной исторической дисциплине, изучающей денежное обращение.

Впервые упоминание об этих бонах появилось в 1924 году в каталоге «Бумажные денежные знаки, выпущенные на территории бывшей Российской империи за время с 1769 по 1924 гг.», изданном под редакцией Ф. Г. Чучина [4]. В 1927 году этот же автор переиздает свою работу под названием: «Каталог бон и дензнаков России, РСФСР, СССР, окраин и образований (1769–1927)», в котором указывает место выпуска их в «Алексеевском Ново-Сибирской области» [5]. В обоих каталогах

указаны три номинала: 3 рубля с датой 1918 год, 5 и 15 рублей с датой 1919 год.

В «Каталоге частных бон (денежных знаков необязательного обращения), выпущенных на территории СССР в 1914–1925 гг.», изданном в 1927 году В. М. Соколовым и М. Л. Ивановым, добавлен еще один номинал в 10 рублей [6].

Следует отметить, что встречаются незаконченные экземпляры (бланки) достоинством 5 рублей. По-видимому, печатник при наборе перепутал элементы составной рамки в виде цветка по углам, и часть тиража появилась с бутоном, развернутым в противоположную сторону. Появление не завершенных в оформлении бон объясняется типографским браком.

Н. Кардаков в каталоге 1953 года местом выпуска бон указывает Алексеевское Томской губернии. В этом издании автор, цитируя текст, указанный на денежных знаках, точно указывает срок их обращения: с 10 ноября 1918 года по 1 августа 1919 года для 3 и 10 рублей и со 2 августа 1919 года по 1 августа 1920 года для 5 и 15 рублей [7]. В этот период территория Западной Сибири находилась под властью адмирала Колчака.

Упоминают все четыре номинала этих бон Е. С. Кириченко и А. С. Ильчишин в «Каталоге бумажных денег России, РСФСР и СССР», в разделе «Сибирь и Дальний Восток» [8].

П. Ф. Рябченко во всех своих каталогах, выпущенных за период с 1991-го по 2000 годы, указывает местом выпуска бон Алексеевского первого кредитного товарищества город Свободный Амурской области, ранее именовавшийся городом Алексеевск [9].

Несоответствие сведений в разных изданиях не дает возможности точно указать место появления алексеевских бон. Так, например, А. Д. Костин из г. Екатеринбурга в статье о бонах Алексеевского первого кредитного товарищества делает вывод, что «нет истинной информации о месте появления алексеевских бон» [10]. Но это не соответствует действительности.

Во-первых, надо определить, что указанные боны не могли быть выпущены в городе Свободный Амурской области, как это указано в каталогах П. Ф. Рябченко. Алексеевск был основан в 1912 году в Забайкальской области (ныне Амурской) в связи со строительством Транссибирской магистрали и никогда не был селом. Городское самоуправление в апреле 1917 года переименовало Алексеевск в Свободный, а 3 июля 1917 года Временное правительство России утвердило это решение, то есть к моменту выпуска бон город уже имел другое наименование.

Место выпуска четко указано в печати, проставленной на бонах, – это Томская губерния. На печати, проставленной на бонах, указан текст в центре в три строки: «Кредит / наго товари / щества», по кругу надпись: «Правление Алексеевскаго, Том. г. и уез.».

Автор статьи неправильно трактует надпись на печати: «Том. г. и уез.». Он делает вывод, что Алексеевское находилось в каком-то уезде «И…» Томской губернии [11]. Буква «и» в данном предложении выполняет роль союза, а не собственного имени уезда, начинающегося с этой буквы. В тексте ясно видно, что буква «и» не заглавная и после нее нет точки.

В состав Томской губернии в этот период входило шесть уездов, в том числе и Томский уезд. Таким образом, надпись на печати следует читать: «Томской губернии и (Томского) уезда». В документах, если речь шла о Томском уезде Томской губернии, так и писалось с сокращением, без употребления второго собственного имени.

В Томском уезде в 1918–1919 годах было только одно село Алексеевское. Это довольно крупное село, насчитывающее 260 дворов с 1488 жителями. Были еще два поселка – Алексеевский и Ново-Алексеевский и один выселок Алексеевский, в которых жителей насчитывалось не более 310 человек в каждом [12].

В журнале «Сибирское сельское хозяйство» за 1915 год упоминается, что в селе Алексеевском существовало кредитное товарищество. Привожу текст из журнала дословно: «В с. Алексеевском, Томского у. кредитное т-во закончило постройку общественного зернохранилища …» [13].

В «Статистико-экономическом бюллетене» за 1917 год упоминается Алексеевское второе кредитное товарищество Барнаульского уезда Томской губернии. Таким образом, можно сделать вывод, что в Томской губернии было два кредитных товарищества, а Алексеевское первое кредитное товарищество находилось в Томском уезде Томской губернии, что соответствует тексту печати, проставленной на денежных знаках [14].

Алексеевское – село старинное. Известный историк Г. Ф. Миллер, путешествуя в 1734 году по Сибири, в географическом описании Томского уезда указал, что вверх по реке Томи от Томска расположен населенный пункт «Искитим-Поперешной», относящийся к «Соснову острогу» [15].

Село Алексеевское до 1910 года именовалось «Поперечный Искитим», а в начале 1920-х годов вновь было переименовано и получило название «Поперечное». В настоящее время это населенный пункт Юргинского района Кемеровской области.

Территория Кемеровской области до 1925 года входила в состав Томской губернии, затем в Сибирский край, Западно-Сибирский край и Новосибирскую область. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 января 1943 года территория Кузбасса выделена из состава Новосибирской области; была образована Кемеровская область, а село Поперечное (бывшее Алексеевское) вошло в состав вновь образованной области [16].

Таким образом, село Алексеевское находилось в разные периоды существования нашего государства в различных территориальных образованиях: в Томской губернии, Сибирском и Западно-Сибирском краях, Новосибирской области, а в настоящее время – в Кемеровской области.

Ф. Г. Чучин допустил ошибку, указав, что с. Алексеевское – «Ново-Сибирской» области: в 1927 году (год выпуска каталога) Новосибирской области не существовало. 25 мая 1925 года Президиум ВЦИК утвердил образование Сибирского края с разделением его на округа. В этом же году 1-й краевой съезд Советов принял постановление о переименовании города Новониколаевска в Новосибирск, а Новониколаевского округа – в Новосибирский округ. Сибирский край просуществовал до 1930 года и 30 июля был переименован в Западно-Сибирский. Постановлением ЦИК СССР от 28 сентября 1937 года Западно-Сибирский край был разделен на Новосибирскую область и Алтайский край. Территория Кузбасса вошла в состав Новосибирской области. В каталоге надо было указать: Ново-Сибирского округа Сибирского края вместо «Ново-Сибирской обл.». Новосибирск был столицей Сибирского края, и, возможно, Ф. Г. Чучин, по аналогии с другими регионами, в каталоге указал принадлежность села к Новосибирской области по названию столичного города.

Видимо, прав Н. Кардаков, указав в своем каталоге, что село Алексеевское – Томской губернии, т. к. в 1919 году, в период выпуска бон в обращение, оно находилось там.

В современных, вновь издаваемых каталогах по бонистике село Алексеевское территориально необходимо указывать в Кемеровской области, с пометкой о том, что в период выпуска бон оно находилось в Томской губернии. Или, в зависимости от структуры построения каталога, указывать «в Томской губернии», но с пометкой, что в настоящее время оно расположено в Кемеровской области.

Библиографические ссылки

1. Абаимов П. Бонная эмиссия Мариинского уезда // Советский филателист. 1928. № 5. С. 21.

2. Там же.

3. Рябченко П. Ф., Бутко В. И. Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР и стран СНГ (1769-2000 гг.). Киев, 2000. С. 224.

4. Чучин Ф. Г. Бумажные денежные знаки, выпущенные на территории бывшей Российской империи за время с 1769-го по 1924 гг. М, 1924.С. 116.

5. Чучин Ф. Г. Каталог бон и дензнаков России, РСФСР, СССР, окраин и образований (1769–1927). М,1927.С. 106.

6. Соколов В. М., Иванов М. Л. Каталог частных бон (денежных знаков необязательного обращения), выпущенных на территории СССР в 1914–1925 гг. Ростов н/Д, 1927. С. 7.

7. Кардаков Н. Каталог денежных знаков России и Балтийских стран 1769–1950. Берлин, 1953. С. 232.

8. Кириченко Е. С., Ильчишин А. С. Каталог бумажных денег России, РСФСР, СССР. Киев,1988.С. 127.
9. Рябченко П. Ф., Нибак В. И. Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России и СССР (1769–1990 гг.). Киев, 1991. С. 198; Рябченко П. Ф. Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР и стран СНГ (1769–1994 гг.). Киев, 1995. С. 231.
10.Костин А. Д. Боны Алексеевского первого кредитного товарищества. //Нумизматика. 2004. № 5. С. 22.
11.Там же. С. 24
12.Список населенных мест Томской губернии. По данным позднейших переписей (1910, 1917 и 1920 гг.). Томск, 1923. С. 5–21.
13.Сибирское сельское хозяйство.Томск, июль 1915. № 14. С. 452.
14.Статистико-экономические бюллетени. Томск, 1917. № 5.
15.Элерт А. Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.).// Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 92.
16.Усков И. Ю. Административно-территориальное деление Кузбасса (1920–2000 гг.). Кемерово, 2000. С. 6–7.

Г. И. Рогов,
коллекционер

Экслибрис в Кемерове

Принадлежность книги тому или иному владельцу отмечается, в большинстве случаев, надписью или особым знаком, называемым «экслибрис». Наименование «экслибрис» произошло от латинских слов «ex libris». Это часть латинской надписи на книговладельческом знаке, в переводе означающая «из книг…». Далее следует имя владельца книги или название библиотеки.

Древнейшим русским экслибрисом считают знак основателя библиотеки Соловецкого монастыря Досифея (около 1490 года). Это рукописный шрифтовой книжный знак, состоящий из буквы «С», в которую вписаны остальные буквы звания «священноинок» и имени владельца книги [1].

В XVIII – начале XIX века дворяне обычно украшали книги гербами, наклеивая их изображения на внутреннюю сторону обложки, где обычно клеится экслибрис, или ставя рельефный оттиск его на переплете. К началу XIX века лишь немногие гербовые экслибрисы имели указание на владельца книги.

Во второй половине XIX века широко применялись мастичные штемпеля, которые обычно набирались стандартным шрифтом и чис-

то по-деловому обозначали принадлежность. Художник, как правило, в создании таких экслибрисов не участвовал.

В конце XIX – начале XX века с расцветом книжной графики началось возрождение книжного знака. Он стал одной из распространенных и популярных форм «малой» графики. В этот период экслибрисом заинтересовались известные художники страны. Интересны и выразительны знаки, выполненные Е. Е. Лансере, К. А. Сомовым, Л. С. Бакстом, И. Я. Билибиным, Г. И. Нарбутом, М. Б. Добужинским, С. В. Чехониным, Б. М. Кустодиевым [2].

Со второй половины 1950-х годов, после двадцатилетнего перерыва в создании книжных знаков, начался новый период возрождения экслибриса в нашей стране. Сначала секция коллекционеров, а затем секция книги и графики Дома ученых им. А. М. Горького в Ленинграде стали организовывать выставки экслибрисов. В 1963 году был основан клуб экслибрисистов в Москве.

Интерес к книжному знаку принял большой размах по всей стране. Были организованы клубы, секции, общества экслибрисистов в Харькове, Тамбове, Красноярске, Вологде и других городах.

В 1964 году в Кемерове при областной организации общества «Знание» создана секция книжной графики, которая объединила в своих рядах любителей книжного знака. Секцию возглавил доктор биологических наук, профессор, ректор Кемеровского медицинского института

Евгений Дмитриевич Логачев. В 1967 году возникла секция экслибриса при областном отделении Всесоюзного общества филателистов.

Инициатором создания секций выступил любитель и коллекционер книжных знаков Петр Митрофанович Богданов. Он был избран секретарем секции книжной графики и заместителем председателя секции экслибриса, выполнял основную работу по организации выставок книжных знаков, выпуску печатных изданий к этим выставкам, вел обширную переписку с художниками-графиками и книголюбами. Петр Митрофанович опубликовал в периодических изданиях более 50 статей о книжном знаке, стал инициатором издания каталога «Кемеровский книжный знак», который был составлен на основе материалов его коллекции. Он вел большую работу по пропаганде и внедрению экслибриса в библиотеки книголюбов, его имя известно широкому кругу собирателей книжного знака. Художники из многих городов страны в знак уважения его пропагандистской деятельности выполнили для него в качестве подарка 67 экслибрисов [3].

Активное участие в работе секций, подготовке выставок и материалов к ним принимали инженер Олег Георгиевич Чулков и референт общества «Знание» Игорь Валентинович Волчихин, оба страстные коллекционеры. В числе активных членов секции экслибрисистов были люди, которые не рисовали книжные знаки и не коллекционировали их. Это врач-психиатр З. И. Гольдфельд, заведующий кафедрой медицинского

института Г. А. Блинов, художник Н. Н. Лукин, заведующая городской библиотекой им. Н. В. Гоголя А. Ф. Хмаровская, директор кинотеатра «Москва» А. И. Пашкова, врач И. Т. Остапенко и другие.

Первый сюжетный экслибрис в Кемерове был создан художником Михаилом Андреевичем Паньковым в 1962 году по инициативе любителя книжных знаков П. М. Богданова. Впоследствии он создал для кемеровчан и книголюбов из других городов более 500 экслибрисов. Работал в технике рисунка пером, а с 1968 года стал работать в технике ксилографии, линогравюры на пластике, дереве, металле. Как художник, работающий в жанре книжного знака, Михаил Андреевич заслуженно получил широкую известность среди книголюбов.

На втором месте после М. А. Панькова по количеству выполненных знаков стоит художник-любитель, техник-строитель по профессии, Вячеслав Анатольевич Зверев. Над экслибрисами он начал работать в 1963 году и выполнил более 400 знаков в технике линогравюры и рисунка пером. Вячеслав Анатольевич изготовил первый семейный книжный знак для супругов Г. К. и В. Ф. Ягодкиных, инженеров по профессии, и свыше десяти экслибрисов для детей кемеровчан.

Над созданием экслибрисов в технике рисунка пером успешно работали художник Кемеровской телестудии В. Я. Андрианов, театральный художник П. А. Драгунов, художник-оформитель областного книгоиздательства Г. А. Ефремов, художник-оформитель Г. А. Писаревская. Свою лепту в развитие кемеровского книжного знака внесли художники-любители врач Ю. Г. Бердников, инженер по водоснабжению Г. К. Кофанов, доцент Кемеровского политехнического института А. Н. Кулибаба, техник коксохимического производства В. Ф. Мельников, инженер-строитель путей сообщения В. В. Розин. По нескольку экслибрисов в 1963–1964 годах изготовили художники-профессионалы Р. Г. Берг, А. С. Гордеев, О. С. Красова. В 1970-е годы к изготовлению экслибриса подключились художники О. А. Пинаева и Н. И. Кофанов [4].

Экслибрис получил широкое распространение в Кузбассе. Книголюбы, имеющие эмблемы для своих личных библиотек, есть практически во всех городах области. Это люди разного возраста и профессий. Среди них есть школьники и пенсионеры, студенты и профессоры, шахтеры,

химики, руководители предприятий, врачи, журналисты. М. А. Паньков выполнил книжные знаки для писателей А. Н. Волошина, В. С. Рехлова, И. А. Балибалова, заслуженного артиста РСФСР П. Г. Князева, участника боевых действий на острове Даманском, Героя Советского Союза Ю. В. Бабанского, абсолютного чемпиона мира по высшему пилотажу В. Д. Мартемьянова, секретаря Общества дружбы Ноградской и Кемеровской областей Отто Моноштори.

Г. А. Ефремов изготовил экслибрис для поэта И. В. Киселева.

Среди владельцев книжных знаков, выполненных кемеровскими художниками, есть не только книголюбы, но и общественные организации, библиотеки, книжные магазины. Так, М. А. Паньковым были сделаны экслибрисы для Кемеровского облкниготорга, библиотек методических кабинетов обкома профсоюза нефтяной и химической промышленности и Дома культуры строителей, лавки клуба книголюбов, городской библиотеки им. Н. В. Гоголя, кемеровского клуба корчагинцев. В. А. Зверевым создан экслибрис для библиотеки месткома Кемеровского филиала Государственного института азотной промышленности, В. Ф. Мельниковым – для библиотеки «Прометей» Кемеровского химико-технологического техникума, Г. А. Ефремовым – для магазина «Книжный мир», Ю. Г. Бердниковым – для библиотеки кафедры патанатомии Кемеровского государственного медицинского института.

Оформление экслибрисов зачастую зависит от интересов их владельцев. Часто изображаются символы книжной мудрости – ряды книжных полок, стопки книг, свитки старинных грамот с печатями, совы, сидящие на древних фолиантах в соседстве с черепами, глобусы, пальмовые ветви, чернильницы с перьями. С такой тематикой выполнены экслибрисы М. А. Паньковым для семейного экслибриса Чумаковых (изображение туриста, взбирающегося на книжную гору, на фоне земного шара и восходящего солнца), П. А. Драгуновым для партийного работника Кемерова А. А. Филимонова (рисунок руки, держащей факел и стопу книг). Аналогичные по характеру знаки сделал Ю. Г. Бердников для авторского семейного экслибриса (со скульптурой Нефертити, стопой книг, песочными часами, микроскопом) и для доцента медицинского института В. Е. Ярославского (с изображением чаши весов с книгами, человека с черепом в руках и пачкой рукописей).

Часто владельцы экслибрисов рядом со своей фамилией помещают портрет любимого писателя, литературного героя, ученого, политического или общественного деятеля. На знаках кемеровских художников можно найти изображения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Тургенева, Маяковского, Блока, Есенина, Гайдара, Ахматовой, Цветаевой, Дон Кихота, Степана Разина, Карла Маркса, Ленина. Например, на авторском экслибрисе М. А. Панькова помещен портрет художника В. Вучичевича-Сибирского на фоне одной из его картин.

Иногда по рисунку книжного знака можно определить профессию владельца библиотеки или его увлечение. Так, например, на экслибрисах М. А. Панькова для фотографа Д. Ф. Нейвирта помещен фотоаппарат, на экслибрисах Ю. Г. Бердникова для хирурга П. А. Плотникова – скальпель, на экслибрисах В. А. Зверева для юриста и коллекционера В. А. Виноградова – на щите эмблема юстиции, книги, марки, монеты.

На многих книжных знаках помещены изречения из литературных произведений или высказывания великих людей. Например, на экслибрисе, изготовленном Ю. Г. Бердниковым для библиотеки кафедры патанатомии мединститута, изображены труп, хирургические инструменты и латинское изречение: «Учись делать вскрытие». В. А. Зверев на авторском экслибрисе поместил надпись: «Без книг тяжко. Ленин», на знаках для М. П. Богданова – «Уча других также учишься», для инженера-строителя А. П. Линькова – «Книга – жизнь нашего времени. 400 лет. 1564 – 1964».

Часто помещал изречения на своих экслибрисах М. А. Паньков. Так, на знаке с шахтерской тематикой для преподавателя политехнического института А. Н. Кулибабы проставлены надписи: «Уголь – это настоящий хлеб промышленности. Ленин» и «Сей минерал если не нам, то потомкам нашим зело полезен будет. Петр I», на знаке работника торговли Е. Ф. Хорошковой – «Любите книгу – источник знаний», на знаке сотрудника Управления по охране общественного порядка г. Кемерово В. А. Логинова – «… на свете два раза не умирать. Ничто нас в жизни не может вышибить из седла. К. Симонов».

Ряд книжных знаков содержит рисунки с памятными местами и видами города Кемерово. На экслибрисах М. А. Панькова для инженера М. С. Носова изображен сквер улицы Весенней, для преподавателя Т. Е. Филимонова – вид на Кемеровский драмтеатр и краеведческий музей, для преподавателя В. И. Твердохлебова – фасад Кемеровского политехнического института, для инженера Е. Войц – Пушкинская площадь в Кемерове с памятником Пушкину. Интересен рисунок книжного знака для писателя и краеведа Ивана Алексеевича Балибалова, на котором авторучка в форме отбойного молотка делит рисунок по диагонали: вверху одноэтажный деревянный дом, внизу современные многоэтажные здания и уличные фонари дневного света.

Разнообразными бывают и владельческие надписи, указывающие на принадлежность экслибриса: «из книг…», «из книг, подаренных…», «экслибрис…», с латинской транскрипцией «ex libris…», «книга…», «из собрания…», «из коллекции…», «библиотека…», «военная литература…», «лениниана…», «пушкиниана…», «есениниана…» и другие. На экслибрисе кемеровского писателя В. С. Рехлова художник М. А. Паньков поместил портрет рудознатца Михайлы Волкова с куском угля в руках на фоне леса и современного индустриального пейзажа и надпись: «Сия книга Виталия Рехлова».

Секции книжной графики и экслибриса областной организации общества «Знание» и Кемеровского отделения ВОФ успешно работали до середины 1970-х годов. Только с 1964-го по 1971 год было проведено 25 выставок книжных знаков художников из Кемерова и других городов страны.

Затем произошел спад в развитии книжного знака в Кемерове. В 1968 году ушел из жизни инициатор и организатор создания секций, коллекционер и большой любитель книжного знака П. М. Богданов. В 1969 году умер художник-любитель В. Ф. Мельников, активно участвовавший в разработке экслибрисов. Переехал на жительство в Сочи М. Н. Паньков и Ленинград – Н. И. Кофанов. Обоих нет в настоящее время в живых. Секции экслибрисистов перестали существовать.

Но книжный знак остался как символ любви человека к своему собеседнику – книге. Сам факт помещения на книгу владельцем библиотеки художественно выполненного экслибриса является залогом бережного отношения к ней.

Библиографические ссылки и список литературы по теме

1. Ивенский С. Г. Искусство книжного знака. Л., 1966.
2. Ивенский С. Г. Книжный знак. История, теория, практика художественного развития. М., 1980.
3. Кемеровский книжный знак. Каталог. Кемерово, 1971.
4. Жарницкий Е. П. Пушкиниана в экслибрисе. К 200-летию со дня рождения поэта. М, 1999.
5. Книжные знаки Р. В. Копылова. Каталог выставки. Кемерово, 1965.
6. Книжные знаки 161 художника Советского Союза. Каталог выставки. Кемерово, 1966.
7. Худолей В. В. Экслибрис. Слово и штрих. Каталог. СПб., 1999.

Т. И. Бабакова,
гл. хранитель Новокузнецкого краеведческого музея

Жизнь посвятил служению народу… (Архив Ивана Григорьевича Демко в фондах НКМ)

В фондах Новокузнецкого краеведческого музея с 1968 года хранится персональный архив Ивана Демко – человека необычной судьбы. Фонд включает удостоверения, дипломы, грамоты, фотографии, газеты и журналы, изданные в Монголии, монгольские значки.

Ровесник XX века, Иван Григорьевич родился 25 ноября 1900 года в деревне Поташне Волосевичской волости Борисовского уезда Минс-

И. Г. Демко (верхний ряд) в форме. Поташне, июль 1917 г.

кой губернии[1]. Кем только не был в детстве и юности: и пастухом, и батраком, и портным… Но тяга к знаниям была сильна. Ивану удалось поступить в Полоцкую учительскую семинарию, где его и застала революция. Весть о свержении Временного правительства докатилась до Полоцка в тот же день. Семинаристы, дети бедняков и ремесленников, собрались в зале. Пламенные речи, лозунги, «Варшавянка», «Интернационал»… Под аплодисменты единогласно была принята приветственная телеграмма народному комиссару Луначарскому.

Вернулся Иван в родную Поташню, однако работать не пришлось: началась Гражданская война. Стал ходить по знакомым хатам, уговаривал сверстников идти к красным. Набралось человек десять. С котомками за плечами хлопцы отправились добывать свое счастье. Так стал Иван бойцом караульного батальона. Со своей ротой Демко проехал через всю огромную Россию. Из Самары он сопровождал в столицу вагон с ценностями, в Челябинске участвовал в формировании свежих частей знаменитой Пятой армии, в Новониколаевске участвовал в подавлении белого колыванского мятежа. Потом Красноярск, Иркутск…

1921-й стал годом еще одного боевого крещения молодого Ивана Демко. Его вызвали в штаб армии и предложили войти в состав отряда советников, который формировала молодая Советская республика по просьбе монгольских революционеров. Иван Григорьевич был откомандирован в распоряжение Дальневосточного секретариата Коминтерна. Семь дней добиралась группа до Троицко-Савска. Остановились на квартире у председателя местного отделения Центросоюза. Здесь переоделись в монгольскую одежду. В доме на северо–западной окраине г. Троицко-Савска в начале марта 1921 года непрерывно проходили заседания монгольских народных революционеров. Эти заседания

вошли в историю Монголии как 1-й съезд Монгольской Народно-революционной партии (МНРП). Иван Григорьевич был назначен инструктором-советником при начальнике Политуправления армии МНР и заведующим Монгольским телеграфным агенством. Именно Иван Демко стал автором первого Устава Монгольской Народно-революционной партии, который был принят на II съезде МНРП в 1923 году, а также проектов листовок, воззваний и обращений к монгольскому народу, которые всеми возможными путями распространялись по Монголии.

И. Г. Демко, ответственный секретарь Полтавского райкома, 1925 г.

В начале марта 1921 года Иван Григорьевич, как представитель Коминтерна, регулярно выезжал в отряды Сухэ-Батора и выступал перед ними с агитационными речами. За эти трудные дни (приходилось до 16 часов находиться в седле) Иван Григорьевич лучше узнал простых людей Монголии, полюбил их за искренность, простодушие, прямоту. Здесь он близко познакомился с признанными вожаками монгольского народа. Среди них самая заметная и колоритная фигура – Сухэ-Батор, в котором молодого Ивана всегда подкупала простота, уверенность, большая сосредоточенность, чувство человеческого достоинства. Демко участвовал в знаменательных событиях монгольской истории: изгнании китайских интервентов из Кяхты 18 марта 1921 года, создании на освобожденной территории Временного народно-революционного правительства. Именно Иван Григорьевич, будучи заведующим монгольским телеграфом, сообщил в Москву радостную весть о победе монгольской революции. На телеграфе в это время немедленно были прерваны все очередные передачи. Вплоть до весны 1922 года Иван Демко продолжал свою работу в Монголии. В апреле монгольские друзья тепло проводили его на родину.

Вернувшись домой, Иван Григорьевич с головой окунулся в учебу. Сначала по партийной линии оканчивает Коммунистический универ-

ситет, о чем свидетельствует удостоверение от 23 февраля 1926 года (№ 12) об окончании полного трехгодичного курса (сентябрь 1922-го – июнь 1925 года) [2]. Летом 1930 года Иван Демко пытается пойти учиться на инженера-металлурга – он подает заявление в Западно-Сибирский крайком ВКП(б) о зачислении парттысячником в счет последней 3-й тысячи коммунистов, направлявшихся с 1928 года в высшие технические учебные заведения. По вечерам Иван учился, по окончании курсов был зачислен без экзаменов студентом-парттысячником Томского технологического института, откуда получил письменное приглашение явиться в Томск. 1 сентября 1930 года в составе группы студентов-мартеновцев Иван Григорьевич был на первом академическом занятии по высшей математике…

Черно-металлургическое отделение горного факультета Томского технологического института было преобразовано в Сибирский институт черных металлов (СИЧМ), который осенью 1931 года переводят на площадку Кузнецкстроя. Еще будучи студентом СИЧМ, Иван Григорьевич возглавил партийное бюро института, которое по партийной линии отвечало за переезд Сибирского института черных металлов в г. Сталинск.

Главный инженер Кузнецкстроя Иван Павлович Бардин настаивал на скорейшем создании металлургического института: Кузнецкстрой задыхался от нехватки технической интеллигенции. Так Иван Григорьевич оказывается в Новокузнецке. «…Глубокой осенью 1931 года из Томска прибыли 22 научных работника и 280 студентов. Встретили их дождь, холод, непролазная грязь. Не было помещений для учебных занятий, лабораторий, общежитий и квартир для студентов и научных сотрудников. Все лабораторное оборудование при переезде из Томска разместилось в четырех товарных вагонах старого типа. Библиотека насчитывала не более тысячи книг, не было в достаточном количестве научных кадров. Собственно, тогда и названия города Новокузнецка не было: стояло несколько десятков деревянных домов на Верхней Колонии, несколько бараков и землянок да единственное кирпичное здание – ФЗО (возле бывшего ТЮЗа)…» [3].

С ноября 1931 года по апрель 1932 года Иван, как студент-практикант, работал в течение шести месяцев на строительстве КМК техником-строителем. У Ивана Григорьевича была бригада рабочих-такелажников в сорок человек. Монтировали горн первой доменной печи. Работал под общим руководством В. Н. Широкова, впоследствии профессора Сибирского металлургического института. В апреле 1932 года Иван с рабочими участвовал в разогреве и задувке первой доменной печи КМК. Учился Иван Григорьевич хорошо, от общественно-политических дисциплин и иностранного языка был освобожден как окончивший Коммунистический университет, даже сам привлекался к чтению

лекций по политэкономии в 1932 году. В 1934 году в каникулярное время работал мастером в литейном цехе на электропечи.

Весной 1935 года Ивану Григорьевичу была присвоена квалификация «Инженер-металлург литейщик по фасонному стальному и чугунному литью». Это зафиксировала запись в дипломе Сибирского металлургического института им. С. Орджоникидзе от 10 апреля 1935года [4].

Ивана Григорьевича оставляют в институте ассистентом при кафедре, где он читает лекции по электроплавке. Но у него было стремление к большим делам, его тянуло на завод, где жизнь била ключом, и 7 июля он уходит из института, устраивается на работу в Центральную лабораторию КМК. До апреля 1937 года заведовал литейной лабораторией. По поручению И. П. Бардина провел крупный заводской эксперимент по отливке в литейном цехе шести крупных изложниц из смеси доменного жидкого чугуна. Летом 1937 года по поручению руководства комбината спроектировал наиболее удачный тип уширенной кверху изложницы. Руководство завода оценило талант молодого специалиста – ему была предоставлена трехкомнатная квартира с ванной, душем, горячей и холодной водой и даже телефоном.

В начале июля 1938 года Иван Григорьевич был назначен начальником ОТК КМК, о чем свидетельствует выписка из приказа № 337/к по управлению КМК от 7 июля 1938 года (копия) [5].

Только Иван Григорьевич начал входить в новую должность, как 14 июля 1938 года, без его ведома и согласия горком ВКП(б) утвердил Ивана Григорьевича редактором городской газеты «Большевистская сталь», о чем свидетельствует хранящееся в архиве удостоверение с печатью Сталинского горкома ВКП(б) от 13 апреля 1939 года [6]. Спор о Иване Григорьевиче между директором КМК и горкомом партии длился семь дней. Директору пришлось уступить. 21 июля 1938 года Иван Григорьевич сел за стол редактора газеты «Большевистская сталь», а на другой день вышел в свет очередной номер газеты за скромной подписью: «И. о. редактора Демко И. Г.». Через две недели первый секретарь ГК ВКП(б) А. И. Аксенов сделал ему по телефону устный выговор и предложил прекратить печатать «и. о.», так как горком сразу утвердил его редактором, а не исполняющим обязанности.

И. Г. Демко много работал, за девять месяцев написал и напечатал 96 передовых статей. В то время написание передовиц было непростой, а подчас и просто опасной обязанностью редактора. Многие из них посвящались разоблачению «врагов советской власти», борьбе с недостатками на производстве, социалистическому соревнованию в промышленности, а в период с весны по осень большое внимание уделялось положению дел на селе. Для Ивана Демко, редактора «Большевистской стали», это было очень сложное время: за любую ошибку можно было поплатиться не только редакторским креслом.

Особое значение приобрели публикации, посвященные напряженной в это время международной обстановке: на Западе – в Испании, на Востоке – в Китае. В газете от 4 августа 1938 года Иван Демко писал «о новом провокационном вторжении японских войск на советскую территорию в районе озера Хасан». В другом номере «Большевистская сталь» рассказывала о многолюдном митинге трудящихся города, посвященном Международному антивоенному дню.

В эти годы появляются в газете новые рубрики: «Партийная жизнь», «Передовики соцсоревнования» «За рубежом», «По городу». Рубрика «В последний час» рассказывала о событиях, которые произошли в городе буквально за час до выпуска газеты. Ежедневно печаталась сводка о работе КМК, отслеживалось соревнование двух гигантов – Кузнецкого и Магнитогорского комбинатов – по производству чугуна, выпуску стали, готового проката. Страницы газеты пестрят лозунгами, характерными для этого времени: «Стране нужен уголь, и мы дадим его в изобилии», «Буду стахановцем!». Но также часто в редакторских передовицах рассказывается и о недостатках в работе: «Никаких послаблений нарушителям трудовой дисциплины!», «Топтание на месте», «Самоуспокоенность ведет к браку продукции».

Перелистывая пожелтевшие от времени страницы газеты, невозможно перечислить все интересные заметки и статьи того времени. Готовясь к переписи населения, которая состоялась 17–23 января 1939 года, газета практически в каждом номере призывала граждан исполнить свой долг и принять участие в этом общенародном деле, очень подробно разъясняла ответы на всевозможные вопросы, которые могут возникнуть в ходе переписной компании. Редактором «Большевистской стали» Иван Григорьевич работал с 13 июля 1938 года по 13 апреля 1939 года, что подтверждает запись в трудовой книжке [7]. Иван Григорьевич вспоминал: «…Что, если бы эта работа была у меня до инженерной деятельности? Конечно, я бы связал себя с нею, так как за плечами был Коммунистический университет и большая партийная и административная работа…» [8]. В удостоверении Сталинского горкома ВКП(б) (1939) зафиксирована запись о переводе Демко вновь в распоряжение директора КМК им. И. Сталина, где он работал до выдвижения для работы по специальности инженер-металлург [9].

Удивительно, но во время напряженной деятельности на посту редактора Иван Григорьевич сумел организовать издание ежемесячного научно-технического журнала комбината под названием «Сборник научно-технических статей КМЗ», в котором публиковались результаты исследовательских работ Центральной лаборатории КМК. Этот сборник издавался под фактическим литературно-техническим редактированием Ивана Григорьевича до 1949 года. В архиве имеется ответ на за-

прос из Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина от 8 июня 1966 года за № 23/2595 с перечнем большого количества статей Ивана Григорьевича в «Сборнике научно-технических статей КМЗ» и других периодических и научных изданий [10].

Зимой 1940 года произошел новый поворот в биографии этого замечательного человека. Ивана Демко, как инженера-металлурга и коммуниста, направили в Германию принимать металл на заводах Рура по заказам Советского Союза. Он руководил приемкой металла на заводах Германии, Австрии, Чехословакии, Венгрии, Польши, Бельгии. На этих заводах немецкие фирмы размещали многочисленные заказы. Иван Григорьевич вел переписку с Москвой и фирмами советских заказов. В 1940 году ему было предложено остаться на постоянную работу в Берлинском торговом представительстве СССР.

И. Г. Демко с женой Александрой Михайловной, май 1941 г.

Обстановка в начале 1941 года резко изменилась. За месяц до начала войны Иван сумел отправить в Москву жену и дочь, сам же выехать не успел… Сотрудникам советских учреждений в Германии пришлось пройти через все угрозы и унижения фашистского гестапо. В это тревожное время во дворе Торгпредставительства немцы день и ночь строили глубокое бетонированное бомбоубежище, а люди в это время потихоньку глубоко в подвале топили печку, т. е. сжигали небольшими порциями бумаги и документы.

Субботним днем 21 июня 1941 года Иван Григорьевич в дружественной обстановке подписал по поручению и телеграфной доверенности из Москвы договор с одной немецкой фирмой «Промсырьеэкспорт» на поставку 5000 тонн так называемой звероловной сетки. Следующим днем запланировали место для купания и отдыха в лесу около озера вблизи Потсдама. Накачал колеса велосипеда и лег спокойно спать…

Рано утром 22 июня 1941 года в дверь кто-то осторожно постучал. В комнату вошли два старика-немца с рабочими руками и небрежно повязанными галстуками. Увидев таких немцев на улице, даже не подумаешь, что это работники гестапо. Один из них вежливо попросил предъявить паспорт. Когда немец начал что-то записывать в книгу, второй тоже вежливо предложил побриться, умыться, почистить ботинки и одеться. Иван Григорьевич вспоминал: «…Будучи в пижаме, я набросил на себя пиджак, в кармане которого был блокнот, в котором мною тщательно с первого дня приезда в Германии были записаны даты и названия какого-либо города. Больше ничего не писалось. Я завел эту запись в надежде, что когда вернусь в СССР, то напишу подробное воспоминание о пребывании в Германии. Конечно, я понял, что дело неладно, что меня разбудили агенты не обычной немецкой полиции, а гестапо. В туалете я спокойно изорвал блокнот, затем согрел на газовой плитке воду, побрился, умылся, вычистил до блеска ботинки, оделся и спросил немцев, что я могу взять с собой...» [11]. Немцы сказали, что Иван Григорьевич должен спуститься вниз в зал, а сами закрыли комнату, взяли с собой ключ и пошли будить других советских сотрудников.

Внизу в зале уже было много народу с чемоданчиками. Женщины были возбужденные, возмущенные, некоторые с детьми. Мужчины были серьезными, спокойными. Все чувствовали, что началась война. Когда все в доме были разбужены и согнаны вниз в зал, явился комиссар гестапо и выступил с краткой речью, в которой объявил, что с 5 часов утра Германия находится в состоянии войны с Советским Союзом. Все будут отвезены в лагерь, мужчины отдельно от женщин с детьми, что все должны беспрекословно подчиняться германским законам. Затем был включен радиоприемник. По радио передавалась прокламация Гитлера, в которой он объявил всех советских работников в Германии агентами Коминтерна. Затем передавалось выступление Геббельса. После этого комиссар предложил мужчинам выходить и рассаживаться в автобусы, обтянутые кругом коричневой материей так, что только входное отверстие было открыто. Привезли на Александерплац и предложили выйти из автобуса у больших ворот огромного, на целый квартал, красно-кирпичного здания гестапо. После выхода из автобуса всех построили и цепочкой повели на пятый этаж.

Когда всех советских сотрудников переписали, опять цепочкой повели вниз, усадили в белые двухэтажные автобусы и отвезли в лагерные бараки. Когда везли людей в автобусах, на душе у Ивана Григорьевича было очень тяжело, ведь везут неизвестно куда и зачем. Вся жизнь предстала, как на ладони. Иван Григорьевич вспоминал: «…Вот и жизнь, которая может оборваться в 40 лет, а хотелось бы сделать многое из того, что намечал, о чем мечтал…» [12]. В лагере группа советских граждан пробыла недолго.

Вскоре приехала машина с дипломатическим опознавательным знаком и шведским флажком. Комендант лагеря объявил, что в лагерь прибыл шведский консул, и предоставил ему слово. Консул, стоя в своей машине, сообщил, что все советские граждане в Германии, а германские граждане – в СССР находятся под защитой шведского правительства, что ведутся переговоры об отправке советских граждан в обмен на немецких. После этого работников советских учреждений в Германии поселили в особый барак для русских, в коридорах барака не стало немецких солдат с автоматами, на утренних и вечерних проверках стали называть по фамилиям, а не по номерам.

Ночью в затемненном Берлине автобусом доставили на Силезский вокзал, построили в шеренгу, с помощью карманного фонаря проверили по списку и усадили в вагон. В тамбурах вагона стояли немецкие автоматчики. Так летом 1941 года Иван Григорьевич навсегда оставил Берлин. Через полмесяца группа советских граждан была доставлена турками на автобусах в Константинополь на борт советского теплохода. Одновременно турки доставили в автобусах на борт румынского теплохода «Романия» такое же количество немцев, прибывших через Ленинакан из Москвы. 2 августа 1941 года, поздно вечером, советские сотрудники были встречены на Казанском вокзале в Москве представителем Наркомвнешторга, т. е. находились в пути ровно два месяца. Ивану повезло…

Иван Григорьевич вернулся в Новокузнецк, в октябре 1941 его назначили начальником металлографической (металловедческой) лаборатории КМК. В этой лаборатории были сконцентрированы все самые сложные анализы и испытания самых ответственных марок стали оборонного значения в тяжелые годы Великой Отечественной войны.

За добросовестный труд был награжден многочисленными грамотами [13] и медалью «За трудовую доблесть». Кроме данных наград, в архиве имеется поздравление от дирекции КМК от 14 ноября 1951 года [14].

Выйдя на пенсию, по просьбе горкома КПСС Новокузнецка Иван Григорьевич стал писать свою автобиографию. К сожалению, о событиях в Монголии 1921 года у него не было никаких документов. И тогда

Иван Григорьевич сделал запрос в архив Москвы, откуда пришло подтверждение, что И. Г. Демко в 1921 году был командирован в Монголию в составе группы военных специалистов Красной армии. С данной информацией в 1967 году обратился в Монголию, с тем чтобы они прислали подтверждение об его участии в событиях 1921 года. Из Монголии пришла информация, что «…какой-то Демко был в составе группы специалистов из России…». И в сопроводительном письме была вложена фотография, на которой был запечатлен Сухэ-Батор с группой специалистов из России. Монгольские товарищи просили Ивана Григорьевича, если он сможет, написать фамилии российских специалистов. Он написал в ответе в Монголию фамилии всех запечатленных людей на данной фотографии. Прошло немного времени, как из Москвы в горком партии пришла телеграмма о срочной командировке И. Г. Демко в Улан-Батор в распоряжение первого секретаря Монгольской Народно-революционной партии Ю. Цеденбала. Ведь тогда Ивану Григорьевичу шел уже 67-й год, для монгольских товарищей живой участник монгольской революции 1921 года было просто исторической находкой.

Обладая незаурядной памятью, Иван Григорьевич объездил всю Монголию, где были места, связанные с теми событиями 1921 года. Он встречался с ветеранами тех лет, делясь своими воспоминаниями о Сухэ-Баторе. В этой первой командировке он пробыл в Монголии больше месяца. Второй раз Иван Григорьевич был в Монголии вместе с женой Александрой Михайловной. В телеграмме домой они сообщали: «…Встречены хорошо, являемся гостями правительства ЦК, участвуем во всех праздничных торжествах…» [15].

За заслуги перед народом Монголии председатель Великого Народного Хурала Монголии Ж. Самбу вручил И. Г. Демко в г. Иркутске 11 августа 1967 года в Доме Советов боевой орден Красного Знамени Монгольской Народной Республики за активное участие в революции 1921 года. Об этом писала газета «Восточно-Сибирская правда» от 12 августа 1967 года и «Советская Россия» от 13 августа 1967 года. В архиве имеется письмо (копия) председателя Президиума Великого Народного Хурала МНР Ж. Самбу от 9 августа 1967 года со словами благодарности: «…Учитывая Ваш вклад в деле сплочения миролюбивых и прогрессивных сил мира…» [16] и многочисленные телеграммы-поздравления от монгольских друзей [17].

На многочисленных фотографиях из архива Ивана Григорьевича Демко можно видеть встречи с молодежью в учебных заведениях Новокузнецка, где он рассказывал о своей боевой юности, о монгольском периоде, который он считал самой незабываемой страницей своей жизни.

Вот такой интересной и насыщенной событиями оказалась жизнь Ивана Григорьевича Демко. Родившись в Белоруссии, немало поскитав-

шись по свету, он связал свою судьбу с Новокузнецком. Здесь он стал инженером-металлургом, строил КМК, был в числе первых его специалистов, возглавлял главную городскую газету «Большевистская сталь». Не случайно Иван Григорьевич всегда называл Новокузнецк родным для себя городом.

Библиографические ссылки

1. Архив Новокузнецкого краеведческого музея. ДФ 2621. Автобиография Демко И. Г.
2. Архив НКМ. КП 5481. Удостоверение № 12.
3. Берлин А. Б. Сибирский металлургический институт. Дела и люди. Новокузнецк, 1992. С. 10.
4. Архив НКМ. КП 5482. Диплом.
5. Архив НКМ. КП 5483. Выписка из приказа № 337/к.
6. Архив НКМ. КП 5484. Удостоверение Сталинского горкома ВКП(б).
7. Архив НКМ. КП 5936 ДФ 2619. Трудовая книжка.
8. Архив НКМ. ДФ 2621. Автобиография.
9. Архив НКМ. КП 5484. Удостоверение.
10. Архив НКМ. ДФ 2616. Ответ на запрос.
11. Архив НКМ. ДФ 2621. Автобиография.
12. Архив НКМ. ДФ 2621. Автобиография.
13. Архив НКМ. КП 5932/1 ДФ 2630. Грамота.
14. Архив НКМ. КП 5488. Поздравления.
15. Архив НКМ. ДФ 2608. Телеграмма.
16. Архив НКМ. Письмо Ж. Самбу.
17. Архив НКМ. ДФ 2607. Телеграмма.

ДЕЛА МУЗЕЙНЫЕ

О. Н. Баронская
заслуженный работник культуры РСФСР,
ветеран труда Кемеровского областного краеведческого музея

Музейная мозаика

Посвящается матери моей,
Антонине Яковлевне Жуковой,
в год ее 100-летия.

На работу в музей я пришла неожиданно для себя, а проработала всю трудовую жизнь – 32 года. Родилась в городе Свердловске в 1934 году в семье кадрового военного. Отец, Жуков Николай Иванович, подполковник, участник Великой Отечественной войны, служил в бронетанковых войсках. Мать, Антонина Яковлевна, служащая. Мы часто переезжали.

В годы войны, в 1942-м, пошла в школу № 1 Свердловска, расположенную на улице Мамина-Сибиряка, в центре города.

Учителя встретили нас, первоклассников-восьмилеток, очень доброжелательно, но букетов цветов в руках учителей и учеников не было, все скромно, по-деловому. Но когда мы зашли в класс и сели за парты, то увидели, что у каждого ученика в углублении для ручек лежал осенний цветок как знак приветствия перед началом первого учебного года. У меня была красная астра, я запомнила этот подарок-талисман на всю жизнь. И теперь астры мои любимые цветы.

В конце войны, в 1944–1946 годах, я училась в Армавире Краснодарского края, на только что освобожденной от немецкой оккупации территории Северного Кавказа. Это был третий класс по учебе – дружный, многонациональный. Приехав с Урала, я привезла с собой тонкие тетради из плохой, сырой и грубой, бумаги. А в новой школе я увидела, что мои соклассники все пишут на удлиненных, сшитых в стопку этикетках от мясных консервов крупнейшего Армавирского мясокомбината, взорванного и разрушенного во время оккупации немцами. Это были красивые, лощеные бумажные этикетки: «Сосиски», «Бекон», «Мясо в соусе»… И этот бумажный продукт, из-за прошедшей здесь войны, теперь нам служил тетрадями, для учебы в школе. Такие факты запомнились нам, детям войны, на всю жизнь. Жаль, что не сохранилось ни одного экземпляра такой «военной тетради» как памятника истории.

После войны мы выехали за границу (отец служил в войсках Советской армии, расположенных на территории Европы), а я училась в Польше, а затем в Германии (на Балтике), в городах Трептов и Бельгард. Польский Белосток – большой и красивый город, где я училась в русской школе для детей военных, в 4а классе. Танковая военная часть отца, где мы жили в местечке Хорыщ, располагалась в 12 км от города. Кругом густые парковые леса и хорошие асфальтированные дороги. Ежедневно нас, детей разных классов, возили в школу на грузовой американской машине «Студебеккер», покрытой брезентом.

Это был период тревожного времени: в лесах Польши обитали вооруженные банды украинских националистов во главе со Степаном Бандерой (в этот период истории и родилось слово «бандеровщина», которое я запомнила на всю жизнь).

И вот, чтобы возить детей в школу и из школы домой, командование военной части выделяло ежедневно нам охрану – два бронетранспортера с пулеметами в боевом режиме, один из которых шел впереди нашей машины, а другой сзади, прикрывая нас, детей. В любой момент мог вспыхнуть бой или перестрелка, но этого в нашей жизни не случилось ни разу. Судьба нас берегла.

Только с годами я поняла, что чувствовали мои родители, отправляя нас в школу. Такова была реальная обстановка того далекого послевоенного 1946 года.

1947 год. Учеба в Германии, в городе Трептове на берегу Балтийского моря. Это вторая послевоенная весна. Класс большой – 40 человек, мальчишки и девчонки разного возраста учатся вместе. В нашем классе училось пять мальчиков из военной части, все они были «сынами полка», в войну воевали – были разведчиками и кинологами, вели они себя в школе как взрослые. Дисциплинированны по-военному, одеты были в военную форму и в пилотках, на груди награды и значки. Нас особенно удивляло, что на переменах в коридоре они учителям в форме отдавали честь. Для нас, обыкновенных учеников, эти мальчики были большим авторитетом в классе. Их в школу привозили на занятия в военной крытой брезентом машине «Студебеккер», в сопровождении находилась собака – ученая немецкая овчарка по кличке Джек, которая была для нас неприступна, и рядом с машиной, во дворе школы, собака ждала их верно все часы занятий, вызывая у нас особый интерес и настоящую детскую зависть.

Наблюдать такие сцены в школе было очень интересно. Мы познавали окружающий мир во всех аспектах нашей детской жизни, живя в воинских советских частях послевоенной Германии.

Десятый класс окончила в 1953 году в школе № 9 г. Сталинска Кемеровской области, куда на работу в качестве военкома Куйбышевского района был переведен отец.

После школы поступила в Сталинский государственный педагогический институт, на естественно-географический факультет, окончила учебу в 1958 году.

В музей Сталинска пришла работать случайно, по совету подруги-сокурсницы Галины Петровны Николаевской, которая не захотела работать по неизвестной ей музейной тематике, да и зарплата у всех сотрудников была одинаково низкая – 69 рублей в месяц.

С 6 августа 1959 года я стала первым научным сотрудником отдела природы Сталинского городского краеведческого музея. Эта должностная ставка была утверждена Министерством культуры РСФСР впервые. Семь лет я проработала в Новокузнецком краеведческом музее – готовила экспозиционные выставки, вела сбор геологических и биологических коллекций, начала заниматься изучением персоналий крупных геологов-исследователей Кузбасса.

На всю жизнь осталась в памяти первая встреча с Василием Ивановичем Яворским (1875–1974), Героем Социалистического Труда, заслуженным деятелем науки и техники РСФСР, профессором, лауреатом Государственных премий, исследователем основных угольных месторождений Кузбасса.

Это было в июне 1964 года в Ленинграде. Я посетила его квартиру на Васильевском острове, и наше общение оказалось интересным и уважительным. Тепло вспоминал Василий Иванович родной для него по работе Кузбасс, которому было отдано 43 года жизни на проведение полевых геологических экспедиций. Итогом его труда был выросший «жемчужиной № 1» город Прокопьевск со всеми его шахтами. Детищем В. И. Яворского была шахта «Коксовая» – в расчете запасов угля и ее закладке он принимал личное участие. «Жемчужиной № 2» стал разведанный им богатейший новый Томусинский угольный район коксующихся углей.

Эта моя рабочая встреча с корифеем геологической науки положила начало нашей дружбе, которая продолжалась до конца его жизни – письма, поздравления Василия Ивановича для меня были дороги, я постоянно информировала его о новостях Кузбасса, чему он был очень рад. Из письма В. И. Яворского от 19 июня 1973 года: «Дорогая Ода Николаевна, посылаю Вам свою книгу “Земля Кузнецкая” для библиотеки краеведческого музея, ею очень интересуются геологи-краеведы…».

В результате этой дружбы в наш музей была передана часть личной научно-технической библиотеки В. И. Яворского в количестве 1160 книг и его личная картотека по литературе в количестве 1284 экземпляров, доставленная мною в 1985–1988 годах. Считаю, что книжное собрание редкой именной библиотеки крупнейшего геолога страны – уникальное приобретение музея, сделанное с моей помощью.

В 1963-м за большую экскурсионную и лекционную работу была удостоена благодарственной грамоты Кемеровского областного общества «Знание».

Участвовала в совещаниях по музейной тематике в городах Красноярске, Иркутске, Москве, Ленинграде.

О. Н. Баронская, 1967 г.

В феврале 1966 года с хорошей характеристикой директора Новокузнецкого музея Полины Васильевны Кононовой (1918-1995) была переведена заведующей отделом природы в Кемеровский областной краеведческий музей, где проработала 25 лет до ухода на пенсию.

Вошла в новый коллектив дружелюбно, мягко, так как за плечами уже был музейный стаж. Все эти годы систематически вела сбор материала по всем темам отдела природы, испытывая интерес к исследованиям. Ежегодно в летнее время выезжала в геологические экспедиции по крупнейшим месторождениям полезных ископаемых. Мною было проведено 23 экспедиции – поток образцов с месторождений увеличивался, научно обработанные, они поступали в витрины наших залов. Комплексные экспедиции с публикацией материалов в печати были очень ответственным видом работы музея, но то, что трудно, было и очень интересно.

Особо сложная экспедиция была проведена в июле 1970 года на Терсинское месторождение железных руд в горах Кузнецкого Алатау, в районе горы Каным. Выехали мы вдвоем с писателем-краеведом И. А. Балибаловым (1911–1991), работали в горах десять дней, жили в палатках, отбирали понравившиеся образцы железной руды. На вершине горных склонов изучали вертикальную зональность горных растений, в итоге появилась статья в газете «Кузбасс» о жизни геологов и наших сборах. Итог поездки – поступление в музей образцов железной руды, которые украсили наши залы своей новизной и эстетикой форм. Они через десятки лет и сегодня вызывают интерес у посетителей.

Очень содержательной было и другая поездка – в июле 1984 года на Усинское месторождение марганцевой руды в Новокузнецком районе, по реке Усе. Мы летели в горы Кузнецкого Алатау, вертолет МИ-8, не заглушив моторов, высадил нас на вершину горного склона. Отсюда отправились к месторождению по только что прорубленной в тайге дороге, которая привела нас к свежевыкопанному шурфу, пронизывающему

пласты вскрытой руды. Я своими руками в присутствии опытных геологов партии выбрала овальные образцы марганцевой руды. Условия работы у геологов тяжелые, но для пропаганды своих открытий они с удовольствием помогали нам сделать отбор, описание, упаковку образцов. Дождавшись летной погоды, наш груз из недр тайги мы доставили на аэродром поселка Камешки под городом Междуреченском, а оттуда дорога домой. Сегодня зал музея украшают образцы Усинского высококачественного природного марганца, доставленного в музей трудной поисковой дорогой.

В музей за эти годы поступили коллекции образцов растительного и животного мира, составлялись планы на строительство биогрупп, диорам с ландшафтными зонами Кузбасса, консультации проводились с преподавателями Кемеровского государственного университета, особенно с профессором Татьяной Николаевной Гагиной.

По профилю моей работы, связанной с изучением природных богатств, мы следили и за юбилеями крупных ученых.

Тесные узы дружбы связывали меня с семьей выдающегося ученого, основателя сибирской школы геологов, исследователя Кузбасса, организатора геологической службы СССР академика Михаила Антоновича Усова (1883–1939). Шел 1983 год, приближался столетний юбилей Михаила Антоновича. Мы провели выставку и мероприятие со студентами политехнического института. Семья академика, дочь Ирина Михайловна и внук Владимир Сергеевич, проживала в Москве, мы были уже несколько лет знакомы, переписывались, они прислали в музей книги, фотографии, брошюры, полевое геологическое оборудование, рукописи академика.

Работа Михаила Антоновича в Кузбассе проводилась в 1920-е годы в Горной Шории, он иследовал Тельбесское железорудное месторождение, на базе которого был запланирован и потом строился в 1929 году Кузнецкий металлургический комбинат. М. А. Усовым проведена оценка угольных месторождений на севере Кузбасса. Его вклад в оценку минеральной базы нашей области неоценим. Интересное письмо дочери Ирины Михайловны, инженера-строителя, прислано в музей 24 апреля 1974 года: «Уважаемая Ода Николаевна! У меня к Вам опять большая просьба. Мне необходима статья М. А. Усова, которую я передала в ваш музей "К вопросу о нефти в Западно-Сибирском крае". Статья необходима для съемки документального фильма об открытии нефти в Западной Сибири. Эта статья отца полностью подтвердила бы его прогноз по залежам нефтяных месторождений в Сибири, которые он сделал еще в 1936 году. Знаменитая фраза М. А. Усова: "На Средне-Сибирской платформе толщи земной коры, именуемые континентальными, могут и теперь содержать нефть..!"».

Современная нефть была предсказана академиком М. А. Усовым в 1930-е годы.

Справа первая Ода Жукова. г. Белосток, Польша, 1947 г.

Из письма В. С. Усова, инженера-гидролога, внука академика, от 7 мая 1982 года: «Дорогая Ода Николаевна, я с удовольствием встретился бы с Вами и передал все, что у меня еще осталось от деда. Здесь бессильны и письма, и телефонные разговоры. Слишком серьезный вопрос. Возьмите командировку для поездки в Москву. О Вашем решении сообщите мне. Очень хочется, чтобы оно было положительным…».

Вот так мы работали, тесно общаясь с этой семьей. В результате в музее хранится отличный фонд по академику М. А. Усову, насчитывающий 50 предметов музейного значения. Это была одна из удач в работе.

И вот еще одна страница интересных сборов и встреч.

К 40-летию Кемеровской области был собран новый материал по теме ее образования в январе 1943 года. Начальник управления культуры Иосиф Лазаревич Курочкин и директор музея Людмила Петровна Кравцова поручили мне во время моей командировки в Москву найти семью первого секретаря Кемеровского обкома ВКП(б) Семена Борисовича Задионченко (1898–1972), работавшего в Кузбассе с января 1943 года по апрель 1946 года, и попытаться собрать документальный материал: биографию, воспоминания, документы у родственников. Адреса семьи у нас не было, и это осложняло поиски. Но вопрос решился легко: справочное бюро Москвы дало мне единственный телефон на эту фамилию, и это оказалась квартира сына С. Б. Задионченко – Владимира Семеновича. Он с удовольствием дал мне адрес квартиры матери, Евгении Илларионовны, и сестры Лены, которые жили на улице Горького.

Военный Совет Южного фронта.
Крайний слева – С. Б. Задионченко. Октябрь, 1941 год

Я созвонилась и, волнуясь, пошла на встречу с женой С. Б. Задионченко. Купила букет цветов. Меня встретили очень любезно, несколько часов мы беседовали с семьей в рабочем кабинете. Я рассматривала, отбирала документы, фотографии, записала полную канву биографии Семена Борисовича по рассказам жены и уточняя по документам. В книжных шкафах с литературой 1930–1960-х годов я видела прекрасную библиотеку и, что меня поразило, очень много книг воспоминаний с автографами от крупных государственных деятелей, его друзей-соратников по работе. Вот часть из них: маршал И. С. Конев «Сорок пятый», с дарственной надписью «Дорогому Семену Борисовичу на добрую память. С наилучшими пожеланиями и уважением. Барвиха, 1971, 30 января».

Книга от государственного деятеля, историка, академика П. Н. Поспелова «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.», 6 августа 1970 года: «Дорогому Семену Борисовичу Задионченко, одному из ветеранов, который внес большой вклад в дело всемирно-исторической победы над фашизмом, – на добрую память с глубоким уважением и наилучшими пожеланиями». Книга от друга, генерала К. С. Грушевого «Тогда, в сорок первом», от маршалов Г. К. Жукова, С. М. Буденного, от партийного и государственного деятеля Н. С. Патоличева «Испытание на зрелость».

С семьей С. Б. Задионченко остались добрые, дружеские отношения на долгие годы, а фонды музея пополнились новыми редкими документами о самом первом партийном руководителе нашей области, который за годы работы в Кузбассе в условиях военного времени был награжден двумя орденами Ленина.

В юбилейный день образования области, 26 января 1983 года, в газете «Кузбасс» вышел мой небольшой очерк «Из поколения войны» о С. Б. Задионченко с его крупной фотографией. Оказывается, эта моя публикация была первой и единственной к тому времени, и появилась она потому, что мы нашли и посетили его семью.

Максим Гаврилович Щербаков, заведующий отделом газеты «Кузбасс», рассказывал мне потом, что когда на торжественном собрании стали раздавать свежий номер газеты, присутствующие ветераны военного времени, которых было тогда много, увидев статью о своем первом секретаре, говорили с удивлением друг другу: «Смотри, смотри, это наш Семен Борисович Задионченко!». Ради таких слов оценки моей публикации ветеранами 1940-х годов стоило вкладывать все силы и умение в рабочий поисковый ритм.

Одной из интересных для меня тем по сбору материала и архивной работе была тема «История Кемеровского краеведческого музея». В 1977 году для альманаха «Земля Кузнецкая» надо было кратко рассказать об истории нашего музея. И оказалось, что своей истории мы не знаем. Я стала увлеченно заниматься поисками документов, людей прошлых лет. Это было очень интересно, т. к. тема была просто родной для души.

Кроме работы в архивах Кемерова и Новосибирска, я стала искать людей, работавших в музее в прошлые десятилетия. Удалось встретиться и записать воспоминания 30 человек. Выявили дату открытия музея – 6 октября 1929 года, появился список директоров музея, которых со дня основания было 13 человек, выявлены места эвакуации музея в разные здания города, особенно во время Великой Отечественной войны, собрано 70 фотографий о жизни и работе музея в прошлые годы.

В поисковую работу я ушла с головой, и она продолжалась десять лет.

Большой удачей стало приобретение фотоальбома нашего первого директора музея – Семена Федоровича Иванова (1869–1953), найденного мною в его семье у родственника Михаила Николаевича Дмитриева. Альбом торжественно передан в наш музей 21 июля 1999 года, в кожаном переплете, с тиснением на 19 листах, с 31 фотографией. Личный альбом основателя нашего музея С. Ф. Иванова появился в наших фондах через 70 лет со дня открытия музея. Это и есть вершинные точки удачи в нашей работе.

Кто дальше будет заниматься историей музея в XXI веке, тот тоже будет изучать наш сегодняшний день, и тогда, как на рентгене, будет видно, какой след в работе оставил каждый музейный работник. Человек оценивается по делам, и от этого никуда не уйдешь.

Ведущей в музее является массовая работа: экскурсии, лекции, беседы. От того, каков рассказ по содержанию, доходчивости, каков даже

тембр голоса, зависит популярность музейных тем. Я всегда имела высокую оценку за общение с аудиторией. Вот отзыв на лекцию из Крапивинского хлебоприемного предприятия 13 декабря 1973 года: «Рабочие и служащие сердцем переживают за сохранное отношение к природе нашего района. Мы хотим, чтобы подобные лекции "Охрана природы" читались и впредь. Огромное спасибо научному сотруднику Баронской О. Н. за доходчивость, простоту и убедительность рассказа». Отзывы – это память людей, с кем я работала, перед кем выступала.

За годы работы награждена 25 областными грамотами.

Мною опубликовано около 40 научно- краеведческих статей в сборниках, монографиях, журналах и областной газете «Земляки». Все мои публикации, со вновь найденными мною деталями об исторических событиях, я собирала по крупицам. Одна из первых публикаций «Все щедро отдать людям» была о немецком ученом-натуралисте Альфреде Бреме (1829–1884), который весной 1876 года совершил путешествие в Сибирь и прошел по нашей местности от Салаира до Томска, оставив записи о богатстве нашей природы. Вот цитата из его записей: «...Красив и богат кедровый лес южного лесного пояса Сибири...». Это путешествие дало ему возможность совершенствовать его главный труд – «Жизнь животных» (в 10 томах). На эту публикацию в газете я получила массу отзывов от читателей.

Совсем новый материал был мною опубликован в статье «Жизнь в науке» о геологе-палеонтологе Марии Федоровне Нейбург (1894–1962), которая во время своей полевой экспедиции по югу Кузбасса в 1929 году посетила наш, тогда еще Щегловский, краеведческий музей в здании Дворца труда и подарила музею коллекцию палеонтологических образцов наших угольных месторождений. В научном поиске узнавать такие детали истории было чрезвычайно интересно.

Мне было поручено оказывать методическую помощь государственным музеям городов Ленинска-Кузнецкого, Прокопьевска.

За годы работы прошла стажировки по повышению квалификации в Свердловске, Москве, Костроме, Ярославле.

За период работы в Кемеровском краеведческом музее я собрала более 3000 предметов музейного фонда, из них более 70 процентов – сборы основного фонда (особо значимые).

В июле 1984 года мне, первой среди работников музеев области, было присвоено звание заслуженного работника культуры РСФСР (Указ Верховного Совета РСФСР от 18 июня 1984 года).

В феврале 1989 года вручена медаль «Ветеран труда» в связи с достижением пенсионного возраста.

С 25 мая 1999 года приказом директора музея являюсь почетным членом фондово-закупочной комиссии Кемеровского областного краеведческого музея и занимаюсь поиском и сдачей музейных материалов

в фонды. В свои зрелые годы считаю, что мой рабочий путь был удачным, интересным, с элементами постоянного поиска в познании исторических особенностей края.

И в данное время продолжаю, на общественных началах, пополнять фонды музейными предметами. Так, в отделе военной истории Кемеровского областного краеведческого музея выставлены в экспозиции около десяти моих предметов музейного значения периода войны 1941–1945 годов.

Принимаю участие в публикациях воспоминаний о крупных руководящих работниках угольной промышленности в сборнике «Высшее шахтостроительное образование в Кузбассе» (том 1, 2006 год) Кузбасского государственного технического университета. За эту работу по представлению Топливно-энергетического комплекса области была награждена медалью администрации Кемеровской области «За веру и добро» (удостоверение от 10 ноября 2006 года).

У всех музеев есть одно особое свойство – в него заходят с интересом, каждого человека ожидает встреча с новым событием, или отдельным фактом, или совсем небольшим экспонатом, который запомнится на всю жизнь. В этом глубокая сила музея.

А музейные работники не прекращают музейный поиск никогда. Пока они живут, поиск продолжается.

Р. Ф. Павловская,
ст. научный сотрудник Кемеровского
областного краеведческого музея

Незабываемые встречи

Я не сибирячка и даже родом не «из Кузбасса и не из Магнитки». Но вот уже 28 лет живу в Кемерове и работаю в областном краеведческом музее. Из них семь лет (1982–1989) возглавляла отдел советского периода, охватывающий период истории с октября 1917 года по 1990 год.

Опыт какой-никакой работы у меня был, так как почти десять лет до этого я была заведующей экскурсионным отделом в Ярославском историко-архитектурном музее-заповеднике. Но ничего не знала по истории Кузбасса. Поэтому с приходом в отдел обложилась литературой по Сибири, Кузбассу и приступила к изучению истории края. Знакомилась с учеными, краеведами и другими знатоками Кузбасса. Вот тогда я поняла, что Кузбасс – очень своеобразный регион, это советская экономическая колония внутри страны. Ему тогда были присущи все особен-

ности колонии: выкачивание сырья, крайняя неразвитость сферы науки и культуры. Кузбассу отводилась утилитарная роль – давать уголь, металл. И в музее это хорошо просматривалось. Коллектив, в основном, работал на современность. Мы собирали экспонаты на предприятиях, чтобы показать достижения Кузбасса в очередной пятилетке. Основными экспонатами, конечно же, являлась продукция промышленности. Наша задача по сбору материалов была облегчена существованием распоряжения Совета Министров СССР, благодаря которому мы получали их безвозмездно.

Но, несмотря на этот документ, пополнять фонды музея было сложно, т. к. немногие руководители с легкостью расставались с подлинными материалами. Да еще за годы моего заведывания трижды менялся научный состав отдела. А были периоды, когда я была совсем одна. И тогда практически ежемесячно приходилось бывать в командировках по области. И я благодарна судьбе за это: во время многочисленных поездок увидела Кузбасс во всем его величии, красоте, познакомилась с людьми удивительной судьбы, моральной чистоты, высокого полета в труде.

Они искренне верили в свое правое дело, в то, что их трудовые подвиги являются отражением коллективного мировоззрения и понимания роли и места Кузбасса.

Хочу далеко не обо всем этом написать, не как о близком, а лишь из чувства душевной сопричастности к людям и событиям.

Будучи заведующей отделом, я вела основную тему «Экономика Кузбасса на современном этапе», при разработке которой большое внимание приходилось уделять угольной промышленности. Работу шахтеров знала не понаслышке. Я выросла в шахтерской семье: отец был проходчиком, один брат – взрывником, другой – мастером по технике безопасности. И потом, работая в музее, многие непонятные мне перипетии на шахтах Кузбасса выясняла у них и получала толковые разъяснения. Не случайно и по сей день мне не безразлично состояние угольной промышленности Кузбасса.

Начало комплектованию и изучению экспонатов по угольной отрасли мною было положено в 1985 году, когда с одобрения директора Л. П. Кравцовой было решено построить экспозиционную выставку «Рубежи шахтерской славы», посвященную 50-летию стахановского движения, зародившегося в угольной промышленности. Тогда и было задумано, что все материалы, собранные к этой выставке, лягут и в основу экспозиции «Кузбасс за годы Советской власти», которую мы готовили к 70-летию Великого Октября, что и было воплощено в новом здании музея (по Советскому проспекту, 51).

Поэтому летом 1985 года была организована экспедиция сотрудников музея по шахтам юга Кузбасса, в города Новокузнецк и Междуреченск. И с этого года начались мои встречи с людьми, которые были

Р. Ф. Павловская (справа) в экспозиции по истории угольной промышленности

и остаются «солью» земли Кузнецкой. Это не просто Герои Социалистического Труда, это стойкие, мужественные, мудрые, красивые, интересные, скромные люди. Их труд тяжел – тяжел уголь, тяжел и рубль. Бытовало мнение, что шахтерский труд самый высокооплачиваемый. Но парадокс в том, что об этом знают все, а вот как этот рубль достается, известно лишь самим шахтерам. За героизм денег не платят. Оплачивается нелегкий труд горняка.

Для того чтобы нам достоверно рассказывать посетителям музея о шахте, нам во время сбора материалов по шахте «Распадская» с трудом удалось уговорить главного инженера А. И. Евтушенко дать разрешение на спуск в один из забоев. И мы с Н. П. Гусевой в сопровождении инженера шахты спустились и прошлись по забою (правда, не работающему в эту смену), проползли через так называемые печи к скипу, и нас подняли на-гора. Потом мы с Ниной Петровной, отмываясь в душе от угольной пыли, поделились мнением, что шахтерам надо платить только за то, что они спускаются в забои, и плюс за каждую тонну добытого угля.

И к этому хочу сделать отступление. Кроме шахты «Распадская», однажды мы с Л. П. Смокотиной, будучи в командировке в Таштаголе, побывали в шахте рудника «Таштагольский». Там «отработали» всю горняцкую смену. В середине смены погас свет, остановились вся техника и вентиляторы. Горели только аккумуляторные лампочки, как светлячки. Было ощущение не то что страха, а ужаса – кромешного ада.

Здесь, на шахте «Распадская», я впервые лицом к лицу встретилась с бригадиром Владимиром Матвеевичем Гвоздевым. В декабре 1984 года его бригада завоевала право добыть четырехмиллиардную тонну угля Кузбасса. В эти дни стояли очень сильные морозы, и выехать к ним не смогли ни телевидение, ни мы. Единственно, что удалось получить музею об этом событии, – это негатив пленки, запечатлевшей момент подъема бригады и встречу ее в комбинате, который прислал Ю. Мальцев, фотокорреспондент междуреченской газеты «Знамя шахтера».

Улыбка Гвоздева была сродни улыбке Гагарина. После данного успеха этой бригады я постоянно следила за ее трудовыми достижениями и за ростом самого Гвоздева как бригадира. Потом мы встречались неоднократно и на шахте, и у него дома, знакомясь с семьей: его гостеприимной женой Галиной Федоровной, детьми Сашей и Наташей. Даже пришлось обсуждать его выступление на XVIII съезде профсоюзов СССР, его беспокойство по поводу принятия очередных повышенных обязательств бригадой. В декабре 1986 года Кузбасс впервые выдал 150 млн тонн угля в год. Право добыть 150-миллионную тонну добилась опять бригада Владимира Матвеевича, и, плюс к этому, его бригада одновременно добывала последние тонны в счет своих полутора миллионов тонн угля за год. Это было впервые в Кузбассе. Успех был необыкновенный! Весь коллектив шахты ликовал. В числе ликовавших были я и Петр Павлович Костюков, фотограф музея.

К этому торжеству была приурочена очередная традиционная встреча бригадиров-передовиков, от имени которых В. М. Гвоздев, Е. И. Дроздецкий, В. П. Соловьев и В. П. Дунаев рапортовали Кемеровскому обкому КПСС в лице первого секретаря Кемеровского обкома КПСС (1985–1987) Н. С. Ермакова об успехах шахтеров Кузбасса за 1986 год.

За два года упорных сборов фонды музея пополнились ценными экспонатами: документами (дипломы, грамоты, фотографии, удостоверения), переходящими кубками обкома КПСС, облисполкома, облсовпрофа, редакции газеты «Кузбасс», вымпелами, знаменами, комплектующим снаряжением (каски, самоспасатели, термосы и др.). Но, чтобы некоторые из них получить, пришлось пройти испытание на прочность, выдержку перед лицом дающих. Так, чтобы в музей передали хрустальный кубок бригады В. М. Гвоздева, пришлось не только спуститься в шахту, но и встретиться с членами бригады и убедить их, что он должен быть в музее, а не спрятанным в сейфе. Не обошлось и без жесткого разговора с директором шахты Анатолием Федоровичем Лютенко (он работал директором с 1981-го по 1985 год).

Не было бы в музее и руля от 40-тонного автосамосвала БелАЗ, если бы я не побывала в забое разреза «Томусинский» города Междуреченска, не прикоснулась к рычагу в кабине экскаватора, нагружавшего оче-

В. М. Гвоздев с переходящим кубком Кемеровского обкома КПСС, облсовпрофа, облисполкома и редакции газеты «Кузбасс», 1984 год

редной БелАЗ (но уже 60-тонный), если бы потом я на этом самосвале не проехала до отвала горной массы. И только тогда начальник автобазы «Томусинской» дал разрешение снять руль с 40-тонного автосамосвала, на котором В. Г. Дубинец перевез свой первый миллион горной массы в 1981 году. Потом я встретилась с Виктором Григорьевичем, когда он после ночной смены шел бодрый и улыбающийся по территории автобазы. Здесь мы сразу узнали друг друга: я знала его по фотографиям, он меня – по описанию инженера по соцсоревнованию автобазы. Конечно, уставший. Но пригласил на утренний чай домой. А какой это был удивительно вкусный чай, просто необыкновенный! Он только что вернулся с XXVII съезда КПСС, делегатом которого был. И я думала, что из Москвы и привез чудо-чай. На мой вопрос он только улыбнулся. Но в этот же день от директора Междуреченского музея я узнала, что семья Дубинец славится в городе своим чаем, но его секрет никому не известен.

Бригадира Е. И. Дроздецкого знали не только в СССР, но и в Америке, куда он вместе с П. М. Дорофеевым, третьим секретарем Кемеровского обкома КПСС, ездил для чтения лекций. Об этом он пишет в книге «Держим землю на плечах». А я-то с ним незнакома, т. е. нас не представляли друг другу. И вот в г. Ленинске-Кузнецком 7 января 1986 года проходила очередная традиционная встреча бригадиров-угольщиков. Здесь мы и познакомились. Он уже был избран делегатом XXVII съезда КПСС, для него это уже третий партийный съезд. Для меня же было де-

Герои Социалистического Труда бригадиры шахты «Распадская». Слева направо: В. Г. Девятко, В. М. Гвоздев, П. И. Фролов, 1986 год

лом чести не только завести с ним беседу, но и договориться о передаче в музей материалов съезда, о встрече в его домашней обстановке.

И это произошло в марте этого же года. С душевным трепетом и глубоким волнением ехала я в Новокузнецк: Егор Иванович не просто дважды Герой Социалистического Труда, а единственный в своем роде в Кузбассе. Пока добиралась, все размышляла, как себя вести. Ведь я думала, что у его семьи квартира не квартира, обстановка вычурная, жена высокомерная. Оказалось все очень просто. Квартира обыкновенная, как мы сейчас называем, «хрущевка», а жена очень красивая, приветливая и добрая-добрая. Егору Ивановичу пришлось очень долго говорить по телефону по служебным делам, так она меня обласкала вниманием: напоила чаем, показала семейные фотографии, многое рассказала о себе и детях (у них дочь и сын). Затем, когда мы оформили с Егором Ивановичем акт о передаче в музей материалов по работе XXVII съезда, он открыл секрет телефонного разговора: «генерал» по гидродобыче угля Гонтов уговаривал его перейти с шахты «Нагорная» на вновь открывающуюся гидрошахту «Полосухинская» (на этой шахте в 1987 году его бригада выдала свой первый миллион тонн угля). А потом мне стало известно, что сотрудники Новокузнецкого краеведческого музея обижались на него, что он материалы съезда передал в областной музей. Ну что ж, договор дороже денег.

Такими же теплыми встречи были и со скромным и смущенным М. Н. Решетниковым (1928–1992) с шахты «Зыряновская», бригада ко-

торого шесть лет подряд добывала по миллиону тонн угля и чьи три сына пошли по стопам отца. И с задорным экскаваторщиком Э. Ф. Батуриным с разреза «Красногорский», и с задиристым П. И. Фроловым, и со сдержанно-официальным В. Г. Девятко (1931–2003) с шахты «Распадская», и с уверенным «генералом» «Кузбассразрезугля» В. И. Кузнецовым, и с прямодушным Н. Л. Путинцевым – экскаваторщиком разреза им. 50-летия Октября, почетным гражданином Кузбасса, и с принципиальным В. Ф. Бардышевым (1936–2003) с шахты «Кузнецкая» и другими.

Каждая встреча с шахтерами была неповторимой, открывала для меня много нового и в установлении ими рекордов, и в их бескорыстии, и в стремлении добыть славу Кузбассу. И все это происходило скромно, без парадности и трескотни.

Т. В. Чухно,
директор Ленинск-Кузнецкого
краеведческого музея

Первый музейщик города

Недавно в музей обратился Александр Александрович Строганов, который принес фотографию отца, первого директора музея.

О том, что Александр Митрофанович Строганов был директором музея, мы узнали 10 лет назад, когда, готовясь к 60-летнему юбилею, работали с архивными материалами. Из Государственного архива Кемеровской области известно, что в 1934 году постановлением № 954 президиум Ленинск-Кузнецкого горсовета предложил городскому отделу народного образования организовать краеведческий музей. Обоснование было такое: «Учитывая наличие огромных естественных богатств в районе и необходимость их широкой популяризации». Постановление подписано председателем горсовета Нагорновым, ответственным секретарем Селивановским. Заведующим был назначен учитель школы № 9 А. М. Строганов.

В одной из старых книг приказов управления образования города за 1930-е годы были найдены сведения о том, что А. М. Строганов работал в музее с 01.01.1935 по 01.03.1937. Других записей о нем в архивных материалах мы не нашли. Время было страшное, всюду репрессии, люди исчезали в небытие. Вот и Строганова мы посчитали пропавшим без вести. Поиск остановился. К большому сожалению, лишь через 70 лет мы узнали историю этого человека. Оказывается, он жил и работал сначала в с. Драченино Ленинск-Кузнецкого района, а уже будучи пенсионером – в г. Кемерово.

Со Строгановым нас познакомили (теперь уже заочно) его родные, дочь Галина и сын Александр, во время встречи, которая состоялась в музее в марте этого года.

Родился Александр Митрофанович Строганов в 1898 году в с. Золотуха Локтевского района Алтайского края в крестьянской семье. В 22 года окончил курсы по подготовке учителей (это были Вторые губернские Алтайские курсы по подготовке красных учителей). В свидетельстве об окончании курса было написано: «Как делегированный рабоче-крестьянскими массами, отправляется в их среду школьным работником, воспитателем юного поколения народа на началах знания и труда – основах Красной Трудовой армии Коммунистического интернационала». Более 10 лет он учил детей грамоте на Алтае. Был членом пленума Краевого отдела Союза работников просвещения Западно-Сибирского края.

В начале 1930-х годов переехал в город Ленинск-Кузнецкий, был назначен вторым работником ГорПроса, по-нынешнему – управления образования. В 1933 году, когда открылось ФЗО № 9,Строганова назначили директором. Это была школа фабрично-заводского обучения, где молодежь получала образование за «четырехлетку» и училась строительным профессиям. Ведь нужно было строить молодой город – шахты, жилье.

С 1 января 1935 года Александр Митрофанович Строганов был назначен заведующим музеем. Музей размещался в небольшом деревянном доме по улице Коммунистической, 27. В то время это место можно было считать центром рудника, а вернее уже города.

Назначение директором музея А. М. Строганова не было случайным. Александр Митрофанович увлекался краеведением, производил палеонтологические раскопки в пойме реки Ини. Вот так стали появляться в музее бивни и кости мамонта. Он был прекрасным охотником и умело изготавливал чучела животных и птиц. В сегодняшней экспозиции музея «Природные зоны района» выставлены чучела лис, которые были выполнены еще в 1936 году Строгановым. Он сам оформлял экспозиции, потому что хорошо рисовал и умел столярничать.

В фондах музея хранятся документы – «Воспоминания группы участников мартовского восстания в Кольчугино». Это материал на 23 листах, с подписями участников восстания. Он был записан 9.08.1936 года. Давно нет в живых этих людей, но исполненная высокого драматизма веха в истории города, рудника продолжает жить. Мы помним и знаем об этом событии благодаря материалам, собранным и А. М. Строгановым.

В 1936 году, когда собиралась экспедиция по следам красногвардейского отряда Петра Сухова, организованная крайкомом партии и крайисполкомом, в эту делегацию от города вместе с передовиком шахтерского труда, участником Гражданской войны Александром Кулебакиным

попал и заведующий музеем А. М. Строганов. Тогда в музее и появились первые материалы о Красной гвардии Кольчугина и о ее командире П. Ф. Сухове.

В апреле 1936 года А. М. Строганов учился на трехмесячных курсах по подготовке научных и научно-технических работников краеведческих музеев, которые были организованы при Государственном опытно-показательном музее в г. Истре Московской области. Сейчас уже никто не может объяснить, почему Строганов ушел из музея – из-за небольшой зарплаты, потому что нужно было заботиться о семье, или по другим причинам. Известно одно, что первый директор музея сделал многое: он начал формирование музейных фондов.

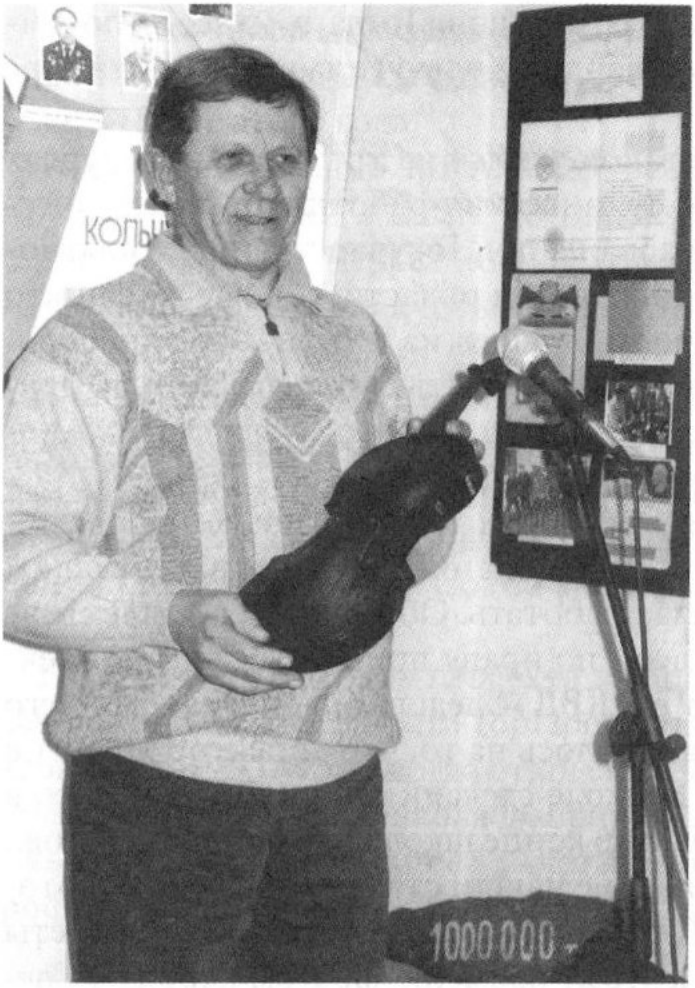
В 1937 году А. М. Строганов экстерном оканчивает Кемеровский педагогический техникум. В июне 1937 года он назначен заведующим школы № 17. Принял школу и начал работать. Обстановка в коллективе была не очень дружелюбная, не всем по нраву пришелся новый директор. Вскоре Строганова вызвали в НКВД. Следователь познакомил его с анонимным письмом, в нем указывалось на то, что директор хранит в школе портреты врагов народа. В школе сделали обыск. В кабинетах, в классах ничего не обнаружили, а вот в конце школьного коридора стоял старый шкаф, в нем-то и проверяющие нашли старые стенгазеты, которые были подготовлены еще ко Дню Красной армии, а на них портреты Тухачевского, который стал уже к этому времени «врагом народа». Следователь посмотрел материал и попросил уничтожить газеты.

Несколько раз вызывали Александра Митрофановича на беседу в НКВД. Жил он в то время с семьей в учительском общежитии, где по ночам часто устраивали обыски, арестовывали коллег. Как и все в то время, Строгановы жили в постоянном страхе перед неизвестностью, когда вновь вызовут на допрос или арестуют. Не выдержав, Александр Митрофанович сам пошел к следователю. Разговор был коротким, Строганов сказал: «Или забирайте, или дайте спокойно жить». Ему дали понять, что лучше уехать.

Семья переезжает в село Драченино, он вновь работает в школе, преподает русский язык, биологию, географию. Поступает учиться в Томский университет.

Дальше в его биографии, как и у всех людей того поколения, была Великая Отечественная война. 13 января 1942 года он призван в РККА, на фронт ушел рядовым. Принимал участие в героической обороне Ленинграда, оборонял Пулковские высоты, был награжден медалью «За оборону Ленинграда», которая была вручена 8 июня 1943 года.

17 февраля 1945 года ефрейтор А. М. Строганов приказом по 8-й армии Ленинградского фронта за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками был награжден медалью «За боевые заслуги».



Сын первого директора музея А. А. Строганов передает в подарок Ленинск-Кузнецкому краеведческому музею скрипку

В семейном архиве Строгановых хранится письмо-наказ командира воинской части п/п № 51547 от 5 июля 1945 года. В нем есть такие строки «…Ты уезжаешь от нас домой к своей семье, к мирному созидательному труду. Ты честно выполнил свой долг перед Родиной в борьбе против фашистской Германии. Ты будешь находиться вдалеке от своей родной части, но мы надеемся, что ты не уронишь честь и достоинство советского воина, будешь честно и добросовестно трудиться, крепить мощь и силу Советской державы, Красной Армии».

После возвращения домой А. М. Строганов, как и написано в наказе, занялся мирным, созидательным трудом – вновь стал учить детей. Был директором Драченинской сельской школы, преподавал географию, учил детей любить и знать родной край. Посадил яблоневый сад возле школы, который и сейчас радует селян своим цветением весной.

Его младший сын Александр, родившийся уже после войны, хорошо помнит, как с отцом на велосипедах приезжали в город, в музей. Это были 50-е годы. Музей только что был переведен в новое помещение по проспекту Кирова, 51, где находится сегодня. Отец рассказывал об экспозиции, а еще он по заказу директора музея Александра Ивановича Никатова изготавливал чучела птиц и животных. Связь с музеем у Александра Митрофановича, оказывается, не прерывалась. В домашнем архиве есть приказ по областному управлению культуры № 306 от 11 декабря 1959 года. Из него известно, что в связи с 25-летием Ленинск-Кузнецкого городского краеведческого музея А. М. Строганов награжден почетной грамотой, как организатор и первый директор музея. Хранится и сама грамота.

В 1959 году Александр Митрофанович вышел на пенсию, и семья переехала в пригород Кемерова.

Александр Митрофанович был активным членом Рудничного Совета ветеранов. Ежедневно во дворе своего дома он устраивал шахматные

баталии с другими пенсионерами. Домашние называли его «энциклопедией». Чего он только не знал и не умел! Дочь Галина, которая тоже стала учителем, вспоминает, как «отец сделал в подарок маме на день рождения четыре стула, веселенькие такие, вся деревня смотреть ходила». Александр Митрофанович был замечательным портным. Шил платья, брюки, пальто, шапки, фуражки. Дочка поехала учиться в институт в 1958 году в новом бобриковом пальто, сшитом отцом. В то время это был «писк» моды. Однажды для народного театра клуба понадобился фрак – артистам помог Строганов, сшил по рисунку. На заказ он никогда не шил, радовал обновками детей, жену. Мастерство это было не случайным, ведь еще до революции у себя в деревне, на Алтае, Александр Митрофанович работал портным. Мастером на все руки называли его в семье.

С детства играл на мандолине, но очень хотелось ему научиться играть на скрипке. На 65-летний юбилей сыновья, Леонид и Александр, в то время еще студенты, подарили отцу скрипку, которую купили в магазине «Мелодия». Александр Митрофанович обрадовался подарку, но никому не сказал, что ему не понравилось звучание инструмента. Разобрал и саму скрипку, и домашнюю полку, выполненную из еловой доски, вырезал и склеил скрипку, установил струны, и зазвучала совсем другая мелодия.

Александр Митрофанович Строганов умер 18 июня 1976 года, похоронен на кладбище шахты им. М. Волкова в городе Кемерово.

О его жизни мы узнали из воспоминаний его родных и из домашнего архива семьи Строгановых. Все документы его жизнедеятельности собраны в одну папку, упорядочены по годам – чувствуется здесь рука настоящего музейщика!

Дочь и сын передали в музей документы и скрипку на хранение, они помогли нам узнать еще об одном замечательном человеке – Александре Митрофановиче Строганове, стоявшим у истоков музея.

Т. В. Чухно,
директор Ленинск-Кузнецкого
краеведческого музея

В прошлое распахнутая дверь

Где можно прикоснуться к истории, почувствовать прошедшую эпоху, соотнести настоящее с прошлым, сделать выводы на будущее? Конечно в музее!

Ленинск-Кузнецкий краеведческий музей, музей четвертой категории, входит в пятерку первых музеев Кемеровской области. Ос-

нован он в 1934 году постановлением городского Совета № 954 от 1 декабря. Заведующим музеем был утвержден Александр Митрофанович Строганов.

Трижды музей менял свое «местожительство», с 1954 года музей находится в центральной части города, по проспекту Кирова.

В 1950–1970-е годы значительный вклад в развитие музея внесли биолог-натуралист Александр Иванович Никатов, историки-краеведы Яков Иванович Бекренев и Алексей Васильевич Куликов. Научные сотрудники приложили много сил, чтобы в последующие годы создать интересные экспозиции, особенно по истории советского общества. Сегодня коллектив музея старается сохранить традиции своих предшественников.

Несколько лет назад, путешествуя по Сибири, член комитета ICOM по вопросам музейной этики Винош Софка, посетив музей нашего города, назвал его домашним. Я согласна с ним. Ведь если задуматься, то идея музея сродни домашнему архиву. В любой семье постепенно собираются какие-то документы, фотографии, различные вещи, сувениры, которые бережно хранятся и передаются из поколения в поколение, а в результате рождается история рода. На самом деле у нас всегда тепло и уютно, как дома, а за холодным блеском витрин – живая история, реальные люди, и сюда всегда хочется вернуться вновь. В музее всегда распахнута дверь в прошлое. Экспозиции позволяют проследить историю города с момента его зарождения, заглянуть в глубь времен.

В разные годы из отвалов разреза «Моховский», размытых берегов речки Покасьмы, выработок шахты им. С. М. Кирова и старого песчаного карьера у реки Ини были извлечены кости, бивни мамонта, черепа мамонта и шерстистого носорога, бизона, рога исполинского оленя и другие ископаемые останки. Все они нашли свое место в музейном зале благодаря заботе и стараниям горожан. Точно неизвестно, сколько тысяч лет назад бродили по нашей земле эти древние обитатели – мраком вечности покрыты далекие первобытные времена. Но зато ясно другое: палеонтологические находки доказывают правильность естественнонаучной картины мира, обосновывают теорию эволюции, помогая учителям объяснять это школьникам.

Нить времен продолжает археологическая коллекция, составленная в основном из предметов, которые обнаружили ученые Кемеровского госуниверситета при раскопках Сапоговских курганов (4–3 тыс. до н. э.). А это уже к нам поближе –Средние века, когда по Кузнецкой котловине расселялись кочевые племена, оставляя истории материальные следы своего пребывания: оружие, утварь, украшения и посудные черепки. Археолог Андрей Илюшин передал останки скелета, найденного в могильнике с. Торопово, возраст которых примерно тысяча лет.

История возникновения нашего населенного пункта начинается с 1763 года. Тогда это была маленькая заимка Кольчугино, названная по

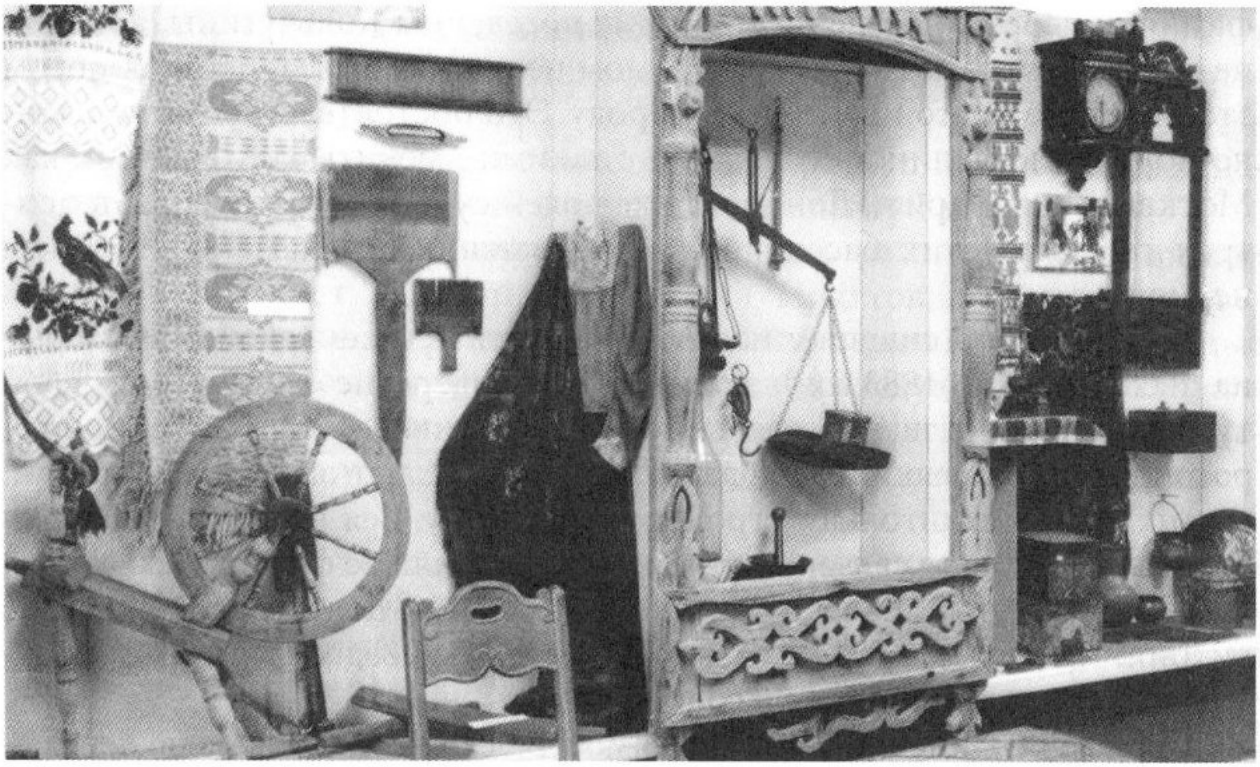
фамилии первых поселенцев. Первые поселенцы Кольчугины, конечно не ведая того, расположились в самом центре Кузбасса, передав потом это почетное место нынешнему городу. Это обстоятельство неожиданно породнило Ленинск-Кузнецкий с такими именитыми городами, как Москва, Вена, Париж, Лондон, тоже волей судеб оказавшимися в центрах геологических бассейнов, образовавшихся в каменноугольном периоде.

Недюжинную силушку надо было иметь тем землекопам, которые на исходе века (1883 год) закладывали в деревне Кольчугино шахту «Успех». Макет шахты открывает экспозицию времени, истоки которого помнят бабушки и дедушки. Лошади вращают огромный барабан, и канат тянет из штольни огромную вагонетку. Вся новейшая история города неразрывно связана с углем, как те глиняные фигурки шахтеров, что, полусогнутые, махают обушком да лопатой под стеклом одной из витрин. Их адским трудом развивался рудник, создавался город, получивший свое название уже в советские годы.

Первые сталинские пятилетки – особая страница, давшая Ленинску-Кузнецкому всесоюзную известность. Два мировых рекорда побил врубмашинист Степан Шишлянников, став первым горняком-орденоносцем и членом Правительства СССР. Вот он улыбается со снимка, обошедшего газеты того времени. А горноспасателю Федору Давыдову посчастливилось запечатлеться бок о бок со знаменитым Алексеем Стахановым. В то время Кузбасс досрочно выполнил второй пятилетний план, и группа передовиков-спортсменов совершила лыжный переход Прокопьевск–Сталино, ныне Донецк (Кузбасс–Донбасс). Рапортуя об этом, побывала на приеме в Кремле.

За большие дела бралась тогда молодежь: штурмовала вершины, покоряла пространства, стремилась в небо. Словом, жила не углем единым, хотя труд был в почете, стоял на первом месте по значимости. Шла настоящая борьба за переходящее Красное знамя с вышитыми на нем Лениным-Сталиным. Одно из таких завоеванных нашими шахтерами полотнищ хранится в музее вместе с макетом врубмашины, форменным горняцким мундиром, портретами Героев Социалистического Труда. Здесь же находится вся нехитрая атрибутика, с которой приходилось когда-то спускаться в забой, надевая робу-брезентуху: лампа-керосинка, кайло с кувалдой да ломик с лопатой.

Выходя из шахты, кольчугинцы строили жилье и детсады, открывали школы и Дома культуры, обустраивали парк отдыха (его называли летним домом отдыха) и стадион. Наши яхтсмены сплавлялись по Ине до самого Новосибирска, а футбольную команду школы № 5 пригласили участвовать в соревнованиях в Москве (это было в 1936 году). Один за другим ставились спектакли, и выходили на местную сцену под аплодисменты зрителей самодеятельные актеры. На радость ребятне сде-



Фрагменты экспозиции Ленинск-Кузнецкого краеведческого музея, 2004 г.

лали Пионерский парк с деревянным Гулливером у входа, каруселью и «лягушатником» (маленьким бассейном). А на массовые гуляния стекался весь город, огромная Базарная площадь с величественной скульптурой С. М. Кирова до краев заполнялась народом. Людно было на избирательных участках, куда приходили и газеты почитать, и в шахматы сыграть, и посудачить.

Вот одно из высказываний в газете «Ленинский шахтер» за 07.11.1935: «Сегодня мне исполняется 18 лет. Работаю кассиром в центральной аптеке. Окончила курсы. Работаю и счастлива. Хорошо жить в нашей стране! Веселье, наука, искусство – все доступно трудящимся великой республики Советов. Кривова Ираида». О жизни города, в самом начале его становления, рассказывают газета «Ленинский шахтер» (1930) и многочисленные фотографии И. Напольского, А. Костромина, М. Ульянова. Глядя на эти снимки, диву даешься, до чего же интересной и насыщенной предстает перед нами та жизнь, несмотря на репрессии и прочие ужасы тоталитаризма!

Самым знаменитым и страшным делом политических репрессий был арест 60 детей 10–12-летнего возраста, создавших якобы «контрреволюционную террористическую группу». Восемь месяцев их держали в городской тюрьме. Возмущение общественности было столь сильно, что детей выпустили на свободу, а работников НКВД привлекли к судебной ответственности.

В апреле 1990 года в музее было создано добровольное историко-просветительное общество «Мемориал». Цель его – восстановление

Фрагменты экспозиции Ленинск-Кузнецкого краеведческого музея, 2004 г.

исторической правды, преодоление последствий сталинизма, оказание помощи пострадавшим, сохранение и увековечивание памяти о жертвах репрессий. Скольким людям мы помогли тогда в поисках документов родных, пропавших в небытие! Помогли получить квартиру бывшему репрессированному Ф. И. Кононцу, установить телефон дочери бывшего «врага народа» Н. М. Агарковой. Имена многих горожан можно найти на страницах Книги Памяти жертв политических репрессий. 30 октября 2000 года в городе открыт памятник «Жертвам политических репрессий», на котором написано: «Не зная поименно всех, замученных в аду ГУЛАГа, скорбят по ним и помнят люди». В День памяти жертв репрессий здесь проходит митинг, в любое время года у памятника живые цветы.

В музейных залах, посвященных Гражданской и Отечественной войнам, часто проходят торжественные мероприятия и экскурсии с участием школьников, ветеранов и общественности. Ведь Кольчугинское восстание (апрель 1919 года) – одно из эпохальных событий в истории города, примерно то же самое для нас, что для французов взятие Бастилии. Невольно остановишься возле бронзового бюста легендарного командира отряда Красной гвардии Федора Сухова – тезки героя всем известного фильма «Белое солнце пустыни».

Во всем здесь проводишь параллели, находишь какие-то неуловимые взаимосвязи, отчетливо понимаешь, что малая родина – неотъемлемая часть большой. Ее шли защищать горожане в 1941-м, гибли на фронтах, приближая Победу. И до сих пор, спустя более полувека, следопыты выясняют судьбы пропавших без вести солдат. Недавно в Долине смерти,

что на Новгородчине, поисковиками были найдены останки, личные вещи и солдатский медальон ленинсккузнечанина Ивана Егоровича Нюнькина. Прах земляка захоронен на кладбище Мясного бора, а вещи и медальон теперь в нашей музейной экспозиции.

В экспозиции «Вклад трудящихся города в разгром фашистской Германии» рассказывается о шахтерах, добывающих уголь для Победы, об эвакуированных предприятиях, детских домах, о работниках и раненых 11 госпиталей. Жители нашего города сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны, участвовали во многих сибирских соединениях, десять земляков за боевые подвиги стали Героями Советского Союза, а А. П. Шилин – дважды Героем Советского Союза.

Боевую эстафету старшего поколения продолжила молодежь 1970–1980-х годов. В экспозиции «Подвиги бессмертны» рассказывается о судьбах героев Афганистана и Чечни.

Трудом нескольких поколений город рос ввысь этажами жилых домов, уходил вглубь этажами горных выработок, славился многими достижениями, стал родиной многих производственных починов. О месте и роли Ленинского рудника в развитии Кузбасса говорит такой впечатляющий показатель: из 3,5 млрд тонн угля, добытого в бассейне за всю его историю, каждая седьмая выдана шахтерами этого рудника. Сегодня в Ленинске-Кузнецком действует 36 промышленных предприятий, из них 5 угледобывающие предприятия.

Гордостью горожан является Государственный научно-клинический центр охраны здоровья шахтеров, руководит которым академик В. В. Агаджанян. Центр открылся в 1993 году благодаря поддержке шахтеров Кузбасса, не имеет аналогов в нашем сибирском регионе.

Не хлебом единым, говорят, живет человек. Научный и культурный потенциал города представлен Кузбасским педагогическим институтом, филиалом Томского архитектурного института, горно-техническим колледжем, сетью образовательных и профессиональных учебных заведений. В городе замечательная детская художественная школа, где по традиции проходят выставки губернаторского культурного центра «Юные дарования Кузбасса». В краеведческом музее часто проходят тематические выставки учащихся и преподавателей.

Сеть спортивных учреждений представлена крупнейшим в Европе манежем спортивной гимнастики, училищем олимпийского резерва, четырьмя спортивными школами. Почетный гражданин города – олимпийская чемпионка, чемпионка мира Мария Филатова, воспитанники училища – чемпионы мира по спортивной гимнастики А. Могильный, В. Тихоньких. Сегодня их победные традиции продолжает член сборной России М. Девятовский, ставший в мае 2002 года абсолютным чемпионом Европы среди юниоров. Наш земляк К. Павлов – неоднократный чемпион мира, Европы по пауэрлифтингу. В истории Ленинска-Кузнец-

кого есть ярчайшая страница – футбольная команда «Заря», выступавшая в середине 90-х в первой лиге. Воспитанник этой команды А. Смертин – лидер национальной футбольной сборной России.

Обо всех этих событиях и конкретных персоналиях рассказывает музейная выставка « Известные и знаменитые», которая посвящена 80-летию нашего города.

В фондах музея более 20 тыс. экспонатов, в том числе документы и фотографии, предметы искусства и материальной культуры. Одних только тульских самоваров насчитывается штук 40. Старинные часы, есть и от Павла Буре, и от японской фирмы «Сейкоша», едва ли не с чугунными стрелками, обыкновенные часы-ходики, «кошечка с бегающими глазками», ружья и револьверы старого образца. Наверняка захочется посидеть за партой прошлого века, подержать в руках ветхий кожаный портфель, попробовать обмакнуть перо в чернильницу-«непроливашку». А может, вам по вкусу «Салон мод» 30-х? Примерьте модную шляпку, набросьте на плечи пелерину или просто посмотрите журналы мод, послушайте звучание патефона.

Да, в музее у времени границ нет. За год его посещают 20 тыс. человек. Пожилые люди приходят сюда на свидание с памятью, а молодые – за знаниями, сделать для себя какое-либо открытие. Ежегодно проводится более 500 экскурсий, лекций, выставок и мероприятий. Здесь постоянно работают краеведческий кружок, клуб ветеранов «Еще не вечер».

Сотрудники музея принимали участие в составлении Всекузбасской Книги Памяти погибших в годы Великой Отечественной войны ленинсккузнечан и Книги Памяти погибших шахтеров Кузбасса (период 1920–2004 годов. В этих черных списках тысячи наших горожан. Книги хранятся в часовне Памяти погибших шахтеров на центральной площади города. Музей отвечает за сохранность 60 памятников и памятных мест нашего города.

На этом нашу беглую экскурсию можно закончить. Ведь бесконечно придется рассказывать о музейных раритетах, перечислять всех тех, кто по крупицам собирал фонды. Это общий многолетний труд, который продолжается изо дня в день.

Музей – живая история города, его летопись, создаваемая во имя прошлого, настоящего и будущего, это очаг просвещения и культуры, который не может погаснуть, как бы трудно нам ни было. Поэтому наши двери всегда открыты. Однажды надо переступить порог музея, чтобы понять окружающий мир, увидеть свое место в нем, задуматься о том, куда и как идти дальше.

Ю. С. Фомкина,
научный сотрудник
Новокузнецкого краеведческого музея

«Верность долгу» – выставка, посвященная истории Новокузнецкого ОМОНа

В 2005 году отмечали 60-летие победы в Великой Отечественной войне. Для краеведческого музея юбилейная дата определяющая в планировании выставок и мероприятий, в которых доминантой является военно-патриотическое воспитание молодого поколения. 9 Мая – это «праздник со слезами на глазах», но это действительно праздник, праздник победы в долгой и тяжелой войне, где были начало и конец, союзник и враг и где был Победитель.

14 декабря 1994 года началась война в Чечне, длившаяся более десяти лет, и хотя боевые действия закончились, нет в ней победителей. Есть только жертвы. Участию новокузнечан в боевых действиях на территории Чеченской Республики посвящен отдел постоянной экспозиции музея «Вечно живые». Но специальных выставок музей долго не готовил. Первой была выставка «Верность долгу», которая приурочена к 10-летию со дня гибели 11 сотрудников Новокузнецкого отряда милиции особого назначения в Чеченской Республике. День 25 февраля 1995 года навсегда останется в летописи города трагической страницей, наполненной горем и слезами родных, друзей, близких погибших ребят и молчаливым оцепенением целого города. Именно тогда словосочетание «война в Чечне» со страниц газет и экранов телевизоров поселилось в домах новокузнечан, а ведь когда-то казалось таким далеким…

15 февраля 1995 года в Чеченскую Республику для освобождения ее территории от бандформирований был направлен 2-й сводный отряд милиции особого назначения УВД Кемеровской области. В эту командировку отправились 27 новокузнечан, вернулись 16.

11 сотрудников отряда погибли 25 февраля при проведении операции по зачистке поселка Алды пригорода города Грозный.

Вот их имена:

лейтенант милиции Андросов Алексей Васильевич, 05.01.1972 г. р.;
рядовой милиции Есипенко Юрий Викторович, 04.04.1972 г. р.
мл. сержант милиции Сухарин Евгений Юрьевич, 12.09.1971 г. р.;
сержант милиции Бауэр Александр Вильгельмович, 01.05.1968 г. р.;
лейтенант милиции Урухпаев Алексей Борисович, 30.04.1968 г. р.;
рядовой милиции Клейменов Сергей Юрьевич, 08.10.1966 г. р.;
сержант милиции Носовский Эдуард Анатольевич, 30.09.1964 г. р.;
лейтенант милиции Сухих Вадим Анатольевич, 21.10.1966 г. р.;

Фрагменты выставки «Верность долгу»

рядовой милиции Чукуров Сергей Николаевич, 04.02.1971 г. р.;
ст. сержант милиции Копылов Олег Федорович, 04.04.1969 г. р.;
мл. сержант милиции Туктамышев Владимир Петрович, 03.06.1962 г. р.

Из воспоминаний командира 2-го сводного отряда милиции особого назначения УВД Кемеровской области полковника Сергея Ивановича Добижи: «Тот день начинался рано, даже скорее не начинался, а вырастал из бессонной ночи, пронизанной воем летящих над головой снарядов, нескончаемой канонадой тяжелой артиллерии, всполохами разрывов и заревом пожарищ, а также пулеметно-автоматными очередями, бившими по ближайшему блок-посту.

Задача перед отрядом была поставлена накануне, 24 февраля, после возвращения двух наших разведгрупп, выходивших за передовые рубежи морской пехоты. Необходимо было совместно с бойцами отдельной дивизии особого назначения внутренних войск очистить от бандформирований пригород Грозного – поселок Алды, с тем чтобы обеспечить продвижение основных сил федеральной группировки в направлении Черноречья, стратегически важного для дальнейшего разгрома дудаевцев населенного пункта.

В вязком, белом как молоко тумане спешились возле последних обрамляющих город пятиэтажек. Недолгое выстраивание в пешие колонны, и вот уже штурмовые группы сибирских ОМОНов начали выдвижение на исходный рубеж. Двигались бесшумно, все неосторожные шорохи поглощались пеленой тумана. Грязные, едва различимые в окопах мальчишки морской пехоты провожали нас уставшими глазами.

В назначенное время заняли исходные рубежи на ровных и аккуратных улицах поселка. Странно, но следов ночного артиллерийского обстрела не было видно. Поселок был не тронут, не опален вихрем войны и казался вполне мирным населенным пунктом. Только вот собаки почему-то не лаяли, да и движения людей в ближних к нам дворах не наблюдалось. В вязком-вязком тумане стояла оглушительная тишина. Что-то мешало началу операции, возможно, руководители ждали, когда рассеется туман.

Диспозиция отрядов оказалась такой: слева от нас позиции морской пехоты, в тылу река Сунжа, справа и впереди чужая, бандитская земля. С течением времени росло напряжение, усиливающееся неизвестностью, предстоящим боем и невероятной, неестественной тишиной в этом всепоглощающем тумане.

И вот в этой тишине где-то далеко-далеко в тылу зародился сначала еле слышный, а затем все нарастающий звук, потом рев тяжелой техники и лязг ее гусениц. Весь этот шум приближался быстро и шел явно в нашем направлении. Войсковые офицеры прокомментировали появление бронетехники не иначе как атакой противника, и была дана команда приготовиться гранатометчикам к уничтожению боевой машины. Сергей Чукуров принял изготовку для стрельбы из своего штабного гранатомета, ждал приказа. И вот уже из тумана шум преобразился в силуэт какого-то монстра на базе танка. Силуэт двигался на нас. Когда же расстояние сократилось менее чем на сто метров, стало хорошо видно, что же приблизилось.

В это время один из войсковых офицеров сообщил: "Ребята, не стреляйте, это же наша 'Нона' ". "Ноной" в армии называют установку для разминирования минных полей. Последовала команда "отбой", и все с интересом начали наблюдать за слаженными действиями экипажа. Трое военнослужащих явно готовили ее к применению, слышались негромкие кого-то из них команды "Доверни вправо, еще вправо". Затем несколько секунд тишины, экипажа не стало видно. Раздался негромкий выстрел, и над головой медленно, неестественно медленно с характерным змеиным шипением поплыла ракета. Что это? Время остановилось? Почему стало возможно наблюдать полет ракеты? Невооруженный глаз не может это видеть. Спустя некоторое время на ближайший к нам дом и его забор с неба свалились два серебряных рукава-шланга. Разбив напрочь крышу, стены дома и кирпичный забор, они тут же обрушились и на личный состав штурмовых групп Новокузнецкого и Прокопьевского отрядов.

Фрагменты выставки «Верность долгу»

Было видно, как тяжелые шланги кольцами сворачиваются на людях. Это был шок. Что происходит, что будет дальше? Надо спасать людей! И в это время обрушился огненно-рыжий смерч, накрывший все вокруг. Звука уже не слышно, только сбивающий с ног удар неимоверной силы и угасающая на лету мысль: "Это конец".

Сколько пробыли в безмолвии и в бессознании, неизвестно. Только те, кто смог встать на ноги, увидели уже осевшую пыль и …обезображенные тела своих товарищей.

С трудом соображая, что происходит, отдал команду занять круговую оборону – такое вступление предполагало не менее яростную атаку боевиков. Необходимо было вызвать помощь, кругом лежали, полусидели, стонали раненые, а те, кто и смог подняться, пребывали в прострации.

Помощь вызвать было невозможно, радиостанции вышли из строя, войсковые радисты погибли. Круговая оборона ждала атаки. Небольшими силами начали оказывать помощь раненым. Олег Буянов срезал с пострадавших горящее обмундирование. Кто-то пытался кричать в ухо: "Все, командир, нас всех убили!". Другой боец неистово допытывал: "Что, командир, я убит? У меня нет полчерепа! Я убит?". Сколько это продолжалось, сказать трудно, наверное, очень долго. Туман рассеялся. Запах пожарища. Прибыли БТРы. Начали погрузку раненых. Из 55 че-

ловек трех штурмовых групп в строю осталось не более двадцати. БТРы с ранеными еще не успели тронуться, как последовала команда к бою, началась автоматно-пулеметная стрельба. Прикрывая технику огнем, отошли в город.

Вот так погибли 22 сотрудника Кузбасского ОМОНа 25 февраля 1995 года, а еще около двадцати получили различные ранения и контузии. Операция по очистке поселка Алды была безнадежно провалена.

В ходе проведения расследования военная прокуратура признала применение установки разминирования преступлением, лиц, причастных к ее применению, – преступниками».

Данью памяти погибшим и напоминанием живым стала открытая в 1995 году в НКМ экспозиция «Вечно живые». Именно тогда была проведена большая работа по сбору информации о погибших, собраны документы и личные вещи бойцов, а также привезенные с места взрыва предметы. «Трудно передать, насколько тяжело было входить в дома, наполненные горем», – рассказывает Т. Н. Смирнова, работавшая с родственниками погибших ребят. В результате проделанной работы появился экспозиционный турникет, на каждой странице которого краткая летопись жизни тех, кто не вернулся с того боя, сложенная из записок, документов, грамот, фотографий.

В мемориальный комплекс погибших сотрудников ОМОНа входят документы и их личные вещи, которые могут рассказать об их жизни, увлечениях и достижениях: спортивное кимоно Владимира Туктамышева; медальон и значки Вадима Сухих; часы – награда Сергея Клейменова от Министерства обороны СССР за службу в Афганистане, его же милицейская форма; военная форма воина Советской армии Эдуарда Носовского; берет Александра Бауэра; вымпел и грамоты за спортивные достижения Алексея Андросова; диплом об окончании Санкт-Петербургского педагогического колледжа Сергея Чукурова, его летняя камуфлированная форма; грамоты Алексея Урухпаева, среди которых «За первое место в личном первенстве города по плаванию», «За второе место в конкурсе на лучший перевод с немецкого языка». Значительную часть комплекса занимают фотографии, переданные родственниками погибших милиционеров, от детских снимков до последних общих семейных фотографий.

Еще одной составляющей комплекса являются предметы специальной экипировки и снаряжения, которые находились у милиционеров во время проведения операции по зачистке поселка Алды. Фляжки А. Андросова и В. Туктамышева, подсумок к автомату и остановившиеся в трагический момент взрыва часы А. Урухпаева, подсумок под гранаты А. Бауэра, сумка к гранатомету С. Чукурова, бронежилет Э. Носовского. Все эти вещи пережили то февральское утро, и их можно увидеть в экспозиции, а лица ребят, которым они принадлежали, смотрят на нас с фотографий.

Руководством отряда для пополнения фонда напечатаны и переданы в музей фотографии, сделанные накануне отъезда в командировку и в Чечне, запечатлевшие последние дни жизни ребят.

«Они были лучшими из лучших» скажут о тех, кто не вернулся из той командировки. Просматривая их персональные дела, читая характеристики и документы, понимаешь, что это не просто высокие слова, а объективное выражение, подтвержденное всей недолгой жизнью ребят. «Те же, кто погиб, в мирной жизни не проиграли ни одной операции, произведя задержание нескольких десятков бандитов разных мастей, обеспечивая порядок у себя в городе, в области, в г. Москве и в Осетии. Они были лучшими. Они создали авторитет и славу отряда. Они были молодцы! Они умели жить!»

К сожалению, после той трагедии список погибших пополнился еще двумя именами: Королев Юрий Владимирович, 1967 г. р., и Мельников Владимир Олегович, 1976 г. р.

Из заключения служебной поверки по факту гибели сотрудников сводного ОМОНа при ГУВД Кемеровской области: «Установлено: 11.06.2000 года старший сержант милиции Мельников Владимир Олегович и старший сержант милиции Королев Юрий Владимирович находились в составе наряда по несению службы на боевом посту. Заступив на службу в полной экипировке, Мельников В. О. и Королев Ю. В. выполняли задачи по охране общественного порядка, а также проверке граждан, транспортных средств на блок-посту № 31, расположенном на проспекте Октябрьском в г. Грозный, с целью выявления лиц, причастных к бандгруппам, и недопущения провоза оружия, наркотических средств и т. д. В 17 ч. 20 мин с юго-западной стороны по дороге к блок-посту подъехал автомобиль ВАЗ-21099. Автомашина остановилась перед ручным шлагбаумом. Водитель, мужчина в возрасте 25–27 лет, вышел из нее для предъявления и проверки документов и осмотра транспортного средства. С целью проверки к автомашине подошел старший сержант милиции Мельников В. О., в 5 м от проверяемой машины для боевого охранения (прикрытия) находился старший сержант милиции Королев Ю. В. На требование открыть багажник автомашины водитель собственноручно ключами открыл крышку багажника, и в этот момент прозвучал взрыв…».

Сотрудники музея были вынуждены расширять выставку. В витрине детские фотографии, документы. Поздравительная открытка, пришедшая в Новокузнецк в канун нового 1996 года, заканчивается словами «Ждите меня. Я обязательно вернусь! Я просто не могу не вернуться!». Эту открытку прислал Владимир Мельников своим родителям из Чечни, где проходил срочную службу. Здесь же переданные сослуживцами ребят детали от взорванной машины и нательный крестик Ю. Королева.

Другой частью выставки «Верность долгу» является комплекс материалов, характеризующих жизнь сегодняшнего Новокузнецкого ОМОНа. Хотя в этом году отряд отметит свое 12-летие, ОМОН по-прежнему остается подразделением, о деятельности которого объективной информации недостаточно. Поэтому в экспозиции мы воссоздаем то, чем наполнены будни сотрудников этого милицейского подразделения. Это достигается показом различных видов форменной одежды со знаками отличия, ботинок, каски, радиостанции, наручников, маскировочного средства для тела, которое применяется в спецмероприятиях, зимней маскировочной сети, образцов вооружения. Художником НКМ изготовлен планшет, отображающий боевой путь Новокузнецкого ОМОНа. В напольных витринах размещены карточки с изображением орденов, медалей, нагрудных знаков за службу в органах МВД и на Северном Кавказе, с описанием того, за что вручается каждая награда. Под карточками данные о количестве награжденных в составе отряда.

24 февраля 2005 года выставка «Верность долгу» открылась мероприятием, на котором присутствовали студенты металлургического колледжа. Сотрудники отряда рассказали ребятам о погибших милиционерах и службе в ОМОНе. В последующие дни с выставкой познакомилось большое количество посетителей, и, что особенно важно, среди них значительную часть составляла молодежь. Дорогого стоит встреча сотрудников музея с родными погибших, на которой со слезами на глазах матери делились воспоминаниями о сыновьях.

Т. Д. Чернова,
заместитель директора КОКМ по развитию;
Л. Г. Шураева,
ст. научный сотрудник отдела развития КОКМ

Музей и толерантность

Понятие «толерантность» актуально во все времена. Если заглянуть в энциклопедию социологии, то можно узнать, что слово «толерантность» произошло от латинского слова «tolerantia» – терпение. Это терпимость к чужому образу жизни, поведению, чужим обычаям, чувствам, верованиям, мнениям, идеям. Толерантность является одним из основополагающих демократических принципов, неразрывно связанным с концепциями плюрализма, социальной свободы и прав человека. Толерантность начала утверждаться в качестве общезначимого принципа человеческого общения после буржуазных революций в Европе, однако до сих пор постоянно нарушается, ограничивается или отвергается на

межличностном, межгрупповом и государственном уровнях. Полностью или в некоторой степени отрицается авторитаризмом и тоталитаризмом в силу их мировоззренческого «абсолютизма», убежденности в обладании высшей и окончательной истиной, единственно правильным рецептом достижения благосостояния и счастья, за чем обыкновенно скрываются корыстные интересы правящей элиты. Разброс позиций сторонников толерантности чрезвычайно широк – от интерпретации ее как почти ничем не ограничиваемого принципа в разного рода анархистских концепциях до ограничительного истолкования, принимающего во внимание соображения общественного и личного здоровья, законности, морали и т. д.

Толерантность актуальна и для многонациональной и многоконфессиональной России. Например, только в Кемеровской области проживают представители более 100 национальностей, многие из которых отличаются между собой и по вероисповеданию. Вопросы национальной принадлежности и вероисповедания – эти темы всегда были и остаются деликатными во всем мире.

Последние годы в результате политических перемен и государственного переустройства в нашем обществе появились различные политические партии, еще совсем недавно их численность доходила до 100 и более. В советский период в музее отражалась деятельность только единственной партии – КПСС. Многие события в политической жизни страны, мира освещались согласно линии партии, когда не поощрялись инакомыслие и свой взгляд на прошлое и настоящее.

Изменения в современном обществе, которое стремится стать толерантным, нашли свое отражение и в музейной деятельности. Сотрудники музея сумели воспользоваться этим новым явлением в общественной жизни и отразить этот важный аспект в собирательской и выставочной деятельности.

Ярким примером этому может служить новая экспозиция отдела военной истории Кемеровского областного краеведческого музея, которая открылась 16 декабря 2006 года. Наряду с новым художественным решением экспозиция «Кузбасс в годы Великой Отечественной войны» содержит и новую концепцию темы войны, основанную на принципе толерантности.

Впервые вклад наших земляков-кузбассовцев в годы войны рассматривается в рамках всемирного исторического процесса. Показана история Второй мировой войны с сентября 1939 года по сентябрь 1945 года. Новая толерантная концепция экспозиции, разработанная заведующей отделом военной истории Эльвирой Васильевной Алексеевой, заключается в показе войны глазами победителя и побежденного. Рядом с орденами, медалями, документами и вещами советских солдат можно увидеть награды Вермахта, полевой телефон и немецкую печатную машину

Выступление отца Энтони на открытии выставки «Дар музею – дар бесценный». Фото М. Шипенкова, 18.05.06 г.

«Эрика», на которой в годы войны печатали приказы для жителей оккупированных городов, возможно, это была информация, к примеру, о комендантском часе или расстрелах советских людей. Особое внимание привлекают два манекена, одетые в военную форму противоборствующих сторон – унтер-офицера Вермахта и старшего лейтенанта Красной армии. Сотрудники отдела называют их «Ганс» и «Василий». Интерес к ним вызван тем, что немецкая форма выставлена впервые. Поставленные рядом, они наводят на грустные размышления – войну, развязанную руководством стран, вынесли на своих плечах простые люди, она стала трагедией не только для советских людей, но и для немецкого народа.

Экспонатов в обновленных залах стало заметно больше, и пополнились они в немалой степени за счет так называемых трофейных предметов: аккордеона, старинных напольных часов и т. д. Впервые выставлен десятки лет хранившийся у одного ветерана осколок стены Рейхстага.

Обновленная экспозиция особенно актуальна в свете последних событий весной 2007 года в Эстонии, Польше, где стремятся убрать памятники советским воинам-освободителям, перечеркивая тем самым освободительную миссию наших солдат.

Тема «Национальности и религии в Кемеровской области» и раньше находила свое отражение в собирательской и выставочной деятельности. Но последние годы она претерпела изменения и расширила свои рамки.

Например, во время проведения в декабре 2005 года новогодней выставки «Сказочная коллекция» (автор проекта Л. Г. Шураева) была поставлена задача показать традиции празднования Рождества Христова и Нового года у разных народов. А поскольку традиция устанавливать рождественское дерево – ель пришла к нам из Германии, как и первые елочные игрушки, решили установить сотрудничество с Кемеровской региональной немецкой национальной культурной автономией (председатель Александр Фридрихович Цаан). В результате на выставке экспонировались редкие предметы из немецких семей: уникальный свадебный венок невесты с цветами из парафина, принесенный Л. А. Римовой; старинная Библия, переданная И. Е. Штукертом, национальные костюмы, традиционные вышитые рушники с готическим шрифтом.

Участниками выставки были лютеране и католики, а на открытие они пригласили отца Энтони Чарльза Бранагана. Он представитель Всемирного ордена редемптористов в Сибири [1], настоятель строящегося с 2006 года храма католической общины Непорочного Сердца Пресвятой Девы Марии. Знакомство с ним оказалось не только приятным, но и полезным. Человек высокой эрудиции, он оказался интересным собеседником и с пониманием отнесся к нашей просьбе помочь скомплектовать в музее коллекцию по католичеству, привлек к этому и своих священников – отцов Зенона и Анджея и прихожан. Они пошли навстречу музею, почувствовали в себе готовность подарить экспонаты. Отец Энтони передал в дар облачение католического священника, изготовленное в Ирландии в 1940 году, тунику-«альбу», рукава которой украшены широкой кружевной каймой с инициалами первых латинских букв «Иисус Христос Назарянин», «фелонь» монастырской ручной работы, молитвенник начала XX века, четки дорожные, кулон с изображением евхаристической чаши – всего тридцать три предмета, раскрывающие историю деятельности католической общины и ее первых священников на территории Кемеровской области. Для нас дорог этот дар потому, что это свидетельство доверия к музею. Этот аспект актуален во все времена.

Комплекс по лютеранам, которые составляют большую часть немецкого населения нашей области, нам помогло сформировать руководство Евангелическо-лютеранской церкви Урала, Сибири и Дальнего Востока, расположенной в г. Омске, куда Л. Г. Шураева обратилась с письмом. Большую помощь оказала начальник канцелярии этой церкви Татьяна Александровна Муромцева. По ее указанию музею были переданы в дар редкие предметы: облачение лютеранского священника – «талар»; «бевхен» – принадлежавшие первому суперинтенданту, епископу Сибирской епархии Николаю Николаевичу Шнайдеру; пасторская рубашка пробста – духовного руководителя Кемеровской области Якова Вельца. Наряду с вещественными предметами прислали и книги: «Нотный

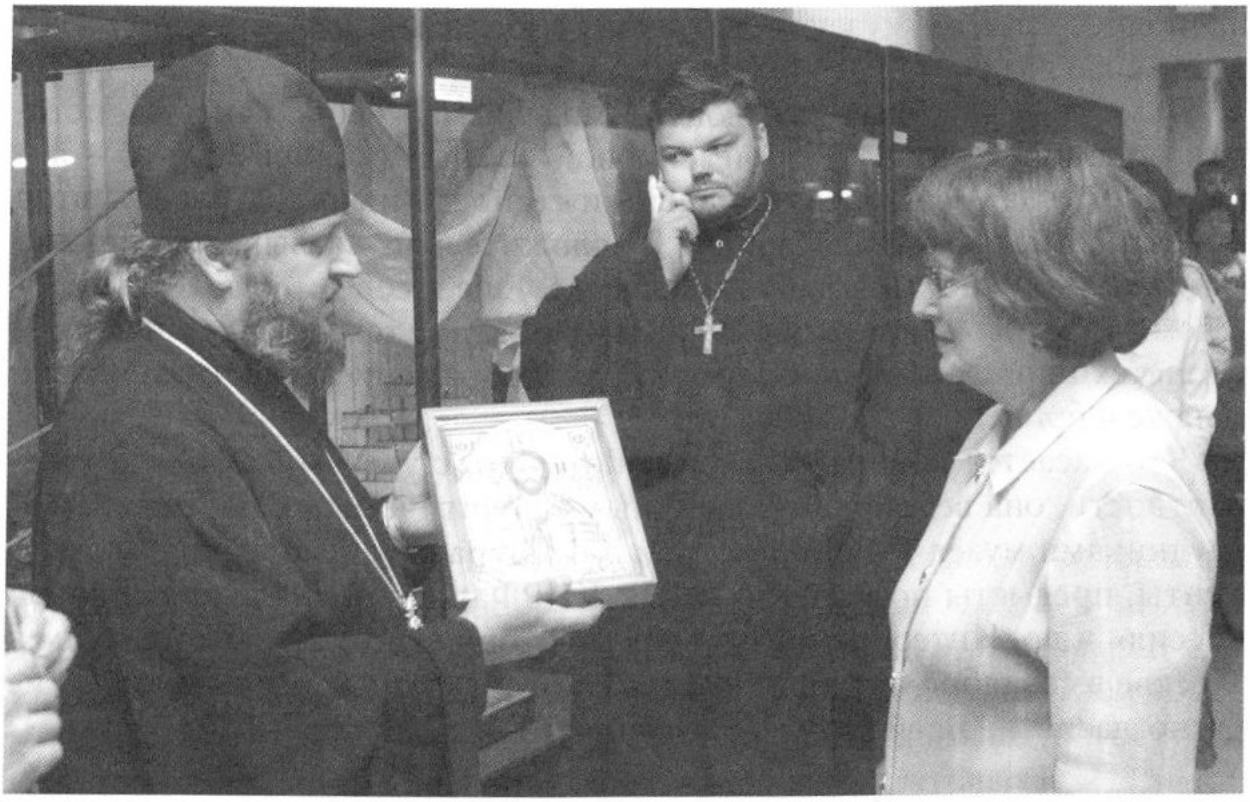
сборник духовных песнопений немцев Поволжья» и «Агенда» – Богослужебник Евангелическо-лютеранской церкви. Полученные экспонаты были представлены в 2006 году на выставке «Дар музею – дар бесценный» (автор проекта Л. Г. Шураева).

Сотрудничество с Кемеровской региональной немецкой национальной культурной автономией не ограничилось выставкой. В марте 2007 года в связи со 150-летием немецкой революционерки Клары Цеткин в Заводском районе начальником центра по работе с населением Л. П. Анциферовой был организован праздник улицы имени Клары Цеткин «Родная улица моя». Праздник был двойным – в 2007 году исполнилось 80 лет с момента получения улицей имени этой известной в истории женщины. Музей помог организаторам выйти на немецкую автономию, и присутствующие не только узнали об истории улицы, но и услышали немецкую музыку в исполнении семьи Римовых: мама и дочь дуэтом исполняли национальные песни на немецком языке.

За последние годы в музее прошел ряд выставок, знакомивших посетителей с культурой Китая. Одна из последних состоялась в марте 2006 года – «В гостях в Поднебесной» (автор проекта Т. Д. Чернова). Одна из задач этих выставок – показать жителям Кемеровской области культуру этого древнего народа и нашего ближайшего соседа, чтобы представления наших граждан о китайцах формировались не только под влиянием «китайских рынков». На последней выставке о Китае в 2006 году в одной из витрин были размещены материалы кемеровской региональной общественной организации «Кузбасско-китайская дружба», которая была создана в октябре 2005 года [2]. Эта организация ставит перед собой главную задачу: осуществлять благородную миссию – служить интересам добрососедства народов, их процветанию и дружбе. У общества есть свой отличительный знак, логотип. На флаге Общества кузбасско-китайской дружбы две фигуры – сибирский бурый медведь и китайская панда как символы мира, согласия и дружбы.

В целях дальнейшего развития российско-китайских отношений и расширения двусторонних связей по решению лидеров наших стран в 2006 году был проведен Год Российской Федерации в Китайской Народной Республике, а 2007 год объявлен Годом Китая в России. В связи с этим усиливается роль регионов. Как известно, за последнее время официальные делегации Кузбасса неоднократно побывали в Китае. А в музее с февраля 2007 года стала работать выставка-продажа предметов декоративно-прикладного искусства Китая и России «Черный Дракон» и «Золотой Феникс».

Летом 2006 года в Кемеровском областном краеведческом музее проходила необычная выставка «Джарна-Кала», или «Фонтан-Искусство», Шри Чинмоя (организатор выставки Т. Д. Чернова) [3]. Выставка живописных произведений Шри Чинмоя не случайно была размещена в зале музея-мастерской А. Н. Кирчанова, народного художника РСФСР: по-



Владыка Аристарх вручает икону «Господь-Вседержитель» директору музея Л. П. Кравцовой. Фото М. Федичкина, 22.09.06 г.

сетители музея имели возможность сравнить творчество одного художника с творчеством другого. Классическая школа живописи А. Н. Кирчанова – вершина, которая покоряется единицам, и спонтанный фонтан творчества Шри Чинмоя, доступный буквально каждому… Такое вторжение в мемориальный зал художника раньше могло рассматриваться как кощунство. На открытии выставки охотно попробовали свои силы в творчестве гости – корреспонденты газет, радио и телевидения. Эта выставка еще одно подтверждение музейной толерантности.

К числу выставок, где понятие «толерантность» выражено особенно ярко, относятся и выставка «Детство вновь не повторится» ко Дню пионерской организации (май 2006 года; авторы выставки Р. Ф. Павловская, Р. Ю. Алексеева), фотовыставки «Всегда готов за Россию!» – о Братстве православных следопытов г. Кемерово (сентябрь 2006 года; автор проекта Т. Д. Чернова). Целью подобных выставок, в ходе которых организуются встречи с ветеранами пионерской организации, сегодняшними пионерами, лидерами скаутского движения, членами скаутской дружины «Кемеровоград», членами детской организации «Россияне» и другими, является диалог поколений, общение между детьми различных общественных организаций, а также знакомство с деятельностью друг друга и применение толерантности на практике. Приятно отметить, что фотовыставка «Всегда готов за Россию!» послужила поводом для первого визита в Кемеровский областной краеведческий музей вновь назначенного Епископа Кемеровского и Новокузнецкого Аристарха, который

преподнес нашему музею в дар икону «Господь Вседержитель» в сентябре 2006 года.

Даже на выставках стендового моделизма, таких как «Из истории военной техники Второй мировой войны» (ноябрь 2006-го – январь 2007 года), «Из истории авиации» (апрель-июнь 2007 года; автор проекта выставок Т. Д. Чернова), положительно сказывается проявление толерантности в нашем обществе. Еще в совсем недалеком прошлом считалось недопустимым экспонирование тех же моделей авиа- и бронетехники фашистской Германии с изображением свастики на фюзеляже и броне.

Что касается собирательской работы, то, с учетом принципа толерантности, она ведется и с различными политическими партиями. Сотрудниками музея Т. Д. Черновой и Л. Г. Шураевой были собраны документы, предметы по истории ЛДПР, КПРФ, партий «Яблоко», «Единая Россия» и др. Интересный блок документов – листовки по событиям в Москве в сентябре-октябре 1993 года, которые отражают политические разногласия в нашей стране, был собран Т. Д. Черновой.

Примечания

1.Впервые редемптористы появились в Сибири в 1908 году, когда они провели духовные упражнения в католических приходах Тобольска, Омска, Томска и других сибирских городах. Большинство верующих сибиряков были потомками поляков, высланных в Сибирь после национального восстания в 1863 году. В 1958 году в Сибири появилась первая постоянная община редемптористов – в г. Прокопьевске. В 1995 году у редемптористов в Прокопьевске появилась новая церковь, на освящение которой прибыл из Рима генеральный настоятель Конгрегации Святейшего Искупителя о. Хуан Лассо де ла Вега. В результате его визита было принято решение создать в Кузбассе международную общину редемптористов, которая взяла бы на себя пастырскую деятельность по всей Кемеровской области. В 1996 году была основана новая община конгрегации в Кемерове, вскоре они появились в других городах и поселках области, где проживали потомки ссыльных поляков и немцев.

2. Общество кузбасско-китайской дружбы создано по инициативе губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева. Оно призвано содействовать повышению деловой активности бизнес-элиты, предпринимателей нашего региона и соседней дружественной страны. Председателем избран известный российский врач – доктор медицинских наук, академик Российской Академии естественных наук и основатель единственной в Кузбассе клиники восточной медицины Ван Вай-Чен. Общество оказывает всяческую поддержку легальному и цивилизованному бизнесу. Наряду с этим оно налаживает контакты ученых и специалистов социальной сферы, способствует развитию связей деятелей культуры и искусства. Почетным членом Общества стал лауреат международных конкурсов, художественный руководитель и главный дирижер Губернаторского симфонического оркестра Кузбасса, гражданин Китая Линь Тао.

3.Шри Чинмой родился в 1931 году в Индии, а с 1964 года живет в США (Нью-Йорк). Творческое вдохновение и талант Шри Чинмоя находят свое выражение в живописи, музыке, литературе, поэзии, спорте. Рисовать он начал с 43 лет. Пишет картины и делает рисунки быстро и спонтанно. Его работы размером от миниатюр до настенной живописи отличаются многообразием стилей и техник.

ПО СЛЕДАМ ПУБЛИКАЦИЙ

А. А. Лопатин,
полковник милиции в отставке

Легенды и реалии

Нередко на страницах центральных и местных изданий появляется не совсем достоверная информация, которая подчас вводит в заблуждение читателей. Порой эта не до конца проверенная информация (а иногда просто-напросто «жареные» факты в угоду сиюминутной конъюнктуре) приводит к появлению различных легенд и вымыслов не только в оценке отдельных людей, но и исторических фактов.

Вот несколько примеров. Недавно ушел из жизни популярный артист кино и театра Спартак Васильевич Мишулин. Почти все газеты откликнулись на это горестное событие.

Газета «Труд» (19 июля 2005 года): «На восьмидесятом году ушел из жизни Спартак Мишулин …учился в артиллерийском училище в Анжеро-Судженске, потом по доносу был несправедливо осужден и просидел несколько лет в тюрьме...» [1] (артист родился 22 октября 1926 года, следовательно, умер на семьдесят девятом году жизни. – А. Л.)

Газета «Кузбасс» (20 июля 2005 года): «В годы войны москвич Спартак Мишулин учился в артиллерийской школе в Анжеро-Судженске, которая была эвакуирована из столицы» [2].

«Российская газета» («Неделя») (22 июля 2005 года) приводит слова Спартака Мишулина: «Судимость была, но снята давно, была судимость за то, что я писал свои рассказы на портрете Иосифа Виссарионовича Сталина. Это случилось по доносу…» [3].

Газета «Земляки» (22 июля 2005 года): Мишулин «… в войну подростком сбежал из дома, оказался в Анжеро-Судженске. Там-то и был осужден и три года провел на зоне. То ли на обратной стороне портрета Сталина что-то написал, лампочки ли для нужд самодеятельности театра стащил…» [4].

Что же на самом деле произошло с нашим героем в далекие военные годы?

Вот как рассказывает о своих детских похождениях сам С. В. Мишулин корреспонденту «Аргументы и факты»: «…Нечто разрушающее сидело внутри меня… Сбегал из дома, попадал в милицию… Когда вер-

нулся из очередного побега обратно в Москву, еще шла война, и мама с дядей эвакуировались. Еду в трамвае и вижу: стоит курсант и чуть не плачет. "Нашу артспецшколу из Москвы в Анжеро-Сужденск переводят", – рыдает он. В общем, мама, папа, сопли, слюни… А я, сколько себя помню, всегда мечтал быть актером и не мог не обратить внимания на афишу "Набор в артспецшколу", которую расшифровал для себя как "артистическая специальная школа". "Давай свою шинель, – говорю этому курсантику. – Как твоя фамилия? Где сбор?" – И поехал вместо него. А на сборном пункте рады были каждому, и меня зачислили. Ну а то, что школа оказалась совсем не артистической, а артиллерийской, я узнал позже…

…В артиллерийской школе затеял самодеятельность… Дом культуры в Анжерке был совсем заброшенным, даже не было ламп для освещения сцены. А мне поручили организовать праздничный концерт. Ну, я и осуществил ночную вылазку за лампочками в судженский (более приличный) очаг культуры, решил на время концерта их позаимствовать, а потом вернуть обратно… Воровство ламп понравилось, поэтому "оргвыводы" не последовали. Только я попался вновь. Дело в том, что с 13 лет я писал роман "Золотой гроб". По сюжету мои герои попадают из-за границы в революционную Россию. Про революцию я ничего не знал, поэтому пошел в библиотеку и попросил… на дом "Историю революции". Мне отказали. Сидеть читать в библиотеке было некогда, поэтому ночью снова пришел туда, аккуратно выставил окно и … Тут меня и схватили… А потом еще нашли исписанный моим мелким почерком портрет Сталина…» [5].

22 октября 2001 года, к 75-летию С. В. Мишулина, РИА «Новости» распространило следующие сведения об актере: «В 1942 году, в 16-летнем возрасте он уехал из Москвы учиться в Анжеро-Судженскую артиллерийскую школу. Там он возглавил театральную самодеятельность, но уже первый спектакль окончился катастрофой: для освещения клуба Спартак вывинтил где-то лампочки, т. е. попросту украл. За это, припомнив и прежние проступки, его посадили в тюрьму» [6].

К сожалению, личное дело заключенного Мишулина ни в архиве ГУВД Кемеровской области, ни в архиве Кемеровского областного суда не сохранилось. И поэтому в настоящее время уже сложно комментировать события многолетней давности. Некоторую сумятицу в оценку тех трагических событий внес и сам Спартак Мишулин. Читатель заметил, что в одном случае он говорит, что отбывал наказание за портрет Сталина. В другом интервью он говорит, что был судим за хищение электролампочек.

Однако случайно сохранившаяся в архиве Главного управления внутренних дел Кемеровской области карточка учета осужденного С. В. Мишулина может нам кое-что поведать.

Читаем документ. Действительно, житель г. Анжеро-Судженска Спартак Владимиров (так в документе. – А. Л.) Мишулин, 1926 года рождения, уроженец г. Москвы, социальное происхождение – из служащих, русский, образование 9 классов, беспартийный, профессия – прочерк, специальность – учащийся, 16 февраля 1942 года народным судом 3-го участка г. Анжеро-Судженска Новосибирской области осужден по ст. 162 к лишению свободы сроком на один год и шесть месяцев (ст. 162 Уголовного кодекса РСФСР за 1926 год гласила: «Тайное похищение чужого имущества (кража)». – А. Л.). [7]. Начало срока с 27 марта 1942 года, конец срока – 29 августа 1942 года (так в документе. – А. Л.); Для отбытия наказания Спартак Мишулин был этапирован в Орлово-Розовское лаготделение Сиблага, находившееся в Чебулинском районе. В карточке есть отметки о его пребывании также в Антибесском и Берикульском лаготделениях.

Однако уже к концу срока наказания происходит какое-то криминальное происшествие с участием Спартака Мишулина, и теперь уже постановлением сессии Кемеровского областного суда он вновь осужден по ст. 162 УК РСФСР сроком на 2 года. Конец срока 27 сентября 1945 года.

О лагерной судимости С. В. Мишулин рассказывает сам. В лагере «...я стал водовозом, возил на поля воду для осужденных. А потом мы с Ваней (тоже осужденный. – А.Л.) придумали вот какую штуку: наполняли бочку не водой, а… зерном. Заключенные же голодными работали, а зерно сваришь в котелке – и сыт. Поехал я так в очередной раз, а тут начальник лагерного пункта. "Дай, – говорит, – попить". –"Да грязная у меня вода, на болоте взял", – пытаюсь увильнуть. Он уже развернулся, а потом опять: "Не-е, пить очень хочется, дай воды". Зачерпнул из бочки, а там вместо воды зерно… Так я еще полтора года заработал…» [8] (запамятовал Спартак Васильевич, осужден он был на два года. – А. Л.).

Наконец, 27.09.1945 года по отбытии срока наказания С. В. Мишулин освобожден из Орлово-Розовского лаготделения и убыл в Брусовский район Калининской области.

Вот еще одна легенда. Как воинский подвиг нашего земляка местные журналисты «отлили в бронзу», а ученые Кемеровского университета закрепили этот факт в учебнике по истории Кузбасса.

В 1964 году в журнале «Октябрь» маршал Советского Союза В. И. Чуйков опубликовал свои мемуары под названием «Конец третьего рейха». Среди бесчисленных примеров доблести и самоотверженности советских воинов в годы войны в своих воспоминаниях маршал упоминал подвиг нашего земляка Николая Масалова, спасшего немецкую девочку. «Позже, – писал Чуйков, – его подвиг был увековечен народным художником СССР Евгением Вучетичем в памятнике-монументе, что воздвигнут в Трептов-парке» в Берлине [9]. (Интересная

деталь. В 1973 году в издательстве «Советская Россия» вышла книга В. И. Чуйкова «Конец третьего рейха». Описывая в этой книге подвиг Н. И. Масалова (стр. 235–237), автор приведенную выше цитату уже не повторяет. – А. Л.).

Вскоре журналисты кемеровских областных газет нашли Николая Ивановича Масалова в Тяжине, он в то время работал завхозом в местном детском садике. Николай Иванович рассказал журналистам о событиях 30 апреля 1945 года, когда он, коммунист, гвардии сержант 220-го гвардейского полка, в бою у Потсдамского моста спас немецкую девочку. Рядом с ребенком лежала убитая женщина [10]. Были ли это ее мать или другая женщина, на этот вопрос, как позднее выяснили немецкие журналисты, никто не смог ответить [11]. Сразу после спасения ребенка Масалов передал его в штаб, так как предстоял штурм квартала, где находился Рейхстаг.

После встречи с Н. И. Масаловым в местных газетах Кузбасса появились многочисленные материалы о подвиге нашего земляка. Известный кемеровский журналист и писатель Петр Семенович Ворошилов написал очерк, а Кемеровское книжное издательство издало произведение журналиста небольшой книжкой под заголовком «Подвиг, отлитый в бронзе» [12].

В 2002 году в газете «Земляки» был опубликован материал Н. Соколовой «Сердцем болел, чтоб она уцелела». Автор вспоминает: «…В самом конце мая 1964 года в маленьком неказистом домишке на окраине Тяжина, где жил Николай Иванович с женой и дочкой-школьницей, сидели мы за столом… Не ожидал солдат, что про него маршал вспомнит, всему миру расскажет. Потрясен был. Изображение памятника, что стоит в Берлине, много раз видел. Сказал мне с изумлением: "Не думал, что про меня…"» [13].

В 2003 году в газете «Кузбасс» появилась небольшая заметка «Судьба воина-освободителя». Там были такие строки: «О подвиге скромного земляка жители Тяжинского узнали лишь много лет спустя после того, как об этом рассказал на страницах газеты "Красная Звезда", а затем и в своей книге "Конец третьего рейха" советский военачальник Василий Чуйков. Скульптор Вучетич встретился с сибиряком и потом увековечил его образ грандиозным бронзовым монументом, установленным в берлинском Трептов-парке 8 мая 1949 года…» [14].

В 2004 году в Кемерове в издательстве «Скиф» вышло учебное пособие «История Кузбасса», написанное коллективом авторов из Кемеровского госуниверситета. В главе седьмой учебника есть такие слова: «…Не вернулись с полей войны 60 тысяч кузбассовцев. В память о них воздвигнуты обелиски во многих городах и селах Кузбасса и общий памятник на набережной реки Томи в областном центре. Отлит в бронзе с золотом и исключительно мужественный и глубоко гуманный подвиг

кузбассовца Н. И. Масалова, спасшего под вражеским огнем немецкую девочку, плакавшую над телом убитой матери. Бесстрашный воин явился прототипом всемирно известного памятника советским воинам, воздвигнутого в Берлине» [15].

В дальнейшем немецкие журналисты из ГДР пытались найти эту девочку. Но поиски оказались безрезультатными. Позднее журналист из Восточной Германии Руди Пешель обнаружил фотографию, сделанную в конце 1945 года. На фотографии были изображены 45 малышей, мальчиков и девочек. Все они были спасены солдатами Советской Армии.

Со слов Руди Пешеля мы узнаем, что этот немецкий журналист встречался с Вучетичем в Москве и спрашивал его, послужил ли подвиг Николая Масалова толчком к созданию фигуры солдата. Вучетич со всей определенностью ответил, что скульптура не рассказывает о каком-то отдельном героическом поступке, а является собирательным образом – она символизирует собой освободительную миссию Советского Союза и уничтожение фашизма [16].

Другое дело, с кого лепилась скульптура советского воина. Позировал скульптору в основном тамбовский рабочий, участник штурма Берлина Иван Степанович Одарченко. В интервью журналисту В. Комову Иван Степанович рассказал, что летом 1948 года, когда он еще продолжал служить в Германии, его познакомили с Вучетичем. Скульптор протянул руку И. С. Одарченко и сказал: «…У меня к вам дело. Мы создаем памятник павшим советским воинам, памятник победы над фашистскими захватчиками. Не возражаете, чтобы мы с вас стали лепить главную его фигуру – воина-освободителя?». Одарченко согласился. Скульптор, архитектор и художник работали с И. С. Одарченко примерно полгода [17].

Мифы и легенды по-прежнему множатся. Недавно один местный ученый, доцент, в одной из областных газет пишет, что «за семьдесят лет правления большевиков погибло, по одним подсчетам, семьдесят миллионов сограждан, по другим, включая и Великую Отечественную войну, – сто десять миллионов человек…» [18].

Какими доказательствами пользовался этот доцент, он не указывает. Написал, и ему кажется, что этого достаточно. Но всем остальным читателям нужен не только «такой урожай смерти», но и документы, подтверждающие столь громкие заявления.

Кстати, подобные «страшилки» уже не раз звучали и продолжают звучать в нашей демократической прессе. Наверное, настало время серьезно разобраться с жертвами «большевистского террора». Правда, ради истины необходимо отметить, что есть и основательные исследования по этой теме. Например, к 25-летию выхода в свет книги А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» московская издательская программа «Мемориал» выпустила издание «Справочник. Система исправительно-трудо-

вых лагерей СССР». Наконец, В. В. Кожинов опубликовал интересную работу «Россия. XX век» [19].

Журналисты В. Лынев и В. Муссалитин записали беседу с известным литератором. Писатель рассказывает, что самые большие потери Россия понесла с 1918-го по 1922 год, около 20 млн человек. В период голода 1921 года умерли около 5 млн человек. Далее Кожинов указывает, что западные первоисточники «подкинули» нашим писакам еще миллионы погибших в годы коллективизации и организованного государством террора, который обошелся стране якобы в 60 млн человек. Население СССР в 1929 году, напоминает автор, насчитывало 154,6 млн человек. Мужского населения старше 14 лет было 45,8 млн человек. Следовательно, уничтожение 60 млн означало бы практическое исчезновение в СССР большинства мужчин, и воевать в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов было бы просто некому. В. Кожинов доказывает, что коллективизация 1929 года, голод 1933 года унесли жизни 6 млн советских людей. В 1937 году в ГУЛАГе погибли более 2,5 млн осужденных и репрессированных.

Известны последние данные о гибели советских людей в годы Великой Отечественной войны – потери составили 26,6 млн человек. Конечно, цифра очень большая. Но в этих потерях две кровопролитные войны. Эти войны на совести не только большевиков.

Наверное, кто-то уже подсчитывает, сколько россиян погибли за последние 15 лет российской демократии. Цифры получаются впечатляющие.

Журналистам, писателям, ученым необходимо перестать вносить смуту в души людей. Выдать «жареное» и первым прокричать что-то сенсационное, для этого ума много не надо. Заняться же по-настоящему серьезной аналитической работой, успокоением растревоженных душ людей – это долг деятелей культуры, искусств, ученых, всех, кто работает с людьми.

Библиографические ссылки

1. Лебедина Л. Карлсон улетел. Навсегда // Труд. 2005. 19 июля.
2. Умер добрый Карлсон... // Кузбасс. 2005. 20 июля.
3. Альперина С. Стреляли… Спартака Мишулина ранили не пулями, а словами // Российская газета. Неделя. 2005. № 28. С. 7.
4. Ольховская Л. Улетел наш Карлсон… // Земляки. 2005. № 30. 22 июля.
5. Богданова Т. Мама не знала, что я в тюрьме // Аргументы и факты. 2004. 7 сент.
6. Спартак Мишулин отмечает 75-летие // РИА Новости. 2001. 22 окт.
7. Архив Главного управления внутренних дел Кемеровской области. Объединенная картотека бывших заключенных.
8. Богданова Т. Указ. соч.
9. Чуйков В. П. Конец третьего рейха // Октябрь. 1964. № 5. С. 130–131.
10. Ворошилов П. Подвиг, отлитый в бронзу. Кемерово, 1965. С. 5, 29, 30.

11. Памятник советскому воину-освободителю в Трептов-парке: Прошлое и настоящее. Берлин, 1987. С. 72.
12. Ворошилов П. Указ. соч. С. 5.
13. Земляки. 2002. 6 нояб.
14. Владимиров В. Судьба воина-освободителя // Кузбасс. 2003. 19 дек.
15. История Кузбасса. Кемерово, 2000. С. 194.
16. Памятник советскому воину-освободителю в Трептов-парке... С.76–77.
17. Там же. С.77.
18. Еременко В. Знаете ли вы Павлова? // Кузбасс. Золотые купола. 2005. 27 июля. С. 4.
19. Цена пережитого // Российская Федерация сегодня. 2000. № 21. С. 41–44.

СОКРАЩЕНИЯ

ВСНХ – Всероссийский совет народного хозяйства
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАКО – Государственный архив Кемеровской области
ГАНО – Государственной архив Новосибирской области
ГКО – Государственный Комитет Обороны
МФиСК – Музей физкультуры и спорта Кузбасса
ДСО – добровольное спортивное общество
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КМК – Кузнецкий металлургический комбинат
КОКМ – Кемеровский областной краеведческий музей
МОУ – муниципальное общеобразовательное учреждение
МФиСК – Музей физкультуры и спорта Кузбасса
НКМ- Новокузнецкий краеведческий музей
НХЛ – Национальная хоккейная лига
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГИВИА – Российский государственный военно-исторический архив
СДЮШОР – Спортивная детско-юношеская школа олимпийского резерва

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

М. А. Шелковников
Экономическое развитие городов Кузбасса во второй половине XIX – начале XX века 3
А. Н. Ермолаев
Мариинск в период Русско-турецкой войны 1877–1878 годов 7
А. О. Кауфман
Генерал И. О. Годлевский – представитель одной из старейших военных династий Кузнецка 14
И. Ю. Усков
Полосухины 18
Г. П. Калишева
Большая история маленькой Каменки 21
Е. В. Майорова
«Дело – табак» (из истории табачных фабрик города Кузнецка в 1920-е годы) 27
М. А. Пермина
О некоторых изменениях социально-демографической структуры Топкинского района в 20–50-е годы XX века 36
Л. Ю. Галкина
АИК «Кузбасс» – конкурент Кузбасстреста 43
В.Ф. Похабов
Календарно-обрядовые традиции села Курск-Смоленка Чебулинского района (1930–60-е годы) 49
М. В. Белозерова
К истории деятельности Томской колонизационно-переселенческой партии в Кузнецком округе (20–30-е годы XX века) 56
М. Ю. Живописцев
К истории бронепоезда «Сибиряк» 65
В. М. Максимов, Д. В. Ковров
Бронепоезд «Лунинец» 71

Т. П. Чуча
Печальной памяти страница 76
О. П. Гарбузова
«Из газеты я узнавал, как живут и работают люди в тылу» 81
Т. Г. Ананьина
Их судьбы пересеклись здесь 88
Е. С. Генина
«Дело КМК» (1949–1952): основные вехи 92
В. Я. Северный
Истории строки…(Из хронологии слетов и соревнований в детском туризме Кузбасса) 98
Ф. М. Ягунов
Кия-Шалтырь 103
Т. И. Кимеева
Развитие мотоспорта в сфере деятельности ДОСААФ города Кемерово 108
Н. А. Колмыкова
Жизнь, связанная со спортом (Из истории семьи Коробецких) 113
Л. П. Смокотина, А. В. Добжанская
Ономастика с «кузбасским лицом» 119
Н. А. Мишов
Рыболовство шорцев в XX веке (традиции и современность) 123
В. В. Поддубиков
Сибирские татары Мариинского района: особенности промыслово-скотоводческой специализации традиционного хозяйства 129

КОЛЛЕКЦИИ РАССКАЗЫВАЮТ...

Е. В. Лежнева
«Воровские деньги» в собрании Кемеровского областного краеведческого музея 137
А. В. Добжанская
«Живописное обозрение» и его издатель Август Семен 140
Л. П. Смокотина
История пишется объективом 143
Г. И. Рогов
Денежные знаки Мариинского и Томского уездов 146
Г. И. Рогов
Экслибрис в Кемерове 153
Т. И. Бабакова
Жизнь посвятил служению народу…(Архив Ивана Григорьевича Демко в фондах НКМ) 159

ДЕЛА МУЗЕЙНЫЕ

О. Н. Баронская
Музейная мозаика 170
Р. Ф. Павловская
Незабываемые встречи 179
Т. В. Чухно
Первый музейщик города 185
Т. В. Чухно
В прошлое распахнутая дверь 190
Ю. С. Фомкина
«Верность долгу» – выставка, посвященная истории
Новокузнецкого ОМОНа 196
Т. Д. Чернова, Л. Г. Шураева
Музей и толерантность 202

ПО СЛЕДАМ ПУБЛИКАЦИЙ

А. А. Лопатин
Легенды и реалии 209

СОКРАЩЕНИЯ 216

Научно-популярное издание

РАЗЫСКАНИЯ
Историко-краеведческий альманах
Выпуск седьмой

Редактор Г. А. Рудакова
Компьютерная верстка М. А. Власова

Подписано в печать 01.06.2007. Формат 62x84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Уч. изд. л. 12,2. Тираж 500 экз. Заказ 0591.

ООО «АРФ»
650025, г. Кемерово, ул. Черняховского, 4

